

ВРАТА МЁРТВОГО ДОМА

МАЛАЗАНСКАЯ КНИГА ПАВШИХ: СКАЗАНИЕ ВТОРОЕ

СТИВЕН ЭРИКСОН

Стивен Эриксон
Врата Мертвого Дома
Серия «Малазанская империя»
Серия «Малазанская «Книга Павших»», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9747840
Эриксон, Стивен. Врата Мёртвого Дома: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-80251-7*

Аннотация

В то время как на континенте Генабакис Малазанская империя столкнулась с неожиданным сопротивлением, в другой части света, в Семи Городах, зреет бунт. Грядёт давно обещанный пророчествами Вихрь – восстание, в котором захлебнутся кровью имперские захватчики. Восставших поведёт таинственная Ша'ик – но кто она и чего хочет?..

И вот в самом сердце Вихря сходятся дороги наёмного убийцы Калама, вечных странников Икария и Маппо, а также ищущих путь к Восхождению древних оборотней. И отступает, защищая гражданских, войско полководца Колтейна, на которого враги уже накинули Собачью цепь...

Второй роман из величественного эпического полотна «Малазанская Книга Павших» – впервые в новом, выверенном и откомментированном переводе.

Содержание

Благодарности	7
Действующие лица	8
Врата Мёртвого дома	11
Пролог	11
Книга первая	21
Глава первая	21
Глава вторая	35
Глава третья	63
Глава четвёртая	84
Глава пятая	101
Книга вторая	116
Глава шестая	116
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Стивен Эриксон

Врата Мёртвого дома

Этот роман посвящается двоим:

Дэвиду Томасу-младшему, который принимал меня в Англии и познакомил с неким литагентом,

и Патрику Волиу, этому самому агенту.

В эти годы сотрудничества вы всегда верили в меня, и за это я благодарю вас обоих.

Steven Erikson

Deadhouse Gates: A Tale of the Malazan Book of the Fallen

Copyright © Steven Erikson 2000.

This edition is published by arrangement with Transworld Publishers, a division of The Random House Group Ltd. All rights reserved

Издательство выражает особую благодарность Владимиру Ареневу за помощь в подготовке издания предыдущего тома «Сады Луны»

© Лихтенштейн Е., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

СЕМЬ ГОРОДОВ

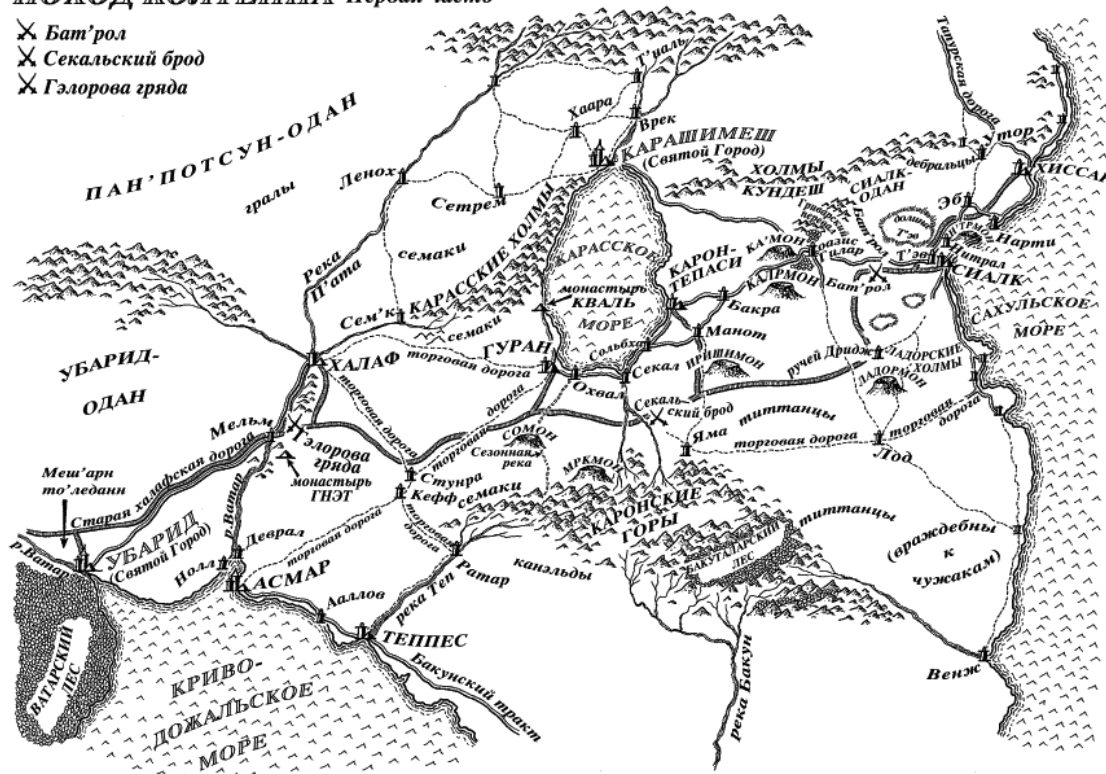
Малазанская империя ок. 1160 года Сна Огни

СОБАЧЬЯ ЦЕПЬ

ПОХОД КОЛТЕЙНА *Первая часть*

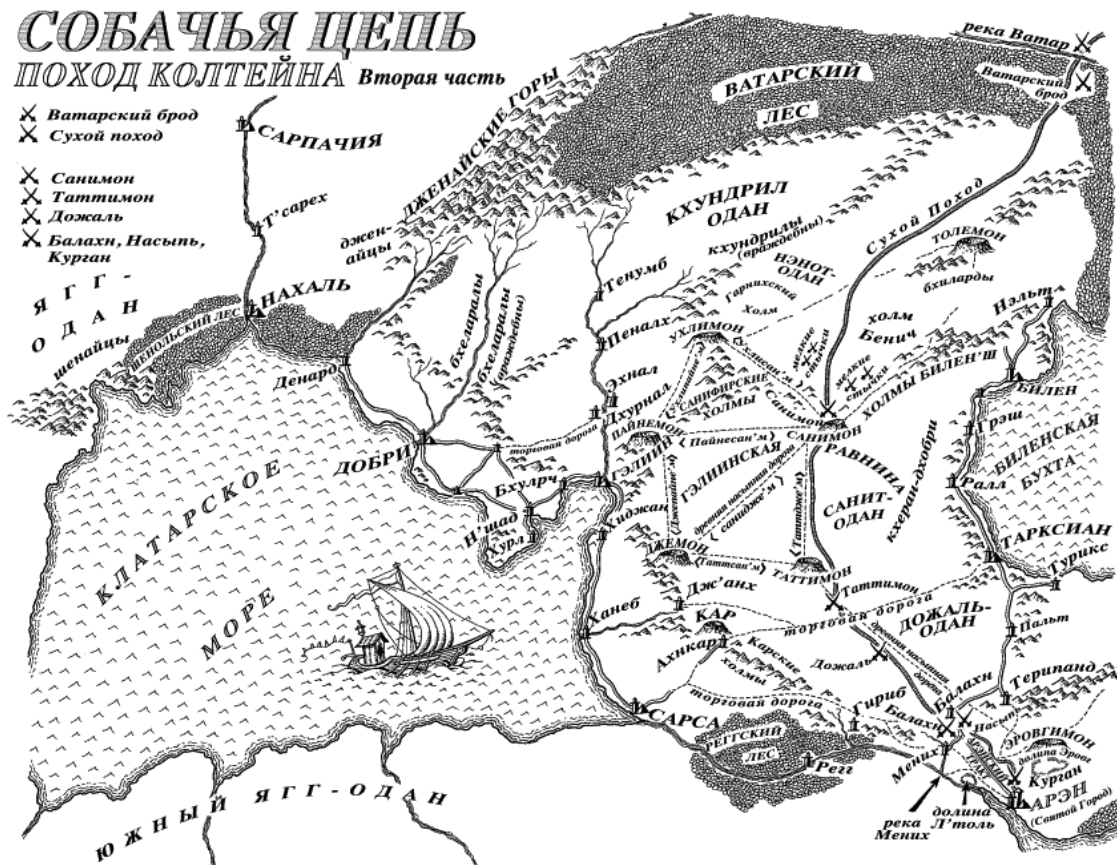
- ✕ Бат'рол
- ✕ Секальский брод
- ✕ Гэлорова гряда

СОБАЧЬЯ ЦЕПЬ

ПОХОД КОЛТЕЙНА ¹ Вторая часть

- ✕ Ватарский брод
- ✕ Сухой поход
- ✕ Санимон
- ✕ Таттимон
- ✕ Дождаль
- ✕ Балахн, Насыпь, Кулган

Благодарности

Я хотел бы выразить глубочайшую благодарность за поддержку: персоналу «Café Rouge» в Доркинге (и ещё кофе, пожалуйста...); ребятам из «Psion» за Psion Series 5, который стал домом для первого черновика этого романа; Дэрил и остальным из «Café Hosete»; и, конечно же, Саймону Тэйлору и остальным сотрудникам «Transworld Publishers».

Моей семье и друзьям: спасибо вам за веру и поддержку, без которых всё, чего я добился, ничего бы не значило.

Также благодарю Стивена и Росса Дональдсонов за добрые слова, Джеймса Баркли, Шона Рассела и Ариэль.

И, наконец, огромное спасибо всем читателям, которые писали комментарии на разных веб-сайтах: писательство — это одинокое занятие, но вы помогли его сделать менее одиноким.

Действующие лица

На Тропе Ладоней

Икарий – странствующий яггут-полукровка
Маппо – его спутник, трелль
Искарал Прыщ – верховный жрец Тени
Рилландарас – Белый Шакал, д’иверс
Мессремб – одиночник
Гриллен – д’иверс
Могора – д’иверс

Малазанцы

Фелисин – младшая дочь из Дома Паранов
Геборик Лёгкая Рука – ссыльный историк и бывший жрец Фэнера
Бодэн – спутник Фелисин и Геборика
Скрипач – Девятый взвод, «Мостожоги»
Крокус – гость из Даруджистана
Апсалар – Девятый взвод, «Мостожоги»
Калам – капрал Девятого взвода, «Мостожоги»
Дукер – императорский историк
Кальп – кадровый маг, Седьмая армия
Маллик Рэл – главный советник Первого Кулака Семи Городов
Саварк – начальник охраны на отатараловых рудниках в Черепке
Пелла – солдат, расквартированный в Черепке
Пормкваль – Первый Кулак Семи Городов, ставка в Арэне
Блестиг – командир Арэнского гарнизона
Шик – Глава Когтей
Сон – капитан сиалкских морпехов
Ченнед – капитан в Седьмой армии
Сульмар – капитан в Седьмой армии
Лист – капрал в Седьмой армии
Глазок – сапёр
Спрут – сапёр
Геслер – капрал береговой охраны
Ураган – солдат береговой охраны
Истин – новобранец в береговой охране
Прищур – лучник
Жемчуг – Коготь
Капитан Кенеб – беженец
Сэльва – жена Кенеба
Минала – сестра Сэльвы
Кесен – старший сын Кенеба и Сэльвы
Ванеб – младший сын Кенеба и Сэльвы
Капитан – владелец и командир торгового корабля «Затычка»

Кривой – виканский пастуший пёс
Таракан – хэнская комнатная собачка

Виканцы

Колтейн – Кулак, Седьмая армия
Темул – молодой копейщик
Сормо И'нат – колдун
Нихил – колдун
Бездна – колдунья
Бальт – опытный полководец и дядя Колтейна

Красные Клинки

Барья Сэтрал (Досин-Пали)
Мескер Сэтрал – его брат (Досин-Пали)
Тин Баральта (Эрлитан)
Аральт Арпат (Эрлитан)
Лостара Йил (Эрлитан)

Аристократы в Собачьей цепи (малазанцы)

Нэттпара
Ленестро
Пуллик Алар
Тамлит

Последователи Апокалипсиса

Ша'ик – предводительница восстания
Леоман – капитан Апокалипсиса в Рараку
Тоблакай – телохранитель и воин Апокалипсиса в Рараку
Фебрил – маг и первый советник Ша'ик
Корболо Дом – Кулак-предатель, полководец армии оданов
Камист Релой – Высший маг в армии оданов
Л'орик – маг Апокалипсиса в Рараку
Бидитал – маг Апокалипсиса в Рараку
Мебра – шпион в Эрлитане

Другие

Салк Элан – путешественник в море
Шан – Гончая Тени
Зубец – Пёс Тени
Бельмо – Гончая Тени
Бэран – Пёс Тени
Крест – Пёс Тени
Моби – фамилиар

Хентос Ильм – заклинательница костей т'лан имассов
Легана Брид – т'лан имасс
Олар Этил – заклинательница костей т'лан имассов
Кимлок – таннойский духовидец
Бенет – вор в законе
Ирп – маленький прислужник
Радд – ещё один маленький прислужник
Апт – демоница-аптори
Панек – ребёнок
Карполан Демесанд – торговец
Була – хозяйка таверны
Котильон – бог, Покровитель убийц
Престол Тени – владыка Высокого дома Тени
Реллок – слуга

Врата Мёртвого дома

Пролог

*Что видишь ты на потемневшем горизонте,
Но всё ж не в силах
Заслонить рукой?
Ток Младший. «Мостожоги»*

*1163-й год Сна Огни
Девятый год правления императрицы Ласиин
Год Отбраковки*

Волоча ноги, он вошёл в Круг Правосудия с аллеи Душ – будто уродливое облако из мух. Кипучие сонмы насекомых с бессмысленной настойчивостью ползали по телу; иногда они отваливались чёрными блестящими комьями и разбивались о булыжники мостовой, разлетались обезумевшими роями.

Час Жажды близился к концу, и жрец шёл, пошатываясь, – слепой, глухой и безмолвный. В этот день служитель Худа, Владыки Смерти, почтил своего бога и присоединился к другим братьям, чтобы раздевать мертвецов и смазывать себя кровью казнённых убийц – той кровью, что хранилась в громадных амфорах, стоявших вдоль стен в нефе храма. Затем торжественная процессия жрецов двинулась по улицам Унты, чтобы приветствовать посланников своего бога и присоединиться к пляске смерти, которой был отмечен последний день Пору Гниения.

Стражники, стоявшие по периметру Круга, посторонились, давая жрецу пройти, а потом ещё больше разошлись, пропуская жужжащее живое облако, что летело за ним. Небо над Унтой по-прежнему казалось скорее серым, чем голубым, потому что мухи, влетевшие на рассвете в столицу Малазанской империи, поднялись в воздух и медленно двинулись над заливом в сторону солёных болот и подтопленных островков за рифом. Мор пришел вместе с Порой Гниения, а сама Пора являлась неслыханно часто – она приходила уже трижды за последние десять лет.

Воздух в Круге всё ещё гудел и переливался, словно в нём висела взвесь из крупного песка. Где-то на соседней улице скулила собака – будто была при смерти, а рядом с центральным фонтаном на площади лежал полумёртвый мул и слабо перебирал ногами. Мухи пробрались в несчастное животное через все отверстия, и теперь его раздуло от газов. Мул, упрямый, как и вся его порода, умирал уже около часа. Когда жрец слепо прошаркал мимо него, мухи взлетели с мула и влились в окутывающее человека облако.

Фелисин было совершенно ясно, что жрец Худа ковыляет прямо к ней. Он смотрел на мир тысячью крошечных глаз, но девушке казалось, будто все они устремлены на неё. Даже нараставший ужас не мог сорвать покров оцепенения, которым было окутано её сознание; Фелисин знала, что ужас поднимается внутри, но это знание было больше похоже на воспоминание о страхе, чем на живой и настоящий испуг.

Она почти позабыла первую Пору Гниения в своей жизни, но вторую помнила во всех деталях. Всего три года назад она провела этот день в безопасности семейной усадьбы, за крепкими стенами дома, где все окна были закрыты ставнями, щели заткнуты тканью, а во дворе и на высоких стенах стояли жаровни, от которых исходил густой дым тлеющих листьев истаарла. Последний день Пору Гниения и Час Жажды были для неё мгновениями непри-

ятными, даже отвратительными, но не более того. Тогда она и не думала о бесчисленных городских нищих, об одичавших животных, которым негде было спрятаться, и даже просто о небогатых горожанах, которых потом насильно сгоняли в отряды для очистки улиц.

Тот же город, но совсем другой мир.

Фелисин гадала, пропустят ли стражники жреца, который подходил всё ближе к жертвам Отбраковки. Она сама и остальные были теперь на попечении императрицы Ласиин, а путь жреца можно было принять за случайный, и неизбежное столкновение – скорее за несчастный случай, чем за осознанный выбор, хотя Фелисин нутром чуяла: это не так. Двинутся ли с места солдаты в высоких шлемах? Попробуют ли провести жреца через Круг без жертв?

– Сомневаюсь, – сказал человек, что сидел на корточках справа от неё. В его полуприкрытых, глубоко запавших глазах сверкнуло что-то похожее на веселье. – Я же вижу, как у тебя взгляд мечется с охраны на жреца и со жреца на охрану.

Высокий молчаливый мужчина слева от неё медленно поднялся на ноги, натянув цепь. Фелисин поморщилась, когда кандалы дёрнулись и врезались в кожу, а мужчина скрестил руки на покрытой шрамами груди. Он посмотрел на приближавшегося жреца, но ничего не сказал.

– Что ему от меня нужно? – прошептала Фелисин. – Чем я заслужила внимание жреца Худа?

Человек справа перенёс вес тела на пятки и подставил лицо лучам послеполуденного солнца.

– Ох, Царица Снов, неужели с этих пухлых нежных губ слетают слова самолюбивой юности? Или это просто обычный подход особы благородных кровей, вокруг которых, как известно, вертится мир? Молю тебя, ответь, о капризная Владычица!

Фелисин нахмурилась.

– Мне было лучше, пока я думала, что ты спишь или умер.

– Мертвецы на корточках не сидят, девочка, они пластом лежат. А жрец Худа идёт не за тобой, а за мной.

Фелисин обернулась к соседу, и цепь между ними звякнула. Он больше напоминал жабу с запавшими глазами, чем человека. Лысую голову и лицо покрывали тонкие чёрные линии татуировки, в затейливом узоре скрывались мелкие квадратные символы, которых было столько, что кожа казалась сморщившимся пергаментным свитком. На старике не было ничего, кроме изодранной набедренной повязки – когда-то красной, но выцветшей. По всему его телу ползали мухи; они не спешили улетать и танцевали по коже – но, вдруг поняла Фелисин, не по мрачному мановению Худа! С ног до головы мужчину покрывала сложная татуировка – морда вепря накладывалась на его лицо, замысловатый лабиринт курчавого меха скатывался вниз, на руки, охватывал бёдра и голени, а ступни украшало тщательное изображение копыт. До сих пор Фелисин была слишком поглощена собой и потрясена, чтобы обратить внимание на соседей в шеренге скованных цепью узников: этот старик был жрецом Фэнера, Вепря Лета, и мухи, казалось, это знали, понимали настолько, что изменили свой безумный маршрут. С болезненным восхищением она смотрела, как они собирались на культах, которыми заканчивались запястья старика, – только эти старые рубцы на его теле не тронул своей властью Фэнер, но по пути к ним насекомые не коснулись ни единой чёрточки татуировки. Мухи вились в безумном танце, лишь бы избежать знаков бога, но, тем не менее, плясали алчно и рьяно.

Жрец Фэнера был прикован последним в шеренге. Кандалы обхватывали его лодыжки, хотя остальным железные полосы сковывали запястья. Ступни старика были покрыты кровью, и мухи вились над ними, но не садились. Фелисин заметила, что старик резко распахнул глаза, когда его внезапно накрыла тень.

Это был жрец Худа. Цепь загремела, когда все узники слева от Фелисин попытались отодвинуться как можно дальше. Стена за спиной оказалась горячей, плитка – украшенная сценами из пышных имперских церемоний – впилась в тело сквозь тонкую рабскую тунуку. Фелисин не могла отвести глаз от окутанной облаком мух фигуры, которая безмолвно возвышалась над сидевшим жрецом Фэнера. Девушка не видела и клочка кожи, вообще ничего от самого человека – мухи покрывали его полностью, под ними он жил во тьме, где даже жар солнца не смог бы его коснуться. Облако с жужжанием растеклось в стороны, и Фелисин отшатнулась, когда холодные лапки насекомых коснулись её ног, быстро двинулись вверх по бёдрам – девушка прижала подол тунуки и плотно сдвинула ноги.

Жрец Фэнера заговорил, его широкое лицо будто треснуло в мрачной ухмылке:

– Час Жажды миновал, аколит. Возвращайся в свой храм.

Слуга Худа не ответил, но Фелисин показалось, что жужжание начало менять тон, оно становилось всё ниже, пока не завибрировало у неё в костях.

Жрец сощурился, и его голос зазвучал по-другому:

– Ну, довольно. Я и вправду был когда-то слугой Фэнера, но это в прошлом – годы утекли, а касание Фэнера не сходит с моей кожи. Однако кажется, что хотя Вепрь Лета не слишком-то меня любит, тебя он не любит ещё больше.

Фелисин показалось, будто что-то у неё в душе вздрогнуло, когда жужжание вновь начало меняться, складываясь в понятные слова:

– Секрет... покажу... сейчас...

– Так давай! – прорычал бывший служитель Фэнера. – Показывай!

Может быть, тогда вмешался Фэнер, яростный бог хлопнул ладонью – Фелисин навсегда запомнила этот миг и часто о нём думала, – или секрет оказался просто шуткой бессмертных, недоступной её пониманию, но в этот миг волна ужаса прорвала дамбу, бесчувственность выжгло из души, когда покров из мух вдруг взорвался, разлетелся наружу, а внутри его... никого не оказалось.

Бывший жрец Фэнера дёрнулся, как от удара, и поражённо раскрыл глаза. На другой стороне Круга полдюжины стражников закричали, из глоток вырвался бессловесный вопль. Цепь лязгнула, когда остальные узники рванулись прочь, будто собирались бежать. Железные кольца в стене, через которые была пропущена цепь, скрежетнули, но выдержали. Стражники бросились вперёд, и шеренга узников снова замерла.

– А вот этого, – потрясённо пробормотал старик в татуировках, – я ничем не заслужил.

Прошёл час, и за это время загадка, потрясения и ужас от появления жреца Худа улеглись в сознании Фелисин, стали новым слоем – самым свежим, но не последним – бесконечного кошмара. Аколит Худа... которого на деле не было. Жужжание мух, которое складывалось в слова. *Может, это был сам Худ? Неужели Владыка Смерти вновь ходит среди смертных? Зачем же он тогда остановился перед бывшим жрецом Фэнера – в чём был смысл этого откровения?*

Но вопросы постепенно поблекли, а сознание снова заполнила бесчувственность, вернулось холодное отчаяние. Императрица провела отбраковку знати, конфисковала богатства благородных домов и фамилий, а после общего обвинения в предательстве и приговора многие оказались в цепях. Что же до бывшего жреца справа и огромного, грязного громилы, обладавшего всеми признаками обычного головореза, – ни тот, ни другой явно не могли похвастаться благородным происхождением.

Фелисин тихонько рассмеялась, и оба вздрогнули.

– Неужто тебе открылся смысл секрета Худа, девочка? – спросил бывший жрец.

– Нет.

– Так что же тебя тогда развеселило?

Она покачала головой. *А ты-то рассчитывала оказаться в хорошей компании – что за бредовая мысль! И вот, пожалуйста, демонстрируешь именно то поведение, которое так бесит крестьян, подливаешь то самое масло, которым плеснула в огонь Императрица...*

– Дитя!

Голос принадлежал пожилой женщине, он звучал по-прежнему надменно, но с нотками томительного отчаяния. Фелисин на миг зажмурилась, а затем выпрямилась и отыскивала глазами тощую старуху в шеренге за громилой. Та была одета в ночную рубашку, изорванную и запачканную. *Не чем иным, как благородной кровью.*

– Леди Гейсен.

Старуха вытянула дрожащую руку.

– Да! Жена лорда Гилрака! Я – леди Гейсен... – Слова прозвучали так, словно она забыла, кем была, теперь старуха нахмурилась, так что пошёл трещинами толстый слой пудры, скрывавший морщины, и покрасневшие глаза впились в Фелисин. – Я ведь тебя знаю, – прошипела она. – Ты из Дома Паранов. Младшая дочь. Фелисин!

Фелисин похолодела. Она отвернулась и посмотрела на стражников, которые стояли в тени, опираясь на пики, передавали друг другу фляжку с элем и отгоняли последних мух. За мулом приехала телега, из неё выпрыгнули четверо измазанных пеплом мужчин с верёвками и баграми. За стенами, окружавшими Круг, вздымались раскрашенные башни и купола Унты. Она тосковала по затенённым улочкам между ними, скучала по беззаботной жизни, которой наслаждалась ещё неделю назад, скучала по Себри, по тому, как он грозно кричал, когда она аккуратно, легко направляла бег своей любимой кобылы. Тогда Фелисин поднимала глаза и видела зелёную изгородь из кустов свинечника, отделявшую площадку для верховой езды от семейных виноградников.

Рядом хмыкнул громила.

– Худовы пятки, а у этой сучки есть чувство юмора.

«У которой?» — подумала Фелисин, но смогла сохранить отрешённое выражение лица, хоть и утратила покой воспоминаний.

Бывший жрец шевельнулся.

– Сёстры вечно ссорятся, так ведь? – Он помолчал, а затем сухо добавил: – Но это уж перебор.

Громила снова хмыкнул и наклонился вперёд так, что его тень упала на Фелисин.

– Жрец-расстрига, выходит? Не похоже на Императрицу – делать одолжения храму.

– Это не одолжение. Я давно уже распрощался с благочестием. Уверен, что Императрице больше понравилось бы, если бы я остался в монастыре.

– Да ей плевать, – презрительно заявил громила и принял прежнюю позу.

Леди Гейсен проскрежетала:

– Ты должна поговорить с ней, Фелисин! Пусть попросит за нас! У меня есть богатые друзья...

Громила заворчал и расхохотался.

– Ты глянь в начало шеренги, карга, там и найдёшь своих богатеньких друзей!

Фелисин только покачала головой. *«Поговорить с ней», как же. Прошли уже месяцы. Даже когда отец умер – ни слова.*

Воцарилась тишина, углубилась и стала почти такой же нерушимой, как и до этого неожиданного всплеска разговорчивости, но затем бывший жрец откашлялся, сплюнул и пробормотал:

– Не стоит искать спасения у женщины, которая просто исполняет приказы, миледи, и не важно, что она – сестра этой девочки...

Фелисин поморщилась и гневно посмотрела на бывшего жреца.

– Ты что, воображаешь...

– Он ничего не воображает, – проворчал громила. – Забуди о крови, о том, что она там должна значить, по-твоему. Это работа Императрицы. Может, ты думаешь, что это личное, может, тебе так приходится думать, учитывая, кто ты такая...

– Кто я такая? – Фелисин хрипло расхохоталась. – Какой из Домов считает тебя родичем?

Громила ухмыльнулся.

– Дом Позора. И что с того? Твой-то выглядит ничуть не менее потрепанным.

– Я так и думала, – заявила Фелисин, с трудом оставив без внимания справедливость последнего замечания. Она покосилась на стражников. – Что происходит? Почему мы до сих пор сидим здесь?

Бывший жрец снова сплюнул.

– Час Жажды миновал. Толпу снаружи надо организовать. – Он посмотрел на Фелисин из-под тяжёлых бровей. – Крестьян надо раззадорить. Мы – первые, девочка, и должны стать примером на будущее. То, что творится здесь, в Унте, должно потрясти всех благородных в Империи.

– Чушь! – возмутилась леди Гейсен. – С нами будут обращаться достойно. Императрица обязана обращаться с нами достойно...

Громила хмыкнул в третий раз – это он так смеётся, поняла Фелисин, – и сказал:

– Если бы глупость считалась преступлением, миледи, вас бы арестовали много лет назад. Хряк прав. Не многие из нас доберутся до кораблей. Этот парад по Колонному проспекту превратится в кровавую баню. И учти, – добавил он, поглядывая на стражников, – старик Бодэн не допустит, чтобы его разорвала в клочья толпа крестьян.

Фелисин почувствовала, что в животе у неё шевельнулся настоящий ужас.

– Не возражаешь, если я буду держаться поближе к тебе, Бодэн?

Громила посмотрел на неё сверху вниз.

– Слишком ты пухленькая, как на мой вкус. – Он отвернулся, а затем проговорил: – Но делай, что пожелаешь.

Бывший жрец наклонился поближе.

– Если подумать, девочка, это ваше соперничество не из тех, где вздыбливают хвосты да царапаются когтями. Скорей всего, твоя сестра хочет убедиться, что ты...

– Она теперь – адъюнкт Тавор, – отрезала Фелисин. – Она мне больше не сестра. Она отреклась от своего Дома по зову Императрицы.

– Пусть так, но сдаётся мне, это дело личное.

Фелисин нахмурилась.

– Тебе-то откуда знать?

Старик отвесил насмешливый полупоклон.

– Был некогда вором, затем – жрецом, теперь стал историком. Мне хорошо известно, в каком напряжённом положении оказались благородные дома.

Фелисин от удивления широко раскрыла глаза и тотчас выругала себя за глупость. Даже Бодэн, который, разумеется, всё услышал, наклонился поближе и внимательно на них посмотрел.

– Геборик, – заявил он. – Геборик Лёгкая Рука.

Геборик вскинул руки.

– Да легче некуда.

– Ты написал ту переименованную хронику, – проговорила Фелисин. – Совершил измену...

Жёсткие брови Геборика поднялись в притворном ужасе.

– Боги упасите! Философское расхождение во взглядах, ничего больше! Так сам Дукер сказал на суде – в мою защиту сказал, благослови его Фэнер.

– Да только Императрица его не слушала, – ухмыльнулся Бодэн. – Ты ведь сперва обозвал её убийцей, а потом ещё набрался наглости заявить, что она провалила работу!

– Запрещённые книги читаешь, да?

Бодэн заморгал.

– Так или иначе, – продолжил Геборик, обращаясь к Фелисин, – я бы предположил, что твоя сестра, адъюнкт, побеспокоится о том, чтобы ты добралась до корабля живой. Исчезновение твоего брата в Генабакисе привело к смерти вашего отца... Так говорят, – добавил он с ухмылкой. – Но именно слухи об измене по-настоящему пришпорили твою сестру, верно? Нужно очистить родовое имя и тому подобное...

– По-твоему, всё выходит почти разумно, Геборик, – ответила Фелисин. В её голосе прозвучала горечь, но девушке было уже всё равно. – Мы разошлись во мнениях с Тавор, и вот – взгляни на результат.

– В мнениях о чём именно?

Фелисин промолчала.

Вдруг шеренга пришла в движение. Стражники вытянулись во фронт и обернулись к Западным воротам. Фелисин побледнела, когда увидела свою сестру – *адъюнкта* Тавор, сменившую Лорн, которая погибла в Даруджистане. Тавор ехала на собственном жеребце, лучшем из лучших конюшен Дома Паранов. Рядом, как обычно, виднелась Ян'тарь, красивая молодая женщина с гривой длинных рыжеватых волос, которые оправдывали такое имя. Откуда она родом, не знал никто, но теперь Ян'тарь стала личной помощницей Тавор. Вслед за ними на плац въехали несколько офицеров и рота тяжёлой кавалерии. Солдаты выглядели причудливо, как чужаки.

– Какая ирония, – пробормотал Геборик, разглядывая всадников.

Бодэн склонил голову и сплюнул.

– Красные Клинки, задохлики ублюдочные.

Историк удивлённо покосился на него.

– А тебя профессия поводила по свету, а, Бодэн? Видел даже морские стены Арэна, не так ли?

Громила недовольно поёжился, затем пожал плечами.

– Довелось постоять на палубе-другой, хряк. К тому же, – добавил он, – в городе о них судачат уже больше недели.

Отряд Красных Клинков выстроился, и Фелисин увидела, как латные рукавицы сжимаются на рукоятях мечей, остроконечные шлемы поворачиваются – все как один – к адъюнкту. *Сестрица Тавор, неужели исчезновение нашего брата так глубоко тебя ранило? Каким же ужасным тебе кажется его неверность, если ты решила заплатить за неё такую цену... а потом, чтобы показать свою абсолютную преданность, ты выбирала между мной и мамой – кого назначить символической жертвой. Неужели ты не понимала, что Худ стоит на распутье той дороги, что ведёт к любому из этих решений? Мама, по крайней мере, теперь со своим возлюбленным мужем...* Фелисин смотрела, как Тавор быстро проинспектировала свою охрану, а затем что-то сказала Ян'тари, которая повернула свою лошадь к Восточным воротам.

Бодэн снова хмыкнул.

– Не зевай! Сейчас начнётся бесконечный час.

...Одно дело – обвинить Императрицу в убийстве, и совсем другое – предсказать её следующий шаг. *Если бы только они прислушались к моим словам.* Геборик поморщился, шаркая по мостовой, – кандалы больно врезались в лодыжки.

Люди цивилизованные во всей красе продемонстрировали свою мягкотелость – изнеженность и чувствительность стали отличительными признаками благородного происхождения

дения. Таким людям жилось легко, безопасно, и в этом было всё дело: они стали живым символом непоказного изобилия, которое жгло нутро бедным ничуть не меньше, чем явная демонстрация богатства.

Геборик это прямо сказал в своём трактате и теперь не мог подавить горькое восхищение перед Императрицей и адъюнктом Тавор, которую Ласиин назначила своим инструментом в этом деле. Показная жестокость полуночных арестов – двери выламывали, людей вытаскивали из постелей под вой перепуганных слуг – породила первый уровень потрясения. Осоловевших от недосыпа благородных господ скрутили, заковали в кандалы и привели на суд пьяного магистрата и присяжных – нищих, которых притащили с соседней улицы. Это была смачная и наглядная пародия на правосудие, которая убила последнюю надежду на вежливое обращение – сорвала весь налёт цивилизации, оставив только хаос и дикость.

Потрясение накладывалось на потрясение, разрезало это нежное подбрюшье. Тавор знала себе подобных, знала их слабости – и безжалостно использовала. Что же может довести человека до такой жестокости?

Услышав новости, бедняки наводнили улицы, кричали от восторга и восхищения своей Императрицей. Затем последовали аккуратно подготовленные беспорядки, мародёрство и убийства, толпа прокатилась по кварталу Знати, выискивая тех немногих высокородных господ, которых не стали арестовывать – ровно столько, чтобы утолить жажду крови, дать толпе лица, на которых можно было бы выместить ярость и ненависть. Затем последовало восстановление порядка, чтобы город не сожгли.

Императрица очень редко совершала ошибки. Она воспользовалась ситуацией, дабы схватить независимых учёных и недовольных, чтобы сжать столицу в железном кулаке армии, провозглашая необходимость увеличить численность войск, набрать новых рекрутов, усилить защиту от предательских заговоров знати. Отошедшие короне богатства позволили расплатиться за прирост армии. Этот изысканный ход – пусть и повторяемый – был использован во всех провинциях, подкреплённый силой Императорского эдикта, и в каждом городе теперь набухал жестокий гнев толпы.

Горькое восхищение. Геборику снова и снова хотелось сплюнуть, а ведь он не делал этого со дней юности, когда был ещё только простым карманником в Мышином квартале города Малаза. Он видел потрясение, написанное на большинстве лиц в шеренге узников. Это были лица людей в ночных рубашках, грязных и мокрых от пребывания в темнице, так что у закованных не осталось даже самой простой защиты – обычной одежды. Растрёпанные волосы, ошеломлённые выражения лиц, неестественные позы – всё, что только мечтала увидеть толпа за стенами Круга, всё, что она мечтала растоптать...

«Добро пожаловать на улицы, – подумал Геборик, когда стражники заставили шеренгу двинуться вперёд под взглядом адъюнкта, которая восседала в седле – прямая, как палка, с таким напряжённым лицом, что от него остались одни чёрточки – прорезь глаз, складки по бокам тонкогубого рта, – проклятье, да ей ведь красоты не отсыпали при рождении, верно?» Все взгляды привлекала к себе младшая сестра, девчонка, которая теперь ковыляла на шаг впереди.

Глаза Геборика впились в адъюнкта Тавор с любопытством, с вниманием – может быть, даже с проблеском зловещего удовольствия – и вот её ледяной взор, пробегая по шеренге, на кратчайший миг задержался на сестре. Но только на миг, знак узнавания – ничего больше. Взгляд Тавор двинулся дальше.

Стражники распахнули Восточные ворота в двух сотнях шагов впереди, перед первыми узниками. Под сводами древней арки прокатился рёв, волна звука, которая врезалась в стражников и заключённых, отразилась от стен и взлетела к небесам вместе со стайкой перепуганных голубей. Хлопанье крыльев опустилось вниз, словно вежливые аплодисменты,

хотя Геборику показалось, что никто, кроме него, не заметил этой иронии богов. Он не сдержался и отвесил лёгкий поклон.

Пусть Худ подавится своими проклятыми секретами. Вот, Фэнер, старый ты хряк, никуда от тебя не денешься. Так смотри же, что будет с твоим беспутным сыном.

Что-то в душе Фелисин ещё сопротивлялось безумию, отчаянно боролось с неодолимым водоворотом. Солдаты стояли вдоль всего Колонного проспекта в три ряда, но толпа снова и снова находила слабые места в ошетилившейся копьями стене. Фелисин словно со стороны видела тянущиеся к ней руки, занесённые и опускающиеся на неё кулаки, размытые лица, выныривающие из водоворота, чтобы плюнуть в неё. И так же, как в душе Фелисин держался последний бастион сознания, её обороняли крепкие руки – руки без кистей, испещрённые гноящимися шрамами культи, которые обхватили девушку и подталкивали вперёд, только вперёд. Никто не тронул жреца. Никто не осмелился. А впереди шагал Бодэн – страшней, чем сама толпа.

Он убивал легко. Презрительно отбрасывал в сторону тела, ревел, подзывал жестами, манил. Даже солдаты в гранёных шлемах вновь и вновь смотрели на него, вздрагивали от его оскорблений, сжимали руки на пиках или рукоятках мечей.

Хохочущий Бодэн, нос которому разбил метко брошенный кирпич, Бодэн, от которого отскакивали камни, Бодэн в изорванной тунике, мокрой от крови и слюны. Любое тело, которое оказывалось рядом с ним, громила хватал, скручивал и ломал. Он задерживался, только когда что-то случалось впереди – расступались солдаты или вот когда потеряла сознание леди Гейсен. Тогда он подхватил её под руки и бесцеремонно швырнул вперёд, не переставая сквернословить.

Волна страха катилась перед ним, капля ужаса, которая отразилась, вернулась обратно к толпе. Нападать стали реже, хотя кирпичи летели по-прежнему: большинство мимо, но некоторые попадали в цель.

Марш через город продолжался. В ушах у Фелисин стоял болезненный звон. Она слышала всё сквозь этот глухой звук, но глаза видели ясно, искали и находили – слишком часто – образы и картины, которые она никогда не забудет.

Узники уже видели ворота, когда случилось самое жестокое нападение. Солдаты словно растворились, и волна дикого голода выплеснулась на улицу, охватывая заключённых.

Фелисин улышалась, как за спиной Геборик сдавленно пробормотал:

– Вот и он.

Бодэн заревел. Вокруг сомкнулся круг тел – руки рвут на куски, ногти впиваются в плоть. С Фелисин сорвали последние обрывки одежды. Чья-то рука ухватила её за волосы, дёрнула, пытаясь сломать шею. Фелисин услышала отчаянный крик и поняла, что он вырвался из её собственного горла. Звериный рык послышался сзади, она почувствовала, как рука судорожно сжалась, а затем исчезла. В уши хлынул новый крик.

Их подхватила волна, повела или потащила – Фелисин и сама не знала – и тут в поле зрения попало лицо Геборика, тот сплюнул на землю обрывок окровавленной кожи. Вдруг вокруг Бодэна появилось пустое пространство. Громила пригнулся, поток портовых ругательств срывался с его разбитых губ. Правое ухо ему оторвали – вместе с волосами, кожей и плотью. Обнажившаяся височная кость влажно поблёскивала. Вокруг лежали искореженные тела, лишь немногие подавали признаки жизни. У ног громилы лежала леди Гейсен. Бодэн схватил её за волосы и поднял так, чтобы всем было видно лицо. Фелисин показалось, что время замерло и весь мир сжался до этого крошечного пятка.

Бодэн оскалил зубы и рассмеялся.

– Я вам не сопливый дворянчик, – прорычал он в толпу. – Чего хотите? Хотите крови знати?

Толпа завывала, вперёд потянулись жадные руки. Бодэн снова захохотал.

– Мы пройдем, слышали меня? – Он выпрямился, поднимая леди Гейсен за волосы.

Фелисин не могла понять, в сознании старуха или нет. Глаза её были закрыты, на лице застыло умиротворённое выражение – почти юное – под слоем грязи и разводами синяков. Наверное, она умерла. Фелисин молила богов, чтобы это было так. Что-то сейчас случится, что-то сосредоточит весь этот кошмар в одном-единственном образе. Воздух звенел от напряжения.

– Она ваша! – заорал Бодэн. Другой рукой он ухватил Гейсен за подбородок и одним движением повернул голову назад. Шея хрустнула, а тело обвисло, подёргиваясь. Бодэн накинул ей на шею цепь. Натянул потуже и начал пилить. Показалась кровь, и цепь стала похожа на разодранный шарф.

От ужаса Фелисин не могла отвести глаз.

– Смилуйся, Фэнер, – прошептал Геборик.

Толпа поражённо замолкла, даже жажда крови покинула её, люди отступили. Появился солдат без шлема; не сводя глаз с Бодэна, он сделал шаг, другой и остановился. За ним над толпой показались островерхие шлемы и широкие мечи Красных Клинков, которые медленно прокладывали дорогу к месту.

Всё замерло, двигалась только цепь. Никто не дышал, только Бодэн всхрапывал от натуги. Если беспорядки и бушевали где-то, то наверняка за тысячу лиг отсюда.

Фелисин смотрела, как голова женщины дёргается вперёд и назад, словно в насмешку над живыми движениями. Она вспомнила леди Гейсен, надменную, властную, утратившую былую красоту и искавшую взамен достоинство. А можно ли было иначе? Можно, но сейчас это не имеет значения. Даже окажись она мягкой, доброй бабушкой, это было бы не важно, никак не повлияло бы на оглушительный ужас этого мгновения.

С чавкающим звуком голова отвалилась. Бодэн посмотрел на толпу, и его зубы блеснули.

– Мы договаривались, – прохрипел он. – Вот вам то, чего хотели, – запомните этот день! – Он швырнул голову леди Гейсен в толпу, ком спутанных волос и потёков крови. Вопли ознаменовали её невидимое приземление.

Появились солдаты, за ними возвышались конные Красные Клинки – медленно двинулись вперёд, отталкивая онемевших горожан. Порядок восстанавливали по всей длине шеренги – всюду, но только не здесь, жестоко, беспощадно. Когда под ударами мечей упали первые люди, остальные разбежались.

Через ворота Круга прошло около трёх сотен узников. Фелисин посмотрела на шеренгу и впервые заметила, сколько их осталось. Кое-где кандалы были пусты, в других местах цепи продолжали держать только оторванные запястья. Меньше сотни узников ещё стояли на ногах. Многие корчились на мостовой, кричали от боли; остальные вовсе не шевелились.

Бодэн покосился на ближайшую группу солдат.

– Вовремя вы подросли, жестянки.

Геборик тяжело сплюнул. Его лицо подёргивалось, когда он уставился на громилу.

– Ты вообразил, что откупишься, Бодэн? Дашь им то, что они хотят. Да только всё зря, да? Солдаты уже шли сюда. Она могла бы жить...

Бодэн медленно обернулся, его лицо покрывала кровавая корка.

– Ради чего, жрец?

– Так ты рассуждаешь? Мол, она бы всё равно умерла в трюме?

Бодэн оскалился и медленно проговорил:

– Просто ненавижу договариваться с ублюдками.

Фелисин посмотрела на три фута цепи между собой и Бодэном. Тысяча мыслей могла бы пробежать в голове, звено за звеном – чем она была, чем теперь стала; какую темницу нашла внутри и снаружи, сплела живой памятью, – но она подумала и сказала только:

– Больше ни с кем не договаривайся, Бодэн.

Он прищурился, глядя на неё. Эти слова и тон каким-то образом задели его.

Геборик выпрямился и смерил её взглядом. Фелисин отвернулась – отчасти из чувства противоречия, отчасти от стыда.

В следующий миг солдаты, которые уже убрали из цепей мертвецов, погнали живых узников вперёд, в ворота, на Восточную дорогу, ведущую к портовому городку под названием Неудачник. Там их ждали адъютант Тавор и корабли работоторговцев из Арэна.

Крестьяне и фермеры столпились у дороги, но не выказывали и тени той ярости, которая кипела в сердцах горожан. В их лицах Фелисин увидела глухую скорбь, страсть, порождённую иными шрамами. Девушка не могла понять, откуда взялась эта скорбь, и знала, что в том-то и состоит различие между ними. И ещё – синяки, царапины, беспомощность и нагота говорили Фелисин, что это лишь первый из уроков, которые ей придётся выучить.

Книга первая Рараку

*У ног моих он плыл,
Могучими руками загребая
Песок текучий.
Спросил я: «По какому
Плывёшь ты морю?»
На это он ответил:
«Я видел ракушки, и панцири, и кости
В пустыне на песке,
Поэтому плыву по памяти земли,
Так чту её я прошлое».
«Далёко ль держишь путь?» – спросил я.
Ответил он: «Не знаю сам.
Ведь утону задолго до того,
Как доберусь до цели».*
Тэни Бьюл. Речи шута

Глава первая

*И все пришли, чтоб оставить
Свой след
На пути,
Вдохнуть сухие ветра,
Заявить права на
Восхождение.*
Мессремб. Тропа Ладоней

*1164-й год Сна Огни
Десятый год правления императрицы Ласиин
Шестой из Семи годов Дриджны, Апокалипсиса*

Исполинский плюмаж из пыли пронёсся по долине и направился дальше в непроходимые пустоши Пан'потсун-одан. Хотя до этой воронки было не больше пары сотен шагов, казалось, она появилась из ниоткуда.

Со своего места на вершине плоского холма Маппо Рант проводил её взглядом глаз цвета песка – глаз, глубоко сидевших на костистом бледном лице. Ладонью, что была покрыта с тыльной стороны щетиной, он сжимал кусочек кактуса-эмрага и не обращал ни малейшего внимания на впившиеся в кожу ядовитые шипы. Потёки сока окрасили его подбородок в голубой цвет. Маппо жевал медленно, задумчиво.

Рядом с ним Икарий швырнул камешек с края гряды. Тот прогрохотал вниз, до усыпанного валунами подножия. Под изорванным балахоном духовидца – когда-то оранжевым, а теперь выцветшим до цвета ржавчины под немеркнущим солнцем – серая кожа потемнела и стала оливковой, будто древняя кровь отца Икария откликнулась на зов этой пустыни. Пот стекал по длинным, заплетённым в косицы чёрным волосам и падал крупными каплями на белёсые камни.

Маппо вытащил застрявший между передними зубами шип.

– Краска у тебя потекла. – Он поглядел на кактус и откусил ещё кусок.

Икарий пожал плечами.

– Уже не важно. Здесь – не важно.

– Даже моя слепая бабушка не поверила бы в твой маскарад. На нас косо смотрели в Эрлитане. Я днём и ночью чувствовал спиной взгляды. Таннойцы всё-таки, по большей части, – низенькие и кривоногие. – Маппо оторвал взгляд от пыльного облака и оглядел друга. – В следующий раз попытайся выбрать племя, где все ростом в семь футов, – проворчал он.

Иссечённое морщинами лицо Икария на миг сложилось в улыбке, в намёке на улыбку, а затем снова приобрело обычное спокойное выражение.

– Те, кто может опознать нас в Семи Городах, уже опознали, а кто не может – пусть гадают, на большее они не способны. – Прищурившись против солнца, он кивнул в сторону песчаного вихря. – Что видишь, Маппо?

– Плоская голова, длинная шея, чёрный, весь порос шерстью. Кабы только это, был бы похож на одного из моих дядек.

– Но это не всё.

– Одна нога спереди, две – сзади.

Икарий задумчиво постучал пальцем по горбинке носа.

– Значит, не один из твоих дядек. Аптор?

Маппо медленно кивнул.

– До схождения всего несколько месяцев. Думаю, Престол Тени почуял что-то и выслал разведчиков.

– Но этот аптор?

Маппо ухмыльнулся так, что показались мощные клыки.

– Далековато забрался. Теперь служит Ша'ик.

Он доел кактус, вытер широченные ладони и поднялся. Потянулся, выгнул спину и поморщился. Прошлой ночью под его спальным мешком обнаружилось бессчётное множество скрытых в песке корней, и теперь мускулы по обе стороны хребта в точности повторяли узор этих костяных пальцев несуществующих деревьев. Маппо потёр глаза. Глянул на себя и обнаружил изорванную, покрытую коркой грязи одежду. Он вздохнул.

– Говорят, где-то здесь должен быть колодец...

– У которого разбила лагерь армия Ша'ик.

Маппо недовольно хмыкнул.

Икарий тоже выпрямился и в который раз отметил огромные размеры своего спутника – большого даже по меркам треллей – широкие, поросшие чёрным волосом плечи, мускулистые длинные руки. И тысячелетия, что проносились перед глазами Маппо с резвостью лани.

– Можешь его выследить?

– Если захочешь.

Икарий скривился.

– Как давно мы знакомы, друг мой?

Маппо ответил насторожённым взглядом, затем пожал плечами.

– Давно. А что?

– Я умею распознать нежелание в голосе. Тебя тревожит то, что может случиться?

– Любая возможная стычка с демонами меня тревожит, Икарий. Труслив, как заяц, этот трелль Маппо.

– Я спросил из любопытства.

– Я знаю.

Странная пара вернулась к крошечному лагерю, который разбила между двумя высокими, обтёсанными ветром скалами. Они не спешили. Икарий присел на плоский камень и

продолжил натирать маслом свой длинный лук, чтобы роговая древесина не ссохлась. Закончив с этим, он взялся за палаш – вытащил старинное оружие из украшенных бронзовыми пластинами ножен и стал прохаживаться точилом по иззубренному лезвию.

Маппо толчком опрокинул палатку из шкур, небрежно свернул её и засунул в свой большой кожаный мешок. За палаткой последовали спальники и нехитрая посуда. Трелль затянул тесёмки, повесил мешок на плечо и взглянул на Икария, который уже завернул лук в ткань, забросил за спину и теперь дожидался друга.

Икарий кивнул, и оба – яггут-полукровка и чистокровный трелль – зашагали по тропинке, ведущей в долину.

На небе ярко светили звёзды, их сияния хватало, чтобы покрыть растрескавшуюся поверхность долины налётом серебра. Вместе с дневной жарой пропали и кровные слепни, уступив власть над ночью немногочисленным роям накидочников и похожим на летучих мышей ящерицам-ризанам, что ими питались.

Икарий и Маппо устроили привал на широком дворе посреди каких-то развалин. Стены из глинобитного кирпича почти рассыпались, остались лишь не доходившие до колена гребни, выложенные геометрически правильными узорами вокруг высохшего колодца. Плиты двора покрывал мелкий, принесённый ветром песок, который, как показалось Маппо, тускло мерцал. Жухлый скрэб цеплялся за трещины перекрученными корнями.

В Пан'потсуне и священной пустыне Рараку, которая примыкала к одану с запада, было немало таких памятников давно исчезнувших цивилизаций. По пути Икарий и Маппо натыкались на высокие телли – холмы с плоскими вершинами, образовавшиеся из многих слоёв древних городов, – расположенные один за другим лигах в пятидесяти между холмами и пустыней: явное свидетельство того, что когда-то богатый и процветающий народ жил на земле, которая стала теперь сухой, иссечённой ветрами пустошью. Из священной пустыни пришла и легенда о Дриджне – Апокалипсисе. Маппо подумал, насколько бедствие, постигшее жителей этих городов, повлияло на миф о суровой поре разрушений и смерти. За исключением немногих покинутых усадеб, вроде той, где путники сейчас устроили привал, развалины эти свидетельствовали о войне, грабежах и пожарах.

Маппо поморщился – его мысли двинулись по накатанной колее. *Не все события прошлого можно разложить перед собой, и сейчас мы к ним не ближе, чем бывали раньше. И у меня нет причин не верить самому себе на слово.* Как случилось и прежде, трелль отмахнулся от этих мыслей.

Неподалёку от центра двора возвышалась одинокая колонна из розового мрамора, покрытая выбоинами и подточенная там, где по ней неустанно хлестали ветры, что летели из Рараку к холмам Пан'потсун. На противоположной стороне колонны ещё сохранились спиральные ложбинки, вырезанные давно умершим каменщиком.

Как только путники вошли во двор, Икарий тотчас направился к шестифутовой колонне и стал рассматривать её со всех сторон. Он хмыкнул, и Маппо понял, что его друг нашёл то, что искал.

– И что на этой? – спросил трелль, сбрасывая с плеч кожаный мешок.

Икарий вернулся, отряхивая песок с рук.

– У самого основания – россыпь отпечатков, крошечные когтистые ладошки. Искатели на Тропе.

– Крысы? Больше одной пары?

– Д'иверс, – кивнул Икарий.

– И кто же это, хотел бы я знать?

– Вероятно, Гриллен.

– Хм-м, неприятно.

Икарий окинул взором плоскую равнину на западе.

– Придут и другие. Одиночники и д’иверсы. Те, кто уже близок к Восхождению, и те, кто от него далёк, но всё равно ищут Тропу.

Маппо вздохнул, глядя на своего старого друга. Призрачный ужас шевельнулся в его душе. *Д’иверсы и одиночники, два проклятья оборотничества, неизлечимая хворь. Собираются... здесь. Идут сюда.*

– Мудро ли это, Икарий? – мягко спросил трелль. – В поисках твоей вечной цели мы сейчас направляемся в самый центр пренеприятнейшего схождения. Если врата откроются, дорогу нам преградит армия кровожадных созданий, объединённых верой в то, что врата ведут к Восхождению.

– Если такой проход существует, – проговорил Икарий, не сводя глаз с горизонта, – возможно, я найду за ним ответы на свои вопросы.

Эти ответы не принесут тебе облегчения, друг. Поверь мне. Пожалуйста.

– Ты мне так и не объяснил, что собираешься делать, когда их получишь.

Икарий обернулся к другу и едва заметно улыбнулся.

– Я сам себе проклятье, Маппо. Я прожил сотни лет, но что я знаю о своём прошлом? Где мои воспоминания? Как я могу судить о собственной жизни без этого знания?

– Многие сочли бы твоё проклятье великим даром, – сказал Маппо, и по его лицу пробежала тень печали.

– Но только не я. Это схождение для меня – возможность. Оно способно дать мне ответы. Надеюсь, что сумею получить их, не прибегнув к оружию, но возьмусь за него, если придётся.

Трелль снова вздохнул – и поднялся.

– Боюсь, эту твою решимость скоро будут испытывать, друг. – Он взглянул на юго-запад. – По нашему следу идут шесть пустынных волков.

Икарий развернул роговой лук и одним текучим движением натянул тетиву.

– Пустынные волки не охотятся на людей.

– Точно, – согласился Маппо. До восхода луны оставался ещё целый час. Он увидел, как Икарий выложил перед собой шесть длинных стрел с каменными наконечниками, а затем прищурился, глядя во тьму. Холодный страх пополз вверх по шее. Волков ещё не было видно, однако трелль их чувствовал. – Их шестеро, но он один. Д’иверс.

Лучше бы это оказался одиночник. Превращаться в одного зверя – само по себе неприятно, а уж в нескольких сразу...

Икарий нахмурился.

– И – могучий, раз сумел принять облик шестерых волков. Не знаешь, кто бы это мог быть?

– Есть подозрение, – тихо проговорил Маппо.

Оба замолчали и стали ждать.

Полдюжины рыжеватых тел появились из неестественного сумрака в тридцати шагах от них. На расстоянии двадцати шагов волки рассыпались полукругом, не спуская глаз с Икария и Маппо. Пряный запах д’иверса заполнил ночной воздух. Один из поджарых зверей шагнул вперёд, но остановился, когда Икарий поднял лук.

– Не шестеро, – пробормотал Икарий, – но один.

– Я его знаю, – заявил Маппо. – Жаль только, он того же не может сказать о нас. Он не уверен, но принял охотничий облик. Сегодня ночью кровь в пустыне проливает Рилландарас. Интересно, он охотится за нами или за кем-то другим?

Икарий пожал плечами.

– Кто будет говорить первым, Маппо?

– Я, – ответил трелль и шагнул вперёд. Тут потребуется хитрость и коварство. Ошибка может стоить жизни. Он заговорил низким и хриплым голосом: – Далеконько от дому убежал, а? Твой брат, Трич, думал, что убил тебя. Где там была эта пропасть? В Дал-Хоне? Или в Ли-Хэне? Ты тогда был д’иверсом шакалов, помнится.

Рилландарас заговорил в сознании каждого из них голосом срывающимся и нетвёрдым, он очень давно им не пользовался:

– *Меня мучает искушение посостязаться в остроловии, прежде чем убить тебя, Н’трелль.*

– Не стоит, – легко откликнулся Маппо. – Я странствую в такой компании, что, как и ты, давно не упражнялся в этом, Рилландарас.

Ярко-голубые глаза вожака метнулись к Икарию.

– Я не силен в остроловии, – мягко проговорил яггут-полукровка едва слышным голосом, – но я теряю терпение.

– *Глупо. Только обаяние и может спасти тебя. Скажи мне, лучник, ты веряешь жизнь хитроумной лжи своего спутника?*

Икарий покачал головой:

– Разумеется, нет. Я разделяю его мнение о себе.

Рилландарас был сбит с толку.

– *Значит, вы странствуете вместе только ради выгоды. Спутники без доверия, без уверенности друг в друге. Ставки, должно быть, высоки.*

– Мне становится скучно, Маппо, – заметил Икарий.

Шесть волков вдруг оцепенели, как один.

– *Маппо Рант и Икарий. Ага, теперь мы понимаем. Знайте, что мы не питаем вражды к вам.*

– Вот и сравнялись в остроловии, – заявил Маппо, и его ухмылка на миг стала шире, а затем вовсе исчезла. – Ищи добычу в другом месте, Рилландарас, иначе Икарий может оказать Тричу непрошеную услугу. – *Иначе он обрушит на мир всё то, что я поклялся предотвратить.* – Ты меня понимаешь?

– *Наши дороги... сходятся там,* – сказал д’иверс, – *где пролёг след демона Тени...*

– Уже не Тени, – возразил Маппо. – Это демон Ша’ик. Священная пустыня пробудилась.

– *Похоже на то. Вы запретите нам охотиться за ним?*

Маппо взглянул на Икария, который опустил лук и пожал плечами.

– Если хочешь скрестить клыки с аптором, это твоё дело. Наш интерес он привлёк лишь случайно.

– *Значит, наши клыки вопьются в горло демону.*

– Хочешь сделать Ша’ик своим врагом? – спросил Маппо.

Вожак склонил голову набок.

– *Это имя мне ничего не говорит.*

Оба путника смотрели, как волки отошли восвояси и вновь исчезли в магическом сумраке. Маппо ослабился, затем вздохнул, а Икарий кивнул и произнёс вслух то, что оба они подумали:

– Скоро скажет.

Виканские кавалеристы верещали и дико кричали от восторга, когда сводили своих крепких коней по трапу с грузового корабля. В имперской гавани Хиссара воцарился хаос: всюду толпились буйные кочевники обоих полов, тут и там поблёскивали над заплетёнными в косицы чёрными волосами и остроконечными шлемами железные наконечники копий. Со

своего наблюдательного пункта у парапета припортовой башни Дукер¹ смотрел на эту диковатую иноземную армию с большой долей скепсиса и растущей тревогой.

Рядом с императорским историком стоял представитель Первого Кулака, Маллик Рэл; он сложил на пузе толстые мягкие руки цвета промасленной кожи и распространял вокруг сильный запах арэнских духов. Маллик Рэл был совершенно не похож на главного советника командира всех малазанских войск в Семи Городах. То, что жрец-джистал Старшего бога морей, Маэля, должен был официально передать приветствие от Первого Кулака новому Кулаку Седьмой армии, было именно тем, чем казалось: хорошо рассчитанным оскорблением. Впрочем, поправил себя Дукер, этот человек очень быстро занял высокое положение среди имперских игроков на этом континенте. Среди солдат из уст в уста передавались тысячи слухов о гладком, спокойном жреце и власти, которую он приобрёл над Первым Кулаком Пормквалем, но всё это говорилось исключительно шёпотом, поскольку путь Маллика к должности советника Пормквала сопровождался таинственными и необъяснимыми несчастьями, которые постигали всякого, кто мешал ему, и несчастья эти, как правило, приводили к смерти.

Политическая трясина, в которой увязли малазанцы, оккупировавшие Семь Городов, была непроглядной и смертельно опасной. Как Дукер подозревал, новый Кулак мало что поймёт в принятых здесь завуалированных знаках презрения, поскольку недостаточно разбирается в нюансах этикета, принятого среди более приспособившихся граждан Империи. Таким образом, перед историком стоял один вопрос: как долго Колтейн из Вороньего клана проживёт на новом посту.

Маллик Рэл сложил пухлые губы и медленно вздохнул.

– Историк, – тихо проговорил он со своим пришепетывающим гедорско-фаларским акцентом. – Рад твоему присутствию. Равно и заинтригован. Далеко же от двора в Арэне ты теперь... – Жрец улыбнулся, но не показал выкрашенные зелёной краской зубы. – Осторожность, порождённая дальней отбраковкой?

Слова катятся, будто волны, бесформенное жеманство и коварное терпение морского бога Маэля. Это мой четвёртый разговор с Рэлом. Ох, как же я не люблю это создание! Дукер откашлялся.

– Императрица уделяет мне мало внимания, джистал...

Тихий смех Маллика прошелестел, словно погремущка на хвосте змеи.

– Внимания к историку или внимания к истории? Тень обиды из-за совета отвергнутого или, того хуже, незамеченного. Себя успокой, преступления не вылетают из башен Унты.

– Рад это слышать, – пробормотал Дукер, гадая, откуда жрец всё это узнал. – Я остался в Хиссаре с исследовательской целью, – объяснил он через некоторое время. – Практика ссылки узников в отатараловые рудники на острове уходит корнями во времена Императора, хотя он обычно приберегал эту судьбу для магов.

– Магов? Так-так.

Дукер кивнул.

– Эффективно, да, но и непредсказуемо. Точные свойства отатарала как руды, подавляющей магию, остаются по большей части неизвестными. Тем не менее безумие одолело большинство этих чародеев, хотя и неведомо, стала тому причиной отатараловая пыль или невозможность коснуться своего Пути.

– Несколько магов среди следующей партии рабов?

– Несколько.

– Тогда вопрос отвечен быстро.

– Быстро, – согласился Дукер.

¹ Имя этого персонажа говорящее, дукер – африканские карликовые антилопы. – *Здесь и далее – прим. ред.*

Т-образную пристань захлестнула волна воинственных виканцев, перепуганных портовых рабочих и раздражительных боевых коней. В начале пристани у полукруглой мощёной площади пробкой в горлышке стоял кордон хиссарской стражи. Стражники – родом из Семи Городов, – подняв круглые щиты и обнажив тальвары², грозили широкими изогнутыми клинками виканцам, которые отбрехивались подначками.

К парапету подошли двое. Дукер приветственно кивнул. Маллик Рэл не удосужился заметить ни бывшего капитана, ни последнего выжившего кадрового мага Седьмой. Оба явно занимали слишком низкие посты, чтобы жрецу стоило их окучивать.

– Знаешь, Кальп, – сказал Дукер приземистому седовласому чародею, – ты, кажется, очень вовремя.

Узкое, обожжённое солнцем лицо Кальпа скривилось в невесёлой ухмылке.

– Я сюда сбежал, чтобы мясо на костях удержать, Дукер. Не желаю становиться тем мешковатым ковриком, с которого Колтейн шагнёт прямо на свой пост. Это всё *его* люди, в конце концов. То, что он ни Худа не сделал, чтобы подавить грядущую драку, – это дурной знак.

Капитан согласно заворчал.

– Это ж кол в горле! – буркнул он. – Половина местных офицеров первую кровь увидела, когда дралась с этим ублюдком Колтейном, а теперь вот он, явился, чтобы принять командование. Худовы костяшки! – Капитан сплюнул. – Никто и слезинки не уронит, если хиссарская стража прирежет Колтейна и всех его виканских дикарей прямо на причале. Седьмой они не нужны.

– Истинны, – полуприкрыв глаза, сказал Дукеру Маллик Рэл, – угрозы восстания. Континент здесь – гадюк гнездо. Колтейн – выбор странный...

– Не такой уж и странный, – заметил Дукер, пожимая плечами.

Он снова сосредоточил внимание на происходившем внизу. Виканцы в начале причала принялись расхаживать туда-сюда перед закованным в броню кордоном. До начала полномасштабной битвы оставались считанные секунды – бутылочное горлышко станет полем смерти. Историк почувствовал холодный ком в животе, когда увидел, что многие виканцы уже натягивают тетиву на роговые луки. По улице, справа от главной колоннады, подошла ещё рота стражников с пиками.

– Можешь объяснить? – поинтересовался Кальп.

Дукер обернулся и с удивлением обнаружил, что все трое внимательно смотрят на него. Историк припомнил своё последнее замечание и снова пожал плечами.

– Колтейн объединил виканские племена для восстания против Империи. Императору нелегко было совладать с ним – это некоторые из вас знают по личному опыту. В полном соответствии с привычками старого Императора, тот сумел завоевать преданность Колтейна...

– Как? – ахнул Кальп.

– Никто не знает. – Дукер улыбнулся. – Император редко объяснял причины своих успехов. Как бы там ни было, поскольку императрица Ласиин не слишком-то любила избранных полководцев своего предшественника, Колтейн до сих пор гнил где-то в глухомани в Квон-Тали. Теперь ситуация изменилась. Адъютант Лорн убита в Даруджистане, Первый Кулак Дуджек и его армия поднимают мятеж и фактически сдают всю кампанию на Генабакисе, а здесь, в Семи Городах, приближается Год Дриджны, предречённый год восстания. Ласиин

² Тальвар – сабля со слабо или умеренно изогнутым клинком, длиной до метра. Её отличительная особенность – эфес с дискообразным навершием. Носилась на поясе или перевязи, переброшенной через плечо. В нашей реальности была распространена в Северной Индии в эпоху Великих Моголов. (Однако напомним читателю, что у Эриксона прямых параллелей между вымышленными им и земными народами нет.)

нужны умелые военачальники, пока положение не вышло из-под контроля. Новая адъютант – Тавор – ещё не прошла проверку. Поэтому...

– Колтейн. – Капитан кивнул и нахмурился пуще прежнего. – Послан сюда, чтобы взять под командование Седьмую и подавить восстание...

– В конце концов, – сухо заметил Дукер, – кто лучше сумеет подавить мятеж, чем воин, который сам был мятежником?

– Коль будет бунт, малы его шансы, – проговорил Маллик Рэл, не сводя глаз с происходящего на причале.

Дукер увидел, как блеснули тальвары, заметил, что виканцы откатились и обнажили свои длинные ножи. Кажется, дикари нашли себе предводителя – высокого грозного воина с фетишами, вплетёнными в длинные косы: он теперь ревел, подбадривая других и потрясая оружием над головой.

– Худ! – выругался историк. – Да где же этот Колтейн?

Капитан хохотнул.

– Вон тот, высокий, с одним длинным ножом.

Глаза Дукера округлились. *Этот сумасшедший – Колтейн? Новый Кулак Седьмой?*

– Ни капельки не изменился, как я погляжу, – продолжил капитан. – Если хочешь сохранить голову на плечах среди всех этих кланов, нужно быть более злобным, чем все остальные, вместе взятые. Почему, думаешь, он так нравился старому Императору?

– Храни нас Бери, – с ужасом прошептал Дукер.

Вздых спустя, пронзительный вопль Колтейна заставил всех виканцев замолчать. Клинки скользнули обратно в ножны, луки опустились, стрелы вернулись в колчаны. Даже норовистые, злобные кони замерли, подняв головы и наострив уши. Пустое пространство образовалось вокруг Колтейна, который повернулся спиной к стражникам. Высокий воин взмахнул рукой, и четверо на башне увидели, как в полной тишине каждую лошадь аккуратно оседлали. Меньше чем через минуту виканцы были уже в седлах и выстроили коней в плотный строй, который мог бы соперничать с парадным построением имперских элитных кавалеристов.

– Вот это, – сказал Дукер, – было сделано великолепно.

Маллик Рэл тихонько вздохнул.

– Дикарское поведение, звериное чувство брошенного вызова, затем презрение. Послание стражникам. Нам тоже?

– Колтейн – хитрый змей, – сказал капитан, – если ты об этом спрашиваешь. И если высшее командование в Арэне считает, что его легко будет обвести вокруг пальца, их ждёт неприятный сюрприз.

– Великодушное предупреждение, – поблагодарил Рэл.

Капитан выглядел так, будто проглотил нечто острое, и Дукер понял: тот говорил, не подумав о положении, которое жрец занимает в высшем командовании.

Кальп откашлялся.

– Он их выстроил для марша – думаю, дорога до казарм окажется мирной, как ни странно.

– Признаюсь, – с сухой иронией заметил Дукер, – я с нетерпением жду встречи с новым Кулаком Седьмой.

Не сводя глаз под тяжёлыми веками с пирса, Рэл кивнул.

– Согласен.

Оставив позади острова Скара, рыбацкий баркас двинулся на юг и вышел в море Кансу. Его треугольный парус надулся и поскрипывал. Если ветер продержится, можно будет добраться до Эрлитанского побережья часа за четыре. Скрипач нахмурился сильнее. *Эрли-*

танское побережье, Семь Городов. Ненавижу этот треклятый континент. И в первый-то раз его возненавидел, а теперь и подавно. Он перегнулся через планширь и сплюнул в тёплые зелёные волны.

– Тебе полегчало? – спросил с носа Крокус, и на его загорелом молодом лице отразилась искренняя забота.

Старому сапёру захотелось прямо по этой роже и съездить; однако он лишь невнятно заворчал и снова привалился к борту.

Смех Калама загремел от руля.

– Скрипач с водой не в ладах, парень. Глянь на него – зеленей, чем твоя летучая мартышка.

Рядом со щекой Скрипача кто-то сочувственно засопел. Он приоткрыл покрасневший глаз и увидел маленькое, сморщенное личико.

– Проваливай, Моби, – прохрипел Скрипач.

Фамилиар, который прежде служил дяде Крокуса, Маммоту, теперь, кажется, прикипел душой к сапёру, как частенько делали бездомные собаки и кошки. Калам бы, конечно, сказал, что всё наоборот.

– Враньё, – прошептал Скрипач. – Врать-то Калам умеет... *Проторчали целую растрекающую неделю в Руту-Джелбе из надежды, что в гавань зайдёт скрейский торговец. «Поплывём с удобством, а, Скрип?»* Словно и не переплывали растрекаемый океан, о нет – и это тоже всё должно было быть «с удобством». *Целую неделю в Руту-Джелбе, кирпичной выгребной яме, где, куда ни глянь, одни ящерицы, и что в итоге? Восемь джакат за этот напололам распиленный пивной бочонок, где дырка пробкой заткнута.*

Ровная качка усыпила Скрипача за несколько часов. Его память обратилась к невыносимо длинному странствию, которое привело их сюда, и к невыносимо долгому странствию, что ждало их впереди. *Никогда мы не ищем лёгких путей, верно?*

Скрипач не возражал бы, если бы вообще все моря высохли. *Человеку даны ноги, а не плавники. И даже так нам ещё нужно пройти по суше – через полную мух пустошь, где люди улыбаются, только чтобы объявить, что сейчас тебя прирежут.*

День тянулся дальше – зеленоватый и покачивающийся.

Скрипач подумал о товарищах, которые остались в Генабакисе, и пожалел, что не смог отправиться в путь с ними. *На религиозную войну. Этого не забывай, Скрип. Религиозные войны – невесёлая штука.* Здравый смысл, позволявший признать поражение и сдаться, в таких случаях не работал. Но всё равно долгие годы Скрипач знал только свой взвод. Покинув его, сапёр чувствовал себя обездоленным. *Один Калам остался из старой компании, и он эту землю, что впереди, называет домом. И улыбается перед тем, как убить. И ещё ни слова не сказал мне о том, что они там задумали с Быстрым Бенем.*

– Смотри, опять летучие рыбы! – воскликнула Апсалар, по голосу Скрипач понял, чья мягкая рука коснулась его плеча. – Сотни рыб!

– Что-то крупное из самых глубин гонится за ними, – проговорил Калам.

Со стоном Скрипач оттолкнулся от борта и сел прямо. Моби тут же выказал истинные причины, по которым он целый день ворковал, – лишь для того, чтобы свернуться на коленях у сапёра и закрыть жёлтые глаза. Скрипач ухватился за планширь и вместе с тремя спутниками усталился на косяк летучих рыб, который показался в сотне ярдов по правому борту. Молочно-белые рыбины длиной в руку взлетали на волны, плыли футов тридцать и снова уходили в глубину. В море Кансу летучие рыбы охотились, как акулы, один косяк за считанные минуты мог разорвать в клочья кита. Благодаря способности летать они падали на спину киту, когда тот поднимался на поверхность, чтобы глотнуть воздуха.

– Да кто же, клянусь Маэлем, охотится на них?

Калам нахмурился.

– Никто на них не охотится тут, в Кансу. В Ловцовой бездне водятся, конечно, дхэнраби...

– Дхэнраби! Ох, вот это ты меня утешил, Калам. Просто слов нет!

– Это какой-то морской змей? – спросил Крокус.

– Представь себе многоножку длиной в восемьдесят шагов, – ответил Скрипач. – Обхватывает китов и корабли, выпускает весь воздух из-под панциря и идёт ко дну, словно камень, – вместе с добычей.

– Их очень мало, – сказал Калам, – и никогда прежде они не были замечены на мелководье.

– До сегодняшнего дня, – возразил Крокус, и в голосе его звенела тревога.

Дхэнраби вынырнул среди летучих рыб, бешено мотая головой и выхватывая добычу широкой бритвенно-острой пастью. Голова была огромной – не меньше десяти саженей в ширину. Под слоем ракушек чешуя чудовища была тёмно-зелёной, и из-под каждого сегмента тянулась длинная хитиновая ножка.

– Восемьдесят шагов в длину? – прошипел Скрипач. – Только если её напополам распилить!

Калам поднялся у руля.

– Берись за парус, Крокус. Будем удирать. На запад.

Скрипач спихнул взвизгнувшего Моби с колен, раскрыл заплечный мешок и стал торопливо распаковывать арбалет.

– Если эта тварь решит, что мы вкусные, Калам...

– Знаю, – прорычал убийца.

Быстро собирая крупные железные части своего оружия, Скрипач поднял глаза и встретил перепуганный взгляд Апсалар. Её лицо побелело. Сапёр подмигнул.

– Есть у меня сюрприз, если она захочет нами пообедать.

Девушка кивнула.

– Я помню...

Дхэнраби их увидел. Отвернувшись от косяка летучих рыб, он, извиваясь, заскользил по волнам к барке.

– Это не обычная тварь, – пробормотал Калам. – Чуешь то же, что и я, Скрипач?

Пряный, горьковатый запах.

– Худов дух! Это ж одиночник!

– Кто? – переспросил Крокус.

– Оборотень, – ответил Калам.

В голове Скрипача вдруг зазвучал скрежещущий голос – и по выражениям лиц своих спутников сапёр понял, что они тоже его слышали:

– *Смертные, не повезло вам увидеть меня в пути.* – Скрипач фыркнул. Судя по голосу, никакого сожаления чудовище не испытывало. Тварь продолжала: – *Поэтому вам придётся умереть, хоть я и не стану осквернять вашу плоть и пожирать её.*

– Очень мило с твоей стороны, – пробормотал Скрипач, укладывая толстую стрелу на ложе арбалета. Железный наконечник заменял на ней глиняный шар размером с грейпфрут.

– *Ещё одна рыбацкая лодка таинственным образом пропала без следа,* – иронично проговорил дхэнраби. – *Увы и ах.*

Скрипач подобрался к корме и присел рядом с Каламом. Убийца выпрямился и обратился к дхэнраби, удерживая одной рукой руль:

– Одиночник! Плыви своей дорогой – нам нет дела до твоего странствия!

– *Я убью вас без излишней жестокости.*

Огромная тварь рванулась к корме баркаса, рассекая воду, как корабль с острым килем. Пасть его широко распахнулась.

– Тебя предупреждали, – буркнул Скрипач, поднял арбалет, прицелился и выстрелил. Стрела влетела в раскрытую пасть чудовища. Дхэнраби молниеносно сомкнул челюсти, его тонкие зазубренные клыки разрезали древко и разбили глиняный шар, так что в воздух посыпался скрытый в нём порошок. Последовал громогласный взрыв, который разнёс голову дхэнраби на куски.

В воду со всех сторон посыпались обломки черепа и куски серой плоти. Зажигательная смесь продолжала жечь всё, к чему прикасалась, так что вверх с шипением устремились облака пара. Безголовое тело по инерции двигалось вперёд, оказалось в четырёх саженьях от баркаса и лишь потом, погрузившись в воду, исчезло из виду – а последнее эхо взрыва по-прежнему звучало над волнами. Над морем поднимались небольшие клубы дыма.

– Не тех рыбаков ты выбрал, – сказал Скрипач, опуская оружие.

Калам снова сел у руля и повёл баркас на юг. В воздухе повисла странная тишина. Скрипач разобрал арбалет и заново упаковал в промасленную ткань. Как только сапёр уселся на своё место, Моби снова забрался к нему на колени. Вздохнув, Скрипач почесал его за ухом.

– Итак, Калам?

– Сам не знаю, – признался убийца. – Что привело одиночника в море Кансу? Почему он хотел, чтобы его передвижение осталось в тайне?

– Если бы тут был Быстрый Бен...

– Да только его нет, Скрип. Придётся нам жить с этой загадкой и надеяться, что с другими оборотнями мы не столкнёмся.

– Думаешь, это связано с...?

Калам скривился.

– Нет.

– С чем связано? – не выдержал Крокус. – О чём вы оба говорите?

– Так, просто гадаем, – ответил Скрипач. – Одиночник плыл на юг. Как и мы.

– И?

Скрипач пожал плечами.

– И... всё. Больше ничего. – Он снова сплюнул за борт и опустил на палубу. – Я с испугу даже про морскую болезнь позабыл. Да только испуг-то теперь испарился, будь он неладен.

Все замолчали, но угрюмое выражение лица Крокуса подсказывало сапёру, что юноша очень скоро снова примется их допрашивать.

Продолжал дуть сильный, ровный ветер, который быстро гнал баркас на юг. Не прошло и трёх часов – и Апсалар заявила, что видит впереди землю, а ещё через сорок минут Калам повернул баркас и повёл его вдоль побережья Эрлитана, в полулиге от кромки прибоя. Они плыли на запад, вдоль поросшей кедрами гряды, а день медленно клонился к вечеру.

– Кажется, я вижу всадников, – заявила Апсалар.

Скрипач поднял голову и вместе с остальными посмотрел на вереницу всадников, которые скакали вдоль берега по гряде.

– Я насчитал шестерых, – сказал Калам. – И у второго конника...

– ... имперская хоругвь, – закончил Скрипач и поморщился от привкуса во рту. – Курьер и эскорт уланов...

– Скачут в Эрлитан, – добавил Калам.

Скрипач обернулся и посмотрел в глаза капралу.

– *Неприятности?*

– *Возможно.*

Ни один не произнёс вслух ни слова, понимание пришло само – слишком много лет они сражались бок о бок.

Крокус спросил:

– Что-то не так? Калам? Скрипач?

А мальчик соображает.

– Сложно сказать, – пробормотал Скрипач. – Они нас видели, но что они видели? Четверых рыбаков на баркасе – семья скреев направляется в порт, чтобы причаститься цивилизации.

– На юге есть деревенька, сразу за рощей, – сказал Калам. – Не пропусти устье ручья, Крокус, и пляж без плавника – дома жмутся с подветренной стороны гряды, в глубь материка. Хорошая у меня память, а, Скрип?

– Неплохая, как для местного, а ты и есть местный. Сколько там до города?

– Десять часов пешком.

– Так близко?

– Так близко.

Скрипач замолчал. Имперский курьер и его охрана спустились с гряды и, повернув на юг, к Эрлитану, скрылись из виду. Согласно плану путешественники должны были приплыть прямо в древнюю людную гавань Священного города так, чтобы никто не обратил на них внимания. Скорее всего, курьер вёз послание, которое вовсе их не касалось, – они ничем не выдали себя с тех пор, как добрались до имперского порта Каракаранг из Генабакиса и приплыли на торговом судне Синих морантов, оплатив проезд работой на корабле. Дорога по суше из Каракаранга через Талгайские горы в Руту-Джелбу шла по маршруту таннойских паломников – нахоженному и людному. И всю неделю в Руту-Джелбе они вели себя тише воды ниже травы, только Калам выходил каждую ночь на прогулку в портовый квартал, чтобы найти корабль, который перевезёт их через Отатараловое море на материк.

В самом худшем случае до кого-то из чиновников добрался рапорт о том, что два вероятных дезертира в компании генабакца и женщины прибыли на земли Империи – вряд ли такая весть способна всколыхнуть малазанское осиное гнездо аж до самого Эрлитана. Так что Калам скорее всего просто играет в параноика, как обычно.

– Вижу устье речки, – заявил Крокус, указывая на берег.

Скрипач покосился на Калама.

– *Враждебные земли. Как же близко к земле нам придётся держаться?*

– *Настолько, чтобы на кузнечиков снизу вверх смотреть, Скрип.*

– *Худов дух!*

Сапёр снова посмотрел на берег.

– Ненавижу Семь Городов, – прошептал Скрипач. У него на коленях зевнул Моби, распахнув пасть, полную тонких и острых, как иглы, зубов. Сапёр побледнел. – Ты спи сколько хочешь, щеночек, – сказал он и поёжился.

Калам повернул руль. Крокус занялся парусом – юноша набрался опыта за два месяца пути через Ловцову бездну, так что баркас легко шёл по ветру, а истрёпанный парус едва приподнимал переднюю шкаторину³. Апсалар поёрзала на скамье, потянулась и улыбнулась Скрипачу. Сапёр нахмурился и отвёл глаза. *Тряхани меня Огонь, следить надо, чтоб рот не разевать всякий раз, как она это делает. Она ведь когда-то была совсем другой женщиной. Убийцей, клинком бога. Делала такое... К тому же она ведь с Крокусом, так? Мальчишке всё счастье досталось, а каракарангские шлюхи – что траченные оспой сёстры из гигантской траченной оспой семейки да ещё и с траченными оспой детишками на коленях...* Сапёр встряхнулся. *Эх, Скрипач, слишком долго ты пробыл в море, слишком долго!*

– Никаких лодок не вижу, – заметил Крокус.

³ Шкаторина – кромка паруса.

– В верховьях ручья, – проямлил Скрипач и поскрёб в бороде ногтями, пытаясь выгнать вошь. Вскоре он поймал её, выдернул и бросил за борт. *Десять часов пешком, а потом – Эрлитан, и баня, и бритьё, и молодая кансуанка с гребнем, да целая ночь в придачу.*

Крокус толкнул его в бок.

– Оживаешь, Скрип?

– И представить себе не можешь.

– Ты же был здесь во время завоевания, да? Когда Калам ещё дрался с другой стороны – за семерых Святых фалах'дов – но за Императора выступили т'лан имассы и...

– Хватит! – Скрипач отмахнулся. – Мне это напоминать не надо, и Каламу тоже. Все войны уродливы, но эта оказалась поуродливей прочих.

– А правда, что ты был в отряде, который гнался за Быстрым Беном по священной пустыне Рараку, а Калам служил вам проводником, только они с Беном задумали вас предать, но Скворец это уже понял и...

Скрипач гневно воззрился на Калама.

– Одна ночь в Руту-Джелбе с кувшином фаларского рома – и этот малец знает больше, чем любой ныне живущий имперский историк! – Сапёр снова обернулся к Крокусу. – Слушай, сынок, лучше тебе побыстрее забыть всё, что этот пьяница наговорил той ночью. Прошлого уже сидит у нас на хвосте – не надо ему помогать.

Крокус провёл рукой по своим длинным чёрным волосам.

– Ладно, – тихо сказал он, – если в Семи Городах так опасно, то почему мы не отправились прямо в Квон-Тали, где жила Апсалар, – чтобы найти её отца? Зачем мы так старательно прячемся – да ещё и на другом континенте?

– Всё не так просто, – проворчал Калам.

– А что? Я думал, что ради этого мы и отправились в путь. – Крокус взял руку Апсалар и сжал в ладонях, но суровый взгляд приберёг для Калама и Скрипача. – Вы оба сказали, что обязаны ей помочь. Это было неправильно, и вы хотите всё исправить. Но теперь я начинаю думать, что это только одна из причин; что вы двое что-то задумали и отвезти Апсалар домой – только повод, чтобы вернуться в вашу Империю, хоть вас официально объявили вне закона. И что бы вы ни задумали, нужно было попасть сюда, в Семь Городов, и поэтому нужно прятаться, всего пугаться, шарахаться от каждой тени, будто за нами гоняется вся малазанская рать. – Он замолчал, глубоко вздохнул и продолжил: – Мы имеем право знать, потому что вы нас подвергаете опасности, а мы даже не в курсе, какой именно, и зачем, и вообще ничего не знаем. Так что начинайте рассказывать. Сейчас же.

Скрипач откинулся на планширь. Взглянул на Калама и приподнял брови.

– Ну что, капрал? Это твоё решение.

– Озвучивай список, Скрипач, – приказал Калам.

– Императрица хочет получить Даруджистан. – Сапёр посмотрел в глаза Крокусу. – Принято?

Мальчик заколебался, затем кивнул. Скрипач продолжил:

– То, чего хочет, она обычно получает – рано или поздно. Можно сказать, есть прецеденты. И она уже один раз попыталась захватить твой город, верно, Крокус? При этом потеряла адъюнкта Лорн, двух имперских демонов и верность Первого Кулака Дуджека, не говоря уж о «Мостожогах». Этого любому хватит, чтобы больно укололо.

– Ну да. Но какое это имеет отношение к...

– Не перебивай. Капрал приказал озвучить список. Я озвучиваю. Ты пока ничего не упустил? Хорошо. На этот раз Даруджистан от неё ускользнул, но в следующий раз она будет действовать наверняка. Если, конечно, будет следующий раз.

– Ну-у, – мрачно протянул Крокус, – а почему бы ему не быть? Ты же сказал, она получает то, чего хочет.

– А ты предан своему городу, Крокус?

– Конечно!..

– Значит, ты сделаешь всё, чтобы не дать Императрице его покорить?

– Ну да, но...

– Капрал? – Скрипач обернулся к Каламу.

Крепкий чернокожий солдат посмотрел на волны, вздохнул, а затем кивнул и обернулся к Крокусу.

– То-то и оно, парень. Время пришло. Я иду за ней.

Даруджиец, кажется, ничего не понял, но Скрипач увидел, как глаза Апсалар расширились, а кровь отлила от лица. Вдруг она расслабилась, а затем криво ухмыльнулась – и Скрипач похолодел, увидев это.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду, – сказал Крокус. – За кем идёшь? За Императрицей? Как?

– Он имеет в виду, – объяснила Апсалар, с той, прежней улыбкой, которая принадлежала ей давно, когда девушка была... *другим существом*, – что собирается найти её и убить.

– Что?! – Крокус подскочил и чуть не вывалился за борт. – Ты? Ты и измученный морской болезнью сапёр с поломанной скрипкой за спиной? И ты думаешь, что мы поможем тебе в этом безумном, самоубийственном...

– Я вспомнила, – вдруг проговорила Апсалар и прищурилась, глядя на Калама.

Крокус обернулся к ней.

– Что вспомнила?

– Калам. Он был Кинжалом одного из фалах'дов, а Когти дали ему командовать пятерней. Калам – профессиональный убийца, Крокус. А Быстрый Бен...

– В трёх тысячах лиг отсюда! – закричал Крокус. – Он же взводный маг, Худовы пятки! И всё – убогий, жалкий взводный чародей!

– Не совсем, – заметил Скрипач. – И то, что он далеко, ничего не значит, сынок. Быстрый Бен – наша бритая костяшка в дырке.

– Ваша кто? И где?

– «Бритая костяшка» – хороший игрок всегда использует подбритые костяшки, чтобы мошенничать с бросками, если ты понимаешь, о чём я. А что до «дырки», так это Бенов Путь, по которому он может явиться к Каламу за пару ударов сердца, где бы тот ни находился. Вот так-то, Крокус: Калам хочет попытаться, но тут потребуется план, подготовка. И начинается всё здесь, в Семи Городах. Хочешь, чтобы Даруджистан навеки остался свободным? Императрица Ласиин должна умереть.

Крокус медленно сел.

– Но почему Семь Городов? Разве Императрица не в Квон-Тали?

– Потому, парень, – сказал Калам, направляя баркас в устье ручья, так что гнетущая жара суши поднялась вокруг них, – что Семь Городов скоро восстанут.

– Ты что имеешь в виду?

Убийца осклабился.

– Мятеж.

Скрипач обернулся и оглядел зловонные заросли по берегам речки. *«И вот эта часть плана, – сказал он себе, чувствуя холод в животе, – мне меньше всего нравится. Гоняться за очередной безумной идеей Быстрого Бена по земле, которая пылает у тебя под ногами».*

Через минуту баркас прошёл поворот, и показалась деревушка – несколько мазанок стояли полукругом у песчаной отмели, на которой лежали рыбацкие ялики. Калам налёг на руль, и нос баркаса повернулся к берегу. Когда киль коснулся дна, Скрипач перевалился через планширь и ступил на твёрдую землю, а проснувшийся Моби всеми четырьмя лап-

ками вцепился в его тунику на груди. Не обращая на повизгивавшую мартышку внимания, Скрипач медленно распрямился.

– Ну-у, – вздохнул он, когда первая из деревенских дворняжек подняла лай, сообщая всем об их прибытии, – началось.

Глава вторая

До сих пор многие с лёгкостью упускают из виду то, что Высшее командование в Арэне было поражено предательством, раздорами, соперничеством и интригами... Предполагать, что [Высшее командование в Арэне] пребывало в неведении о настроениях на окраинах, в лучшем случае, наивно, а в худшем – крайне цинично...
Кулларан. Восстание Ша'ик

Дождь размывал охряно-красный отпечаток ладони на стене, и багровые корни потекли между обожжёнными кирпичами вниз по раствору. Сгорбившись под не по сезону обильным ливнем, Дукер смотрел, как отпечаток медленно исчезает, и жалел, что погода не выдалась сухой и что он не нашёл этот знак, прежде чем дождь размыл его – ведь тогда, возможно, Дукер сумел бы что-нибудь узнать о ладони, которая оставила метку здесь, на внешней стене старого дворца Фалах'да в сердце Хиссара.

В многочисленных культурах Семи Городов хватало символов – тайный пиктографический язык невразумительных знаков, которые имели огромное значение для местных. Благодаря этим символам происходил сложный диалог, не понятный ни одному из малазанцев. Далеко не сразу, лишь спустя долгие месяцы жизни здесь, Дукер начал осознавать опасность такого невежества. С приближением года Дриджны подобные символы стали встречаться в неимоверном изобилии, все стены в городах вдруг стали свитками, исписанными тайным кодом. Ветер, солнце и дождь надёжно очищали свитки, чтобы освободить место для следующих реплик.

А им, похоже, сейчас о многом надо сказать друг другу.

Дукер встряхнулся, пытаясь расслабить напряжённые плечи и шею. Все предупреждения, которые он посылал Высшему командованию, судя по всему, оставались не услышанными. В этих символах была система, но Дукер, видимо, оказался единственным малазанцем, который желал расшифровать этот код или, по меньшей мере, осознавал опасность невежества в подобных вопросах.

Он поглубже надвинул капюшон, пытаясь прикрыть лицо от дождя, и почувствовал, как струйки воды потекли по предплечьям, когда широкие рукава балахона-телабы на миг открылись под ливнем. Отпечаток уже смыло начисто. Дукер зашагал дальше.

Потоки воды лились с вымощенных булыжниками террас под стенами дворца и устремлялись в канавы, пересекавшие каждую улицу и переулок. Напротив мощной дворцовой стены навесы над крошечными лавочками опасно накренились. Из холодных теней в щелях, что считались здесь прилавками и витринами, Дукера провожали взглядами мрачные торговцы.

За вычетом несчастных ослов и редких выючных лошадей, улицы были практически пусты. Несмотря на прохладные ветры, которые изредка дули с моря Сахуль, Хиссар был городом, рождённым засушливым жаром пустыни. Хоть Империя и сделала этот порт своим главным местом высадки, город и его обитатели жили, словно повернувшись к морю спиной.

Дукер оставил позади узкие улочки и старые дома под стенами дворца и вышел к колоннаде Дриджны, которая копьём пронзала сердце Хиссара. Ветви гульдиндх, обрамлявшие проезжую часть колоннады, безостановочно дрожали оттого, что дождь поглаживал их охряную листву. По обеим сторонам тянулись приусадебные сады – в большинстве своём

не огороженные, открытые для глаз прохожих. Ливень сбил цветы с кустов и карликовых деревьев, заполнив тротуары белыми, алыми и розовыми лепестками.

Историк пригнулся, когда порыв ветра плотно прижал телабу к боку. Дукер почувствовал на губах привкус соли – напоминание о том, что в тысяче шагов справа бушует море. Там, где улица, названная в честь Бури Апокалипсиса, резко сужалась, проезжая часть превратилась в месиво из расколотой брусчатки и глиняных черепков, а гордый орешник уступил место кустарнику пустыни. Эта перемена застала Дукера врасплох, и он оказался по щиколотку в грязной воде, прежде чем понял, что вышел на окраину города. Щурясь от потоков дождя, историк огляделся.

Слева, едва заметная за струями воды, тянулась стена имперского гарнизона. Из-за её высокого гребня к небу пробивался дым. Справа, намного ближе, располагалось хаотическое скопление кожаных шатров, коней, верблюдов и повозок – лагерь торговцев, которые недавно прибыли из Сиалк-одана.

Поплотнее запахнув полы телабы, Дукер повернул направо. Ливень был достаточно сильным, чтобы скрыть звук его шагов от собак, когда историк вошёл в узкий глинистый проход между шатрами. На распутии Дукер задержался. Напротив стоял большой, поблёскивавший медью шатёр, стенки которого украшала россыпь нарисованных краской символов. Из-под входного полога струйкой сочился дым. Историк двинулся через перекрёсток и задержался лишь на миг, прежде чем откинуть полог и войти.

Рёв голосов на волнах горячего, мокрого от пара воздуха обрушился на Дукера, когда он остановился, чтобы стряхнуть воду с балахона. Со всех сторон кричали, ругались, смеялись, запах дурханга, благовоний, жареного мяса, кислого вина и сладкого эля окутал Дукера, пока тот оглядывался по сторонам. Слева весело звенели, падая в горшок между несколькими игроками, монетки; прямо перед ним через толпу ловко пробирался тапу, сжимая в каждой руке по вертелу с жареным мясом и фруктами. Дукер вскинул руку, чтобы привлечь внимание разносчика.

– Козлятина, клянусь! – подходя, воскликнул тапу на прибрежном дебральском диалекте. – Козлятина, не собачатина, досий! Понюхай сам, и всего-то обрезник за такие яства! Разве столько с тебя возьмут в Досин-Пали?

Дукер родился на равнинах Дал-Хона, и его тёмная кожа была того же оттенка, что и у местных дебралов; он носил морскую телабу торговца из островного города Досин-Пали и говорил на тамошнем наречии без малейшего акцента. Услышав похвальбу тапу, Дукер ухмыльнулся.

– За собачатину возьмут, тапухарал. – Он вытащил два местных полумесяца – примерно равных «обрезнику» имперской серебряной джакаты. – И если ты воображаешь, что мезланы легко расстаются с серебром у нас на острове, ты – глупец или того хуже!

Тапу занервничал, сбросил с вертела кусок сочного мяса и два янтарных плода, а затем завернул их в листья.

– Берегись мезланских шпионов, досий, – пробормотал он. – Слова можно исказить.

– Слова – единственное их оружие, – презрительно бросил Дукер принимая еду. – Правду говорят, что покрытый шрамами варвар теперь командует армией Мезла?

– Человек с лицом демона, досий! – Тапу покачал головой. – Даже сами мезланы его боятся. – Спрятав полумесяцы, он двинулся дальше, воздев над головой вертелы. – Козлятина! Не собачатина!

Дукер опёрся спиной на распорку шатра и, глядя на толпу, начал есть – жадно и неаккуратно, как было тут принято. «Всякая твоя трапеза – последняя», – гласила житейская философия Семи Городов. Когда жир потёк по подбородку, историк бросил на грязный пол листья и коснулся испачканными пальцами лба в ритуальном (а теперь запрещённом) жесте благодарности Фалах'ду, чьи кости теперь гнили в иле на дне Хиссарской бухты. Взгляд

Дукера остановился на кружке стариков, сидевших за игроками, и он направился туда, вытирая руки о штаны.

Собрание оказалось Круговоротом Времени года, где два провидца сидели друг напротив друга и разговаривали на символическом языке прорицаний и сложных жестов. Протолкавшись через кольцо зевак, Дукер увидел провидца в круге, старого шамана, чьё лицо, украшенное серебряными шипиками и кожаными полосками, выдавало в нём выходца из материкового племени семаков, а напротив него – мальчика лет пятнадцати. На месте глаз у мальчика краснели сморщенные, едва залеченные рубцы. Тонкие руки и ноги, а также вздувшийся живот указывали на крайнюю степень истощения. Дукер догадался, что семья мальчика погибла во время малазанского завоевания, а сам он теперь живёт на улицах и переулках Хиссара. Его нашли те, кто организовал этот Круговорот, ибо всем хорошо известно, что боги говорят через такие страждущие души.

По напряжённому молчанию собравшихся историк понял, что за этим прорицанием стоит настоящая сила. Несмотря на слепоту, мальчик двигался так, чтобы оставаться лицом к лицу с провидцем-семаком, который медленно и бесшумно переступал по белому песку. Оба вытянули руки перед собой и выписывали в воздухе замысловатые фигуры.

Дукер толкнул локтем соседа.

– Что предрекли? – прошептал он.

Кряжистый горожанин со шрамами старого хиссарского ополчения, которые едва маскировали ожоги на щеках, зашипел сквозь желтоватые зубы.

– Сам дух Дриджны, чей облик они обрисовали руками, – дух, который видели все здесь, призрачное предзнаменование пламени.

Дукер вздохнул.

– Эх, кабы я сам это увидел...

– Увидишь. Смотри! Вот он снова!

Историк заметил, как руки предсказателей словно коснулись невидимой фигуры, и в движении начали оставлять за собой след красноватого света. Мерцание становилось всё сильнее и вскоре сложилось в человеческую фигуру. Фигуру женщины, чьей плотью был огонь. Она подняла руки, и на запястьях призрака блеснуло железо, теперь танцоров стало трое – призрак заматался и завертелся между двумя провидцами.

Вдруг мальчик резко запрокинул голову, из его горла с каменным скрежетом вырывались слова:

– Два источника бушующей крови! Лицом к лицу. Кровь – одна, двое – одно, и солёные волны омоют берега Рараку. Священная пустыня помнит своё прошлое!

Призрачная женщина исчезла. Мальчик рухнул на песок лицом вниз, тело застыло, словно доска. Провидец-семак присел рядом и положил руку ему на голову.

– Он вернулся к своим родным, – проговорил шаман в сковавшей круг тишине. – Милосердие Дриджны, редчайший из даров, было явлено этому ребёнку.

Грубые кочевники заплакали, некоторые упали на колени. Потрясённый Дукер отступил в сторону от сомкнувшегося круга. Историк сморгнул пот с глаз, чувствуя на себе чужой взгляд. Он огляделся. Напротив стояла фигура в чёрных шкурах, капюшон из головы козла надвинут так, чтобы лицо оставалось в тени. В следующий миг незнакомец отвёл взгляд. Дукер поспешил убраться от него подальше.

Историк подошёл к пологу шатра.

Семь Городов – старая цивилизация, закалённая в горниле древности, когда Взошедшие бродили по каждому торговому тракту, каждой тропе, каждой заросшей дороге между давно забытыми городами. Говорят, пески копили силу под своими шепчущими волнами, и каждый камень впитывал чары, как кровь, и под каждым городом лежат развалины бессчётных городов прошлого, городов, которые застали ещё Первую Империю. Говорят, каждый

город вырос на спинах привидений, и плоть духов здесь густая, плотная, как слои сломанной кости; и каждый город вечно рыдает под звёздами, вечно смеётся, кричит, торгует и торгуется, молится и вздыхает – первым вздохом, который несёт жизнь, и последним – предвещающим смерть. Под улицами скрываются сны, мудрость, глупость, страхи, гнев, горечь, похоть и любовь – и жестокая ненависть.

Историк шагнул наружу, под дождь, наполнил лёгкие чистым, прохладным воздухом и снова закутался в телабу.

Завоеватели могут захватить стены, могут перебить всех жителей, поселить в каждом доме, каждой усадьбе, каждой хижине своих людей, но править будут лишь тонким слоем, кожицей настоящего, и однажды их свергнут духи снизу, и победители станут только одним из множества слоёв. *«Такого врага нам никогда не победить, – подумал Дукер. – Но история рассказывает нам о тех, кто снова и снова выходил против него. Быть может, победа не в том, чтобы одолеть этого врага, а в том, чтобы присоединиться к нему, стать с ним единым целым. Императрица прислала нового Кулака, чтобы раздавить беспокойные столетия этой земли. Бросила ли она Колтейна на произвол судьбы, как я сказал Маллику Рэлу? Или просто держала наготове, как оружие, выкованное и закалённое для одной конкретной цели?»*

Дукер покинул лагерь, вновь сторбившись под струями дождя. Впереди чернели ворота имперского гарнизона. Быть может, он получит ответы на свои вопросы уже через несколько часов, когда встретится лицом к лицу с Колтейном из Вороньего клана.

Историк пересёк изрытую дорогу, шлёпая по мутным лужам, заполнившим глубокие колеи, что оставили копыта коней и колёса повозок, а затем поднялся по глинистому склону к воротам.

Два стражника в клобуках выступили из тьмы, как только он приблизился к узкому боковому входу.

– Сегодня прошений не принимают, досий, – сказал один из малазанских солдат. – Приходи завтра.

Дукер распахнул балахон, чтобы стала видна имперская диадема, приколотая к тунике.

– Кулак собрал совет, не так ли?

Оба солдата отдали честь и отступили. Тот, что заговорил, сконфуженно улыбнулся.

– Не знал, что ты был с тем, другим, – пробормотал он.

– С другим?

– Он вернулся несколько минут назад, историк.

– Да, разумеется.

Дукер кивнул стражникам и вошёл. На каменном полу виднелись отпечатки грязных мокасин. Нахмурившись, он вошёл в гарнизон. Крытая галерея вела вдоль стены налево и заканчивалась у прямоугольного, невыразительного штабного здания. Дукер и так уже промок до нитки, поэтому решил пересечь плац напрямую и подойти к главному входу. По дороге историк заметил, что человек, пришедший до него, поступил точно так же. Залитые водой следы его ног выдавали кривую походку всадника. Историк нахмурился ещё больше.

У входа в главное здание его встретил ещё один стражник, который направил Дукера в зал совета. Подходя к двойным дверям, историк поискал глазами следы предшественника, но ничего не заметил. Тот, очевидно, направился в другую комнату. Дукер пожал плечами и открыл двери.

Зал совета оказался комнатой с низким потолком, каменные стены не были покрыты штукатуркой, а лишь выкрашены белой краской. В центре возвышался внушительный мраморный стол, который выглядел диковато из-за отсутствия стульев. В зале уже были Маллик Рэл, Кальп, Колтейн и ещё один виканец-офицер. Когда историк вошёл, все обернулись, а Маллик Рэл удивлённо приподнял брови. Он явно не знал, что Колтейн пригласил Дукера

на совет. Интересно, новый Кулак таким образом хотел вывести жреца из себя? Намеренно подначивал его? Подумав, историк отбросил эту мысль. Скорее всего, дала о себе знать несогласованность нового командования.

Стулья убрали нарочно, это было заметно по следам, которые ножки оставили в белой пыли на полу. Маллик Рэл и Кульп явно чувствовали себя не в своей тарелке от того, что не знали, где встать и какую позу принять. Жрец-джистал Маэля переминался с ноги на ногу, спрятав руки в широких рукавах, и на лбу у него ярко блестели в свете ламп со стола капли пота. Кульп, кажется, предпочёл бы прислониться к стене, но не знал, как виканцы воспримут такую небрежную позу.

Дукер внутренне улыбнулся и повесил свой насквозь промокший балахон на скобу для факела у дверей. Затем повернулся и предстал перед новым Кулаком, который замер у ближнего конца стола, справа от своего офицера – хмурого ветерана, чьё широкое лицо словно норовило сложиться пополам из-за косого шрама, идущего от левого виска к правой части челюсти.

– Я – Дукер, – заявил историк. – Императорский историк. – Он отвесил полупоклон. – Добро пожаловать в Хиссар, Кулак. – Вблизи было заметно, что военный вождь Вороньего клана провёл сорок лет на севере Виканской равнины в Квон-Тали. Его худое, невыразительное лицо было покрыто морщинами, глубокие складки залегли по обе стороны широкого тонкогубого рта и в уголках тёмных, глубоко посаженных глаз. Украшенные фетишами из вороньих перьев, промасленные косы спускались ниже плеч. Колтейн был высок, носил выдававшую виды кольчугу поверх кожаной рубахи и плащ из вороньих перьев до пят. Он надел кожаные бриджи для верховой езды, затянутые жилами по внешней стороне бёдер. Из-под левой руки выглядывал длинный нож с костяной рукоятью.

В ответ на слова Дукера виканец склонил голову набок.

– Когда я тебя видел в последний раз, – произнёс он с грубым виканским акцентом, – ты лежал в горячке на личной походной койке Императора, собираясь подняться и пройти во Врата Худа. – Колтейн помолчал. – Бальт был тем молодым воином, копьё которого тебя пропорол, и за это солдат по имени Дуджек поцеловал Бальта в лицо мечом. – Колтейн медленно повернулся и улыбнулся изуродованному шрамом виканцу.

Мрачное выражение седого воина не изменилось, когда он перевёл взгляд на Дукера. Затем он покачал головой и вздохнул:

– Я помню безоружного человека. То, что в руках у него не было оружия, в последний миг отвратило моё копьё. Я помню, как меч Дуджека похитил мою красоту, и как мой конь укусил его за руку, сокрушая кости. Я помню, что Дуджеку лекари отрезали руку, потому что её поразило гниlostное дыхание коня. Между нами, я в том обмене проиграл, потому что потеря руки никак не сказалась на блестящей карьере Дуджека, а потеря красоты оставила меня всего с одной женой, которая у меня к тому времени уже была.

– Она ведь была твоей сестрой, а, Бальт?

– Была, Колтейн. И слепой к тому же.

Оба виканца замолчали – один хмурился, другой мрачно смотрел исподлобья.

Рядом Кальп сдавленно хмыкнул. Дукер приподнял бровь.

– Извини, Бальт, – сказал он. – Хотя я и был в той битве, я не видел ни тебя, ни Колтейна.

В любом случае особой потери красоты я не заметил.

Воин кивнул.

– Нужно присматриваться, это верно.

– Быть может, – проговорил Маллик Рэл, – пора окончить шутки, сколь бы они ни были смешны, и начать совет?

– Начнём, когда я буду готов, – небрежно ответил Колтейн, продолжая рассматривать Дукера.

Бальт хмыкнул.

– Скажи, историк, что тебя надоумило пойти в бой без оружия?

– Наверное, я его потерял в сражении.

– Вовсе нет. Не было у тебя ни пояса, ни ножен, ни щита.

Дукер пожал плечами.

– Чтобы описывать историю Империи, я должен быть в гуще событий, господин.

– Ты собираешься проявлять такое же безрассудное рвение, описывая командование Колтейна?

– Рвение? О да, господин. Что до безрассудства, – Дукер вздохнул, – увы, моя отвага уже не та, что прежде. Теперь, когда иду на битву, я облачаюсь в броню, беру щит и короткий меч. И шлем. Стою в окружении телохранителей по меньшей мере в лиге от сердца сражения.

– Годы принесли тебе мудрость, – заметил Бальт.

– В некоторых вещах – недостаточную, как мне кажется, – медленно проговорил Дукер и перевёл взгляд на Колтейна. – Я буду настолько отважен, что осмелюсь сегодня давать тебе советы, Кулак.

Колтейн покосился на Маллика Рэла и сказал:

– И ты опасаешься гнева, ибо будешь говорить то, что мне не понравится. Быть может, услышав такие слова, я прикажу Бальту закончить начатое и убить тебя. Это многое говорит мне, – продолжил он, – о положении дел в Арэне.

– Об этом мне мало известно, – сказал Дукер, чувствуя, как по телу под туникой градом катится пот. – Но ещё меньше – о тебе, Кулак.

Выражение лица Колтейна не изменилось. Перед глазами Дукера почему-то встал образ кобры, медленно поднимающей голову, взгляд немигающий, холодный.

– Вопрос, – подал голос Маллик Рэл. – Совет уже начался?

– Нет ещё, – медленно ответил Колтейн. – Мы ждём моего колдуна.

Услышав это, жрец Маэля резко выдохнул. Кальп сделал шаг вперёд.

Дукер вдруг обнаружил, что у него пересохло во рту. Откашлявшись, он сказал:

– Мне казалось, что Императрица – в первый год своего правления – приказала, кхм, искоренить всех виканских колдунов. За этим приказом ведь последовала массовая казнь? Я помню внешние стены Унты...

– Они умирали много дней, – сказал Бальт. – Висели на железных шипах, пока вороны не прилетели, чтобы забрать их души. Мы принесли детей к стенам города, чтобы показать старейшин племени, чьи жизни у нас отняли по приказу коротко стриженной женщины. Мы даровали детям шрамы – на память, чтобы сохранить жизнь истине.

– И это была та Императрица, – заметил Дукер, внимательно глядя на лицо Колтейна, – которой вы теперь служите.

– Коротко стриженная женщина ничего не знает об обычаях виканцев, – заявил Бальт. – Вороны, которые несли в себе души величайших колдунов, вернулись к нашему народу, чтобы дожидаться новых рождений, и так сила старейшин возвратилась к нам.

Боковая дверь, которой Дукер прежде не заметил, скользнула в сторону. Высокая кривоногая фигура вступила в комнату. Голову незнакомца покрывал капюшон в форме головы козла, который он теперь откинул, открыв лицо мальчика не более десяти лет от роду. Тёмные глаза ребёнка встретили взгляд историка.

– Это Сормо И'нат, – сказал Колтейн.

– Сормо И'ната – старика – казнили в Унте, – прошипел Кальп. – Он был самым могущественным из колдунов – Императрица лично о нём позаботилась. Говорят, он умирал на стене одиннадцать дней. Это не Сормо И'нат. Это какой-то мальчишка.

– Одиннадцать дней, – пробурчал Бальт. – Одна ворона не могла вместить целиком его душу. Каждый день прилетала новая, покуда не забрали всего. Одиннадцать дней, одина-

дцать ворон. Такова была сила Сормо, его жизненная воля, и такую честь оказали ему чернокрылые духи. Одиннадцать пришли за ним. *Одиннадцать*.

– Старое чародейство, – прошептал Маллик Рэл. – Древнейшие свитки косвенно упоминают о таком. Мальчик по имени Сормо И’нат – воистину возродившийся колдун?

– У рхиви в Генабакисе распространены похожие поверья, – заметил Дукер. – Новорожденный ребёнок может стать сосудом для души того, кто не вошёл во Врата Худа.

Мальчик заговорил – голосом тонким, но ломающимся, на рубеже зрелости:

– Я – Сормо И’нат, который несёт в своей груди память о железном шипе. Одиннадцать ворон явились к моему рождению. – Он отбросил за плечи плащ. – Сегодня я стал свидетелем обряда прорицания и увидел в толпе историка Дукера. Вместе мы наблюдали видение, посланное духом великой силы, духом, чьё лицо – одно из множества. Дух этот возвестил Армагеддон.

– Это я видел, как и он, – подтвердил Дукер. – У стен города разбил лагерь торговый караван.

– И в тебе не узнали малазанца? – вкрадчиво поинтересовался Маллик Рэл.

– Он хорошо говорит на местном наречии, – ответил Сормо. – И совершает жесты, которыми показывает ненависть к Империи. Этого облика и действий довольно, чтобы обмануть местных. Скажи мне, историк, доводилось ли тебе прежде видеть подобные прорицания?

– Не такие... явные, – признался Дукер. – Но я видел достаточно, чтобы ощутить нарастающее напряжение. Новый год принесёт нам мятеж.

– Смелое заявление, – заявил Маллик Рэл. Он вздохнул – жрецу явно было неудобно стоять. – Новому Кулаку следовало бы с разумной осторожностью отнестись к подобным утверждениям. Иногда кажется, что в нашей стране пророчеств не меньше, чем жителей. Такое множество заставляет сомневаться в истинности каждого отдельного предсказания. Мятеж в Семи Городах предрекают каждый год со времени малазанского завоевания. И какие же из них сбылись?

– У жреца есть тайные мотивы, – сказал Сормо.

Дукер заметил, что невольно задержал дыхание.

Круглое, потное лицо Маллика Рэла побелело.

– У всех есть тайные мотивы, – произнёс Колтейн, будто отмахнулся от заявления своего колдуна. – Я услышал совет-предупреждение и совет-предостережение. Хорошее сочетание. Вот что я скажу. Маг, которому хочется опереться о стену, смотрит на меня, как на гадюку в своём спальнике. Его страх говорит обо всех солдатах Седьмой армии. – Кулак сплюнул на пол, лицо его исказилось. – Мне нет дела до их чувств. Если будут исполнять мои приказы, я, в свою очередь, послужу им. Нет – вырву каждому сердце из груди. Ты слышишь моё слово, кадровый чародей?

Кулып смотрел на Колтейна волком.

– Слышу.

– Я здесь, – в голосе Маллика Рэла прозвучали визгливые нотки, – чтобы передать указания Первого Кулака Пормкваля...

– До или после официального приветствия от Первого Кулака? – Дукер сразу же пожалел, что сказал это, несмотря на то что Балът вдруг лающе рассмеялся.

Маллик Рэл расправил плечи.

– Первый Кулак Пормкваль приветствует Кулака Колтейна в Семи Городах и желает ему всяческих успехов на новом посту. Седьмая армия остаётся одним из трёх исходных военных подразделений Малазанской империи, и Первый Кулак уверен, что Кулак Колтейн почтит её достойнейшую историю.

– Мне нет дела до репутаций, – отрезал Колтейн. – Солдат будут судить по делам. Продолжай.

Рэл аж затрясся, но продолжил:

– Первый Кулак Пормкваль попросил меня передать приказы Кулаку Колтейну. Адмирал Нок должен выйти из гавани Хиссара и отправиться в Арэн, как только корабли пополнят припасы. Кулаку Колтейну следует начать подготовку Седьмой армии к маршу по суше... в Арэн. Первый Кулак желает дать смотр Седьмой, прежде чем окончательно определить её дислокацию. – Жрец вытащил из рукава скреплённый печатью свиток и положил на стол. – Таковы приказы Первого Кулака.

На лице Колтейна отразилось отвращение. Он скрестил на груди руки и демонстративно повернулся спиной к Маллику Рэлу.

Бальт невесело рассмеялся.

– Первый Кулак хочет дать смотр армии. Скорей всего, у Первого Кулака есть в подчинении Высший маг, а может, даже и пятерня Когтей? Если он так хочет осмотреть войска Колтейна, пусть-ка прибудет сюда по Пути. Кулак не собирается обмундировывать армию и отправлять в путь длиной в четыреста лиг, только чтобы Пормкваль мог возмутиться по поводу пыли на сапогах у солдат. Такая перестановка сил оставит восточные провинции Семи Городов без действующей армии. В теперешнее беспокойное время подобный уход будет принят за отступление, особенно если совпадёт по времени с отплытием Сахульского флота. Этой страной не получится править из-за стен Арэна.

– Неподчинение приказам Первого Кулака? – прошипел Маллик Рэл и впился в широкую спину Колтейна взглядом сверкающих, словно окровавленные бриллианты, глаз.

Кулак резко развернулся.

– Я советую изменить эти приказы, – сказал он, – и теперь ожидаю ответа.

– Ответ я тебе дам, – прохрипел жрец.

Колтейн глумливо ухмыльнулся. Бальт сказал:

– Ты? Ты – жрец, не солдат, не правитель. Ты даже не признан членом Высшего командования.

Яростный взгляд Рэла метнулся от Кулака к воину.

– Вот как? Воистину!..

– Не признан императрицей Ласиин, – перебил Бальт. – Она ничего не знает о тебе, жрец, кроме того, что докладывает Первый Кулак. Пойми: Императрица не доверяет власть тем, кого не знает. Первый Кулак Пормкваль использовал тебя как мальчика на побегушках, и таким ты останешься в глазах Кулака. Ты не можешь приказывать. Ни Колтейну, ни мне, ни даже последнему поварёнку в обозе Седьмой.

– Я передам эти слова и выражения Первому Кулаку.

– Не сомневаюсь. Теперь – можешь идти.

У Рэла отвисла челюсть.

– Идти?

– Мы с тобой закончили. Оставь нас.

В тишине все смотрели, как жрец уходит. Едва лишь дверь закрылась, Дукер обернулся к Колтейну.

– Возможно, это был непродуманный шаг, Кулак.

Взгляд Колтейна казался сонным.

– Это Бальт говорил. Не я.

Дукер перевёл взгляд на воина. На рассечённом шрамом лице виканца застыла ухмылка.

– Расскажи мне о Пормквале, – проговорил Колтейн. – Ты с ним знаком?

Историк снова обернулся к Кулаку.

– Да.

– Он хорошо правит?

– Насколько я могу судить, – сказал Дукер, – он не правит вовсе. Большинство эдиктов пишет человек, которого ты – Балът – только что выставил из комнаты. Есть и другие деятели за кулисами, по большей части – благородные, богатые торговцы. Именно они в первую очередь ответственны за сокращение пошлин на привозные товары и, как следствие, повышение местных налогов на производство и экспорт – за исключением, естественно, тех товаров, которыми они сами торгуют. Имперской оккупацией заправляют малазанские торговцы, такая ситуация сохраняется с тех пор, как Пормкваль получил титул Первого Кулака четыре года назад.

Балът спросил:

– Кто был Первым Кулаком до него?

– Картерон Краст, который однажды ночью утонул в Арэнской гавани.

Кальп фыркнул.

– Краст мог пьяным проплыть сквозь шторм, а потом просто взял и утонул, точь-в-точь как его брат Урко. Тел не нашли, разумеется.

– То есть?

Кальп ухмыльнулся, но Балът промолчал.

– Краст и Урко были людьми Императора, – объяснил Дукер. – Судя по всему, они разделили судьбу большинства спутников Келланведа, в том числе Тока Старшего и Амерона. Их тел тоже не нашли. – Историк пожал плечами. – Теперь это старая история. Запрещённая история, между прочим.

– Ты подразумеваешь, что их убили по приказу Ласиин, – заявил Балът и оскалил кривые зубы. – Но представь себе ситуацию, когда самые опытные командиры Императрицы просто... исчезают. Она остаётся одна, остро нуждается в способных людях. Ты забываешь, историк, что прежде, чем стать Императрицей, Ласиин была хорошо знакома с Крастом, Урко, Амероном, Дассемом и остальными. Представь себе, как ей одиноко теперь, как свежи раны потери.

– И она воображала, что, если убьёт других двух старых знакомых – Келланведа и Танцора, – это ничуть не повлияет на дружбу с этими командирами? – горько спросил Дукер и покачал головой. *Они были и моими друзьями.*

– Некоторые ошибки в оценках исправить невозможно, – проговорил Балът. – Император и Танцор были способными завоевателями, но были ли они способными правителями?

– Этого мы никогда не узнаем, – сорвался Дукер.

Виканец вздохнул так, словно фыркнул.

– Нет, но если и существовал близкий к трону человек, который мог предвидеть, что произойдёт, это была Ласиин.

Колтейн снова сплюнул на пол.

– Больше нечего об этом сказать, историк. Запиши слова, которые прозвучали здесь, если они тебе не покажутся слишком горькими. – Он покосился на Сормо И'ната и нахмурился.

– Даже если я ими подавлюсь, – ответил Дукер, – запишу всё равно. Я не был бы историком, если бы поступал иначе.

– Хорошо. – Кулак по-прежнему не сводил взгляда с Сормо И'ната. – Скажи мне, историк, какой властью Маллик Рэл обладает над Пормквалем?

– Хотел бы я сам знать это, Кулак.

– Выясни.

– Ты просишь меня стать шпионом.

Колтейн обернулся к нему со слабой улыбкой на устах.

– А кем ты был в шатре торговца, Дукер?

Историк поморщился.

– Мне придётся отправиться в Арэн. Не думаю, что Маллик Рэл снова допустит меня на собрания внутреннего совета после того, как я видел его унижение здесь. Собственно, уверен, что он теперь считает меня врагом, а его враги имеют вредную привычку бесследно исчезать.

– Я не исчезну, – заявил Колтейн. Он шагнул вперёд, вытянул руку и схватил историка за плечо. – В таком случае, мы оставим без внимания Маллика Рэла. Ты поступишь под моё командование.

– Как прикажешь, Кулак, – ответил Дукер.

– Совет окончен. – Колтейн развернулся к колдуну. – Сормо, ты расскажешь мне о приключениях этого утра... позже.

Колдун поклонился.

Дукер забрал свой балахон и вышел из комнаты, по пятам за ним следовал Кальп. Как только за ними закрылись двери, историк потянул чародея за рукав.

– На пару слов. Без свидетелей.

– Я подумал о том же, – ответил Кальп.

Они нашли дальше по коридору комнату, забитую старой мебелью, зато безлюдную. Кальп запер за собой дверь, а затем обернулся и дико посмотрел на Дукера.

– Да он вообще не человек! Он – зверь, и видит всё по-звериному. А Бальт – Бальт распознаёт рычание и оскалы своего господина и облакает их в слова – в жизни не видел такого разговорчивого виканца, как этот покорёженный старик.

– Совершенно очевидно, – сухо заметил Дукер, – Колтейну многое нужно было сказать.

– Подозреваю, что прямо сейчас жрец Маэля готовит свою месть.

– О да. Но меня потрясло то, как Бальт защищал Императрицу.

– Ты согласен с его аргументами?

Дукер вздохнул.

– Что она сожалеет о своих действиях и теперь ощутила – во всей полноте – одиночество власти? Возможно. Любопытно, но уже давным-давно не важно.

– Думаешь, Ласиин откровенничала с этими виканцами?

– Колтейна вызывали на аудиенцию к Императрице, и я полагаю, Бальта цепями не оторвёшь от господина, но что произошло между ними в её личных покоях, – неизвестно. – Историк пожал плечами. – К поведению Маллика Рэла они были готовы, это ясно. А ты, Кальп? Что думаешь про юного колдуна?

– Юного? – Кадровый маг нахмурился. – У этого *мальчика* аура древнего старика. Я от него почуял запах ритуального питья крови кобылы, а этим ритуалом колдуны отмечают Пору железа – последние годы жизни, высшее цветение своей силы. Ты его видел? Пустил стрелу в жреца, а потом просто стоял и смотрел на последствия.

– Но ты же утверждал, что это всё ложь!

– Не стоит давать Сормо понять, какой у меня чувствительный нос, так что я и впредь стану обращаться с ним так, будто он – мальчишка, самозванец. Если повезёт, колдун обо мне забудет.

Дукер помедлил. Вдохнул затхлый, пыльный воздух комнаты.

– Кальп, – наконец заговорил он.

– Да, историк, чего тебе от меня нужно?

– Это никак не связано с Колтейном, Малликом Рэлом или Сормо И'нотом. Мне нужна твоя помощь.

– В чём?

– Я хочу освободить узника.

Брови кадрового мага приподнялись.

– Из хиссарской темницы? Историк, я не хочу ссориться со стражей Хиссара...

– Нет, не из городской темницы. Это узник Империи.

– И где его держат?

– Его продали в рабство, Кальп. Он в отатараловых копиях.

Кадровый чародей ошеломлённо уставился на историка.

– Худов дух, Дукер, и ты просишь помощи у *мага*? Воображаешь, что я по доброй воле осмелюсь хотя бы приблизиться к этим рудникам? Отатарал разрушает магию, сводит чародеев с ума...

– Не ближе, чем на палубу плоскодонки у берегов острова, – перебил Дукер. – Это я обещаю, Кальп.

– Забрать узника, а потом что? Грести, как демону, чтоб уйти от досийской галеры на хвосте?

Дукер ухмыльнулся.

– Что-то вроде того.

Кальп покосился на запёртую дверь, а потом оглядел свалку в комнате так, словно прежде её не замечал.

– Что это было за помещение?

– Кабинет Кулака Торлом, – ответил Дукер. – Здесь её застали ночью убийцы-дриджениты.

Кальп медленно кивнул.

– А мы-то именно сюда вошли случайно?

– Очень надеюсь, что так.

– Я тоже, историк.

– Ты мне можешь?

– Этот узник... кто он?

– Геборик Лёгкая Рука.

Кальп снова медленно кивнул.

– Давай я над этим поразмыслю, Дукер.

– Позволь спросить, что заставило тебя задуматься?

Кальп нахмурился.

– Мысль о том, что я рискую выпустить в мир ещё одного коварного историка, что же ещё?

...Священный город Эрлитан поднимался уступами белого камня от гавани и охватывал большой усечённый холм под названием Джен'раб. Многие верили, что в глубине Джен'раба погребён один из первых городов мира и что там, среди руин, ждёт своего часа Престол Семи Защитников, который, по легенде, был вовсе не тронем, а залом, в котором стояли полукругом семь возвышений, благословлённых каждым из Взошедших, которые основали затем Семь Городов. Эрлитану сравнялась тысяча лет, но Джен'раб, ставший ныне грудой разбитого камня, был в девять раз старше.

На заре истории Эрлитана местный фалах'д начал обширное строительство на плоской вершине Джен'раба, чтобы почтить город, погребённый под улицами. В каменоломнях на северном побережье закипела работа, срывали целые склоны, десятитонные блоки мрамора обтёсывали и перевозили на кораблях в эрлитанскую гавань, а затем тащили через нижние кварталы к рампам и помостам, ведущим на вершину холма. Храмы, усадьбы, сады, купола, башни и дворец фалах'да росли, как самоцветы девственной короны на челе Джен'раба.

Через три года после того, как был установлен последний каменный блок, древний погребённый город... шелохнулся. Подземные арки провалились под огромным весом Короны Фалах'да, стены сложились, камни фундамента расползлись, укрыв улицы каменной крошкой. Под землёй крошка и пыль вели себя как вода, текли по улицам и проулкам,

в зияющие проёмы дверей, под полы – невидимые в непроглядной темноте Джен'раба. На поверхности же, в лучах яркого рассвета, что сопутствовал годовщине правления фалах'да, Корона осела, башни обрушились, купола треснули, выбросив в воздух тучи мраморной крошки, и дворец провалился в реку пыли – неровно, кое-где лишь на несколько футов, в других местах – более чем на двадцать саженьей.

Наблюдатели из нижнего города описали это событие. Словно гигантская невидимая рука потянулась к Короне, сжалась на каждом здании и сломала его, вдавливая при этом в землю. Поднялась такая туча пыли, что солнце на несколько дней превратилось в медный диск.

В тот день погибло более тридцати тысяч человек, в том числе и сам фалах'д, но был один выживший: юный поварёнок, который уверился, что кувшин, который он уронил на пол за несколько мгновений до землетрясения, и повинен в произошедшей катастрофе. Обезумев от чувства вины, мальчик ударил себя ножом в сердце, стоя на Меркирской площади в нижнем городе, а кровь несчастного потекла между камнями мостовой, на которой стоял сейчас Скрипач.

Прищурившись, голубоглазый сапёр наблюдал, как Красные Клинки быстро скачут через редешую толпу на другой стороне площади.

Закутавшись в выцветшее льняное одеяние с капюшоном, наброшенным на голову по моде племени гралов, Скрипач неподвижно стоял на священном камне, украшенном полустёртой памятной надписью, и гадал, расслышат ли переполошившиеся горожане стук его отчаянно бьющегося сердца. Сперва сапёр проклял себя за то, что рискнул прогуляться по древнему городу, а затем проклял Калама за то, что тот задержал их в городе, пытаясь выйти на связь со своим старым агентом.

– *Mezla'ebdin!* – прошипел голос рядом.

«Малазанские прихвостни» – довольно точный перевод. Красные Клинки были уроженцами Семи Городов, однако поклялись в нерушимой верности Императрице. Редкие – хотя в данный момент и нежеланные – прагматики в стране фанатиков и визионеров только что начали вразумлять сторонников Дриджны по-своему – мечами и копьями.

На выцветших камнях площади неподвижно лежало полдюжины жертв – среди поваленных корзин, тюков ткани и продуктов. Две маленькие девочки скорчились у тела женщины рядом с пересохшим фонтаном. На соседних стенах алели потёки крови. На расстоянии нескольких кварталов звенели тревожные сигналы городской стражи Эрлитана: городскому Кулаку уже сообщили, что Красные Клинки снова пошли против его необдуманных приказов.

Дикие всадники продолжали убивать направо и налево, двигаясь по главной улице прочь с площади, и вскоре скрылись из виду. Попрошайки и воры сгрудились у мёртвых тел, воздух наполнился завываниями. Горбатый сводник схватил обеих девочек и нырнул в один из переулков.

Несколько минут назад Скрипач чуть не попал под удар меча, когда вышел на площадь и оказался на пути одного из Клинков. Военный опыт заставил сапёра броситься наперерез лошади, так что всаднику пришлось взмахнуть мечом наискось со стороны щита, а Скрипачу – нырнуть вперёд и вниз, чтобы проскочить под лезвием и оказаться позади, вне досягаемости. Красный Клинок не стал преследовать его, а просто обезглавил следующую беспомощную жертву, женщину, которая отчаянно пыталась оттащить двух детей с пути лошади.

Скрипач встряхнулся и тихо выругался. Протолкавшись через толпу, он свернул в тот же переулок, где скрылся сводник. Высокие покосившиеся дома с обеих сторон погрузили узкий проход в полутьму. Густой воздух пропитался гнилью и мертвечиной. Не увидев никого, Скрипач осторожно потрусил дальше. Он добрался до бокового прохода между двумя высокими стенами – достаточно широкого для мула и засыпанного по щиколотку

пальмовыми листьями. За обеими стенами были разбиты сады, а высокие пальмы сплелись кронами, словно полог в двадцати футах над головой. Через тридцать шагов переулок закончился тупиком, и там сапёр увидел сводника, который придавил младшую девочку коленом к земле, а сам прижал старшую к стене и возился с завязками её бриджей.

Услышав, как Скрипач идёт по сухим листьям, сводник обернулся. У него была белая кожа скрея, он оскалил почерневшие зубы в лукавой ухмылке.

– Грал, она – твоя за полджакаты, как только я ей кожицу порву. Вторая будет подороже, потому что младше.

Скрипач подошёл к скрею вплотную.

– Я купи, – сказал он. – На обе женись. Два джаката.

Сводник фыркнул.

– Да я за неделю на них больше заработаю. Шестнадцать джакат.

Скрипач вытащил длинный гральский нож, который купил час назад, и прижал лезвие к горлу сводника.

– Два джаката и тебе пощада, симхарал.

– Да, грал! – с выпученными глазами прохрипел сводник. – Договорились, клянусь Худом!

Скрипач вытащил из пояса две монеты и бросил их на листья. Затем отступил.

– Сейчас забирать обе.

Симхарал упал на колени и зашелестел листьями.

– Забирай их, грал, забирай.

Скрипач хмыкнул, сунул за пояс нож и взял по девочке под мышки. Повернувшись спиной к своднику, он зашагал прочь из тупика. Вероятность того, что негодяй попытается сыграть грязно, была ничтожной. Гралы частенько напрашивались на оскорбления, лишь бы только получить повод заняться любимым делом – кровавой местью. И подкрасться к гралу сзади, по слухам, было невозможно, поэтому никто даже не пытался. Но несмотря на это, Скрипач был рад, что между ним и сводником остался ковёр сухой листвы.

Сапёр вышел из переулка. Девочки висели у него на руках, как огромные куклы, – всё ещё не оправившись от потрясения. Он посмотрел на лицо той, что постарше – лет девяти, может, десяти. Та подняла на Скрипача взгляд огромных тёмных глаз.

– Всё, уже не страшно, – сказал он. – Если я тебя поставлю на землю, сможешь идти? Покажешь, где вы живёте?

Некоторое время девочка молчала, затем кивнула.

Они добрались до одного из кручёных переходов, которые в нижнем городе считались улицами. Скрипач поставил девочку на землю, а вторую продолжал бережно держать на руках – она, кажется, уснула. Старшая немедленно вцепилась в плащ сапёра, чтобы толпа не разделила их, и потащила вперёд.

– Домой? – уточнил Скрипач.

– Домой, – ответила она.

Через десять минут они покинули рыночный квартал и оказались в более спокойном жилом районе, где стояли скромные, но чистенькие дома. Девочка повела Скрипача в одну из боковых улочек. Как только они вошли туда, отовсюду появились дети и с криками окружили пришедших. В следующий миг из ворот, что вели в сад, выскочили трое вооружённых мужчин. Они двинулись на Скрипача с поднятыми тальварами, а толпа детей вдруг рассеялась, и наступила напряжённая тишина.

– Нагальский грал, – прорычал Скрипач. – Женщина убил Красный Клинок. Симхарал эти две братья. Я купить. Не тронуть. Три джаката.

– Два, – поправил один из охранников и сплюнул на брусчатку под ногами Скрипача. – Мы нашли симхарала.

– Два купить. Один привести. Не тронуть. Три. – Скрипач мрачно ухмыльнулся. – Хороший цена, дешёвый за честь грала. Дешёвый за защиту грала.

За спиной у Скрипача заговорил четвёртый мужчина.

– Да заплатите вы гралу, дураки! Тут и сотня золотых – не деньги. Это вы должны были защищать няньку с детьми, а сами сбежали, когда показались Красные Клинки. Если бы этот грал не нашёл и не купил девочек, они уже были бы обещаны. Платите и благословите его во имя Королевы грёз, его и весь его род благословите во веки веков. – Солдат шагнул вперёд. На нём красовались доспехи наёмного стражника с капитанскими знаками отличия. На узком лице выделялись крестообразные шрамы – знак того, что он дрался под Й’гхатаном, а на тыльной стороне ладоней виднелись старые ожоги. Он твёрдо встретил взгляд Скрипача. – Прошу тебя назвать своё торговое имя, грал, чтобы мы могли поминать тебя в молитвах.

На секунду Скрипач замешкался, а затем назвал капитану своё настоящее имя, имя, которым его нарекли при рождении – давным-давно.

Услышав ответ, капитан нахмурился, но ничего не сказал.

Один из охранников подошёл к сапёру с монетами на ладони. Скрипач передал спящую девочку капитану.

– Неправильно, что она спит.

Седой воин осторожно принял у него ребёнка.

– Мы позовём домашнего целителя.

Скрипач огляделся. Дети явно происходили из богатой и влиятельной семьи, но здания вокруг казались сравнительно небольшими и принадлежали скорее всего мелким торговцам и ремесленникам.

– Раздели с нами трапезу, грал, – предложил капитан. – Дед этих девочек захочет с тобой поговорить.

Скрипача одолело любопытство, и он кивнул. Капитан повёл его к низким воротам, врезанным в стену вокруг сада. Трое охранников поспешили их отпереть. Первой внутрь пропустили старшую девочку.

За воротами раскинулся на удивление просторный сад, где воздух был влажным и прохладным от дыхания ручья, что тихо звенел где-то среди буйной растительности. Над выложенной камнями дорожкой смыкался полог из крон старых плодовых и ореховых деревьев. С другой стороны видна была высокая стена, возведённая целиком из мутного стекла. Отдельные секции сверкали радужными отблесками под капельками влаги и минеральных потёков. Скрипач никогда прежде не видел сразу столько стекла в одном месте. В стене виднелась одинокая дверь из льняного полотна, натянутого на тонкий металлический каркас. Перед ней стоял старик в помятом оранжевом облачении. Его кожу глубокого, богатого цвета охры оттеняла копна седых волос. Девочка побежала к старику и обняла его. Тот не сводил со Скрипача внимательного взгляда янтарных глаз.

Сапёр упал на одно колено.

– Благослови, духовидец! – прорычал он с самым грубым гральским акцентом, какой только мог изобразить.

Смех таннойского жреца прошелестел, словно песок на ветру.

– Я не могу благословить то, чем ты не являешься, господин, – тихо проговорил он. – Но прошу, раздели со мной и капитаном Туркой скромное угощение. Я полагаю, эти охранники пожелают исцелить свою отвагу тем, что позаботятся о детях здесь, в стенах сада. – Он положил морщинистую руку на лоб спящей девочки. – Сэляль защищается по-своему. Капитан, скажи целителю, что её нужно вернуть в этот мир – и аккуратно.

Капитан передал ребёнка одному из охранников.

– Ты слышал слова господина. Живо!

Обе девочки, а также их провожатый скрылись за льняной дверью. Таннойский духовидец жестом предложил Скрипачу и капитану Турке идти за ним и повёл обоих туда же, но не так поспешно.

В стеклянной комнате стоял низкий железный столик, а вокруг – обтянутые кожей сиденья высотой по щиколотку. В мисках на столике лежали фрукты и холодное мясо – красное от специй. Хрустальный графин с бледно-жёлтым вином был открыт, чтобы вино дышало. У дна графина скопился осадок в два пальца толщиной: бутоны пустынных цветов и тельца беломёдных пчёл. Вино наполняло комнату прохладным, сладковатым ароматом.

Внутренняя дверь в мраморной стене была сделана из крепкого дерева. В небольших альковах горели свечи, каждая – со своим цветом пламени. Отражения огоньков заворачивающе поблёскивали в стеклянных плитках напротив.

Жрец сел и указал на остальные стульчики.

– Присаживайся. Я удивлён, что малазанский шпион рискнул своим маскарадом ради двух эрлинских детей. Ты теперь попытаешься вызнать ценные сведения у охваченных благодарностью родных?

Скрипач со вздохом откинул капюшон на спину.

– Я – малазанец, – признался он. – Но не шпион. Я скрываюсь, чтобы меня не нашли... малазанцы.

Старый жрец налил вина и протянул кубок сапёру.

– Ты – солдат.

– Да.

– Дезертир?

Скрипач поморщился.

– Не по своей воле. Императрица решила объявить вне закона моё подразделение. – Он пригубил сладкое цветочное вино.

Капитан Турка зашипел.

– «Мостожог». Солдат из Воинства Однорукого.

– Тебе многое известно, господин.

Духовидец указал на миски с едой.

– Прошу. Если после стольких лет войны ты ищешь мирную обитель, то совершил серьёзную ошибку, когда прибыл в Семь Городов.

– Это я понял, – сказал Скрипач и принялся за фрукты. – Потому и надеюсь как можно скорее купить себе место на корабле до Квон-Тали.

– Кансийский флот ушёл из Эрлитана, – заметил капитан. – Теперь редкий торговец решится плыть через океан. Высокие налоги...

– И возможность быстро разбогатеть, когда начнётся гражданская война, – продолжил, кивая, Скрипач. – Значит, придётся идти по суше, по крайней мере, до Арэна.

– Неразумно, – сказал старый жрец.

– Я знаю.

Но духовидец продолжал качать головой.

– Дело не только в грядущей войне. Чтобы добраться до Арэна, тебе придётся пересечь Пан'потсун-одан, которая граничит со священной пустыней Рараку. Из Рараку явится Вихрь Апокалипсиса. И более того, там состоится схождение.

Скрипач сощурился. *Одиночник-дхэнраби.*

– Это когда Взошедшие силы собираются в одном месте?

– Именно так.

– Что их притягивает?

– Врата. Пророчество о Тропе Ладоней. Одиночникам и д'иверсам врата обещают... нечто. Притягивают их, словно пламя – мотыльков.

– А чем могут заинтересовать оборотней врата Пути? Они не объединены в братство и не пользуются чародейством, во всяком случае, сколько-нибудь сложным.

– Удивительная глубина познаний для солдата.

Скрипач нахмурился.

– Солдат всегда недооценивают, – буркнул он. – Я не с закрытыми глазами провёл пятнадцать лет, сражаясь на войнах Империи. Император схлестнулся с обоими – Тричем и Рилландарасом – под Ли-Хэном. Я был там.

Таннойский духовидец склонил голову, извиняясь.

– У меня нет ответов на твои вопросы, – тихо проговорил он. – По правде говоря, я не думаю, что даже сами одиночники и д’иверсы точно знают, что ищут. Как лосось возвращается в те воды, где родился, так и они действуют инстинктивно, повинаясь грубому влечению и чувственному обещанию. – Он сложил руки. – Среди оборотней нет единства. Каждый – сам за себя. Эта Тропа Ладоней... – Старик помолчал, затем продолжил: – Это, вероятно, средство Восхождения – для победителя.

Скрипач медленно и натужно выпустил воздух из лёгких.

– Восхождение означает силу. Сила означает контроль. – Он перехватил взгляд рыжеватых глаз духовидца. – Если один из оборотней совершит Восхождение...

– Власть над своим родом и племенем, да. Такое происшествие будет иметь... последствия. В любом случае, друг мой, пустоши никогда не считались безопасным местом, а в грядущие месяцы одан превратится в обитель дикого ужаса, это я знаю наверняка.

– Благодарю за предупреждение.

– Но оно тебя не удержит.

– Боюсь, что нет.

– В таком случае, мне суждено предложить тебе некоторую защиту на время пути. Капитан, если тебя не затруднит?

Воин поднялся и ушёл.

– Объявленный вне закона солдат... – проговорил через некоторое время старик, – который рискует жизнью, чтобы вернуться в сердце Империи, приговорившей его к смерти. Это должна быть по-настоящему весомая необходимость.

Скрипач пожал плечами.

– «Мостожогов» помнят здесь, в Семи Городах. Их проклинают, но ими и восхищаются. Вы были честными солдатами, которые сражались на бесчестной войне. Говорят, ваше подразделение закалилось в жаре и на выжженном камне священной пустыни Рараку, когда преследовало отряд чародеев фалах’да. Эту историю я бы хотел однажды услышать, чтобы обратить её в песню.

Скрипач удивлённо раскрыл глаза. Чары духовидцев выпевались – никаких других ритуалов не требовалось. Хотя песни танно и посвящались миру, силу, по слухам, они имели огромную. Сапёр задумался, чем такое песнопение может закончиться для «мостожогов».

Духовидец, видимо, понял его незаданный вопрос, потому что улыбнулся.

– Такую песнь до сих пор ещё никто не пытался спеть. В песни танно есть залог Восхождения, но может ли целое подразделение взойти? Воистину, вот вопрос, заслуживающий ответа.

Скрипач вздохнул.

– Будь у меня время, я бы рассказал тебе эту историю.

– Это займёт лишь один миг.

– Что ты имеешь в виду?

Старый жрец поднял морщинистую длиннопалую руку.

– Если позволишь мне прикоснуться, я узнаю твою историю.

Сапёр отшатнулся.

– А-а, – вздохнул духовидец, – боишься, что я не лучшим образом обойдусь с твоими тайнами.

– Я боюсь, что их знание поставит твою жизнь под угрозу. Да и не все мои воспоминания – о делах честных и благородных.

Старик откинул голову и рассмеялся.

– Если бы все они были честны и благородны, ты мог бы с куда большими основаниями носить такое облачение, как я. Прости меня за неучтивую просьбу.

Капитан Турка вернулся с небольшим песочного цвета ларцом из морёного дерева. Он поставил его на столик перед своим господином, который откинул крышку и потянулся за чем-то внутри.

– Рараку была некогда морем, – сказал танно. Он вынул из ларца выцветшую белую раковину. – Такие останки можно найти в Священной пустыне, если знать, где пролегали древние берега. Кроме песни памяти о внутреннем море, в неё были вложены и другие песни. – Старик поднял глаза и встретил взгляд Скрипача. – Мои собственные песни силы. Прошу, прими этот дар за спасение жизни и чести моих внучек.

Скрипач поклонился старому жрецу и приподнял в ладонях раковину.

– Благодарю тебя, духовидец. Значит, твой дар даёт защиту?

– В некотором роде, – с улыбкой заметил жрец. Затем он встал. – Не смею тебя более задерживать, «мостождог». – Скрипач быстро поднялся. – Капитан Турка проводит тебя к выходу. – Старик шагнул ближе и положил руку на плечо Скрипачу. – Кимлок Духовидец благодарит тебя.

С раковиной в руках сапёр вышел из комнаты. Снаружи, в саду, прохладный влажный воздух коснулся его мокрого от пота лба.

– Кимлок... – едва слышно прошептал Скрипач.

Турка хмыкнул, шагая рядом с ним по дорожке к воротам.

– Первый гость за одиннадцать лет. Ты понимаешь, какой чести удостоился, «мостождог»?

– Ясно, что он очень ценит своих внучек, – сухо ответил Скрипач. – Одиннадцать лет, говоришь? Выходит, последним его гостем был...

– Первый Кулак Дуджек Однорукий из Малазанской империи.

– С предложением мирной сдачи Каракаранга, святого города культа танно. Кимлок утверждал, что может уничтожить малазанские легионы. Полностью. Однако сдался, и его имя теперь вошло в поговорки как символ пустых угроз.

Турка фыркнул.

– Он открыл ворота города, ибо ценит жизнь превыше всего. Он постиг вашу Империю и понял, что смерть тысяч ничего для неё не значит. Малаз всё равно получил бы то, чего хотел. А хотел он Каракаранг.

Скрипач поморщился. С грубоватым сарказмом он сказал:

– И если это означало бы привести в святой город т'лан имассов – как оно случилось в Арэне, – мы бы так и сделали. Сомневаюсь, что чары Кимлока смогли бы сдержать т'лан имассов.

Оба остановились у ворот. Турка раскрыл створки, и в его тёмных глазах блеснула старая боль.

– Поэтому Кимлок так и поступил, – сказал он. – Бойня в Арэне выказала всё безумие Империи...

– То, что случилось во время Арэнского мятежа, было ошибкой, – огрызнулся Скрипач. – Никто не давал приказа Логросовым т'лан имассам.

Вместо ответа Турка только горько усмехнулся и жестом предложил сапёру выйти на улицу.

– Ступай с миром, «мостожог».
Раздражённый Скрипач вышел.

Повизгивая от восторга, Моби метнулся через узкую комнату и врезался в грудь Скрипача, с бешеным хлопанием крыльев цепляясь за одежду. Сапёр выругался и, отодвинув в сторону фамилиара, который чуть не задушил его в объятиях, перешагнул порог и запер за собой дверь.

– Я уже начал беспокоиться, – пророкотал Калам из теней в дальнем конце комнаты.
– Отвлёкся, – буркнул Скрипач.
– Неприятности?

Сапёр пожал плечами, расстёгивая верхний плащ, под которым блеснула кольчужная рубаха с кожаными накладками.

– Остальные где?
– В саду, – с некоторой иронией ответил Калам.

По пути Скрипач остановился у своего вещевого мешка. Он присел и положил туда раковину танно, завернув в запасную рубашку.

Когда сапёр подсел к небольшому столу, Калам налил приятелю кружку разведённого водой вина и заново наполнил собственную.

– Ну?
– Трещотку в рот воткну! – проворчал Скрипач и сделал солидный глоток, прежде чем продолжить. – На стенах полным-полно знаков. Думаю, неделя – не больше, – и улицы станут красными от крови.

– У нас есть кони, мулы и припасы. Будем уже на подходе к одану. Там безопаснее.

Скрипач внимательно посмотрел на своего товарища. Тёмное, грубоватое лицо Калама поблёскивало в мутном дневном свете, пробивавшемся из занавешенного окна. Пара ножей лежала на столе перед убийцей, а рядом – точило.

– Может, и так. А может, и нет.
– Ладони на стенах?

Скрипач хмыкнул.
– Это ты их заметил.

– Куча знаков восстания, размечены тайные места для сходов, извещение об обрядах Дриджны – это всё я могу прочесть не хуже любого местного. Но вот эти нечеловеческие отпечатки ладоней – нечто совсем другое. – Калам наклонился вперёд и взял ножи. Он бездумно скрестил голубоватые клинки. – Похоже, они указывают направление. На юг.

– В Пан'потсун-одан, – сказал Скрипач. – Это схождение.
Убийца замер, не сводя тёмных глаз с перекрещенных лезвий.
– А вот такого слуха я ещё не слышал.
– Это мнение Кимлока.
– Кимлока?! – Калам выругался. – Он в городе?
– Говорят, да.

Скрипач глотнул ещё вина. Если рассказать убийце о произошедшем на рынке – и о встрече с духовидцем, – Калам очень быстро окажется за дверью. *А Кимлок – за вратами Худа. Сам Кимлок, его родня, его охрана. Все.* Человек, сидевший напротив Скрипача, всегда действовал наверняка. *Вот и ещё один дар для тебя, Кимлок... моё молчание.*

В коридоре раздались шаги, и вскоре на пороге появился Крокус.
– У вас тут темно, как в пещере.
– Где Апсалар? – резко спросил Скрипач.
– В саду – где же ещё? – огрызнулся вор-даруджиец.

Сапёр взял себя в руки. Старые страхи по-прежнему не желали уходить в прошлое. *Раньше, если она пропадала из виду, после всегда случалась беда. Когда она пропадала из виду, следовало быть начеку.* Тяжело поверить, что девушка уже не является тем, чем была раньше. *Между прочим, если Покровитель убийц вдруг решит снова одержать её, первым знаком этого для нас станет нож в горле.* Скрипач помассировал каменные мышцы шеи и вздохнул.

Крокус подтащил к столу стул, плюхнулся на него и потянулся за вином.

– Мы уже устали ждать, – заявил он. – Если нам и вправду нужно пересечь эту проклятую пустошь, давайте выступать в дорогу. За стеной сада гора вонючего мусора уже такая, что забились канавы и стоки. И полным-полно крыс. Воздух горячий и густой, толком даже не вдохнёшь. Нас мор приберёт, если мы тут будем дальше торчать.

– Понадеемся, что это будет синеязычка, – заметил Калам.

– Это ещё что такое?

– Язык от неё синеет и опухает, – объяснил Скрипач.

– А что в этом хорошего?

– Говорить не можешь.

Над головой блеснули звёзды, но луна ещё не взошла, а Калам двигался в сторону Джен'раба. Старая дорога поднималась к вершине холма великанскими ступенями; прорехи, словно выбитые зубы, темнели там, где обтёсанные каменные блоки вытащили, чтобы использовать для строительства в других районах Эрлитана. В прорехах рос запутанный кустарник, длинные жёсткие корни которого впились в склон холма.

Убийца легко скользил среди развалин, пригибаясь, чтобы его силуэт не выделялся на фоне ночного неба, если кто-то вдруг решит посмотреть на Джен'раб с улиц внизу. В городе царила странная, неестественная тишина. Редкие патрули малазанских солдат оказались вдруг одни, словно их назначили охранять некрополь, где, кроме призраков, никого нет. Стражники нервничали и поэтому вели себя шумно, так что Каламу без труда удавалось разминуться с ними на улицах и в переулках.

Убийца добрался до гребня и проскользнул между двумя большими блоками песка, из которого когда-то была сложена внешняя стена верхнего города. Он остановился, глубоко вдохнул пыльный ночной воздух и посмотрел вниз, на улицы Эрлитана. Цитадель Кулака, которая когда-то служила резиденцией Святому фалах'ду города, вздымалась тёмной бесформенной грудой над хорошо освещённым гарнизоном, словно сжатая рука среди россыпи углей. А внутри этой каменной громадины прятался военный правитель из Малазанской империи, стараясь не слышать горячих увещаний Красных Клинков и тех малазанских шпионов, которых ещё не выгнали из города и не убили. Все оккупационные войска скопились в казарме цитадели – отозванные из дальних форт, что располагались в ключевых точках на окраинах Эрлитана. Цитадель не могла справиться с таким наплывом солдат – вода в колодце уже отдавала гнилью, а воины спали на камнях надвратной башни, под звёздами. В гавани две древние фаларские триремы стояли на якоре около малазанского мола, и одна недоукомплектованная рота морпехов удерживала имперские доки. Малазанцы оказались в осаде, хотя пока ещё никто не поднял на них руку.

Калам разрывался между двумя преданностями. По рождению он принадлежал к покорённым, но по собственному выбору сражался под знамёнами Империи. Сражался за императора Келланведа. *И Дассема Ультора, и Скворца, и Дуджека Однорукого. Но не за Ласиин.* Предательство давным-давно разрушило эти узы. Император бы вырвал сердце этого мятежа при первом же движении. Краткое, но жестокое побоище, за которым бы последовал долгий период мира. Но Ласиин позволила старым ранам загноиться, и грядущая бойня лишит дара речи самого Худа.

Калам отступил от гребня холма. Перед убийцей раскинулся сложный лабиринт из разбитых плит песчаника и кирпича, провалов в грунте и спутанных кустов. Над чёрными прудами роились тучи насекомых. Среди них металась летучие мыши и ризаны.

Рядом с центром вздымались три нижних этажа башни, увитые змеистыми корнями мёртвого от засухи дерева на вершине. У основания зияла чёрная пасть дверного проёма.

Некоторое время Калам внимательно смотрел на него, затем приблизился. Убийца был уже в десяти шагах от арки, когда заметил внутри отблеск света. Он вытащил нож, дважды постучал рукояткой по камню и подошёл к проёму. Голос из темноты остановил его.

– Не подходи ближе, Калам Мехар.

Калам звучно сплюнул.

– Мебра, думаешь, я не узнал твой голос? Гнусные ризаны вроде тебя никогда не отходят далеко от своего гнезда, поэтому тебя так легко было найти. А проследить досюда – ещё легче.

– У меня здесь важное дело, – прорычал Мебра. – Зачем ты вернулся? Чего от меня хочешь? Я был должен услугу «мостожога», но их больше нет.

– Ты был должен мне, – заявил Калам.

– А когда следующий малазанский пёс с горящим мостом на плече меня найдёт, он опять потребует долг? А затем следующий, и ещё один, и ещё? О нет, Кала...

Убийца оказался в дверях прежде, чем Мебра успел что-то понять, метнулся в темноту, безошибочно схватил шпиона рукой за горло. Тот взвизгнул, когда Калам поднял его и припечатал спиной к стене. Убийца крепко держал Мебру, а острое ножа Калама щекотало ямку над грудиной шпиона. Мебра выпустил из рук что-то тяжёлое, что прежде прижимал к груди, и свёрток с громким стуком упал на землю. Калам и не взглянул под ноги, он пристально смотрел в глаза Мебре.

– Долг, – повторил убийца.

– Мебра – человек чести, – прохрипел шпион. – По всем долгам платит! И по этому тоже!

Калам ухмыльнулся.

– Ты там руку положил на кинжал за поясом, Мебра, – лучше больше ею не шевели. Я вижу всё, что ты задумал. По глазам. Теперь посмотри мне в глаза. Знак чего ты там видишь?

Дыхание Мебры участилось. По лбу заструился пот.

– Пощады... – прошептал он.

Калам приподнял брови.

– Какая грубая ошибка...

– Нет-нет! Я прошу пощады, Калам! В твоих глазах я вижу только смерть! Смерть Мебры! Я верну долг, мой старый друг. Я много знаю, всё, что только нужно знать Кулаку! Я могу отдать весь Эрлитан ему в руки...

– Не сомневаюсь, – проговорил Калам, отпустил шпиона и сделал шаг назад. Тот обмяк и сполз по стене. – Но Кулак пусть сам выбирает свою судьбу.

Шпион посмотрел на него снизу вверх, и в его глазах вдруг блеснула хитрость.

– Ты вне закона. И совсем не хочешь вернуться в объятия Малазана. Ты вновь человек из Семи Городов. Ох, Калам, да благословят тебя Семеро!

– Мне нужны знаки, Мебра. Безопасный путь через одан.

– Они тебе известны...

– Символы умножились. Я знаю *прежние* знаки, и они принесут мне смерть от рук первого же племени, которое меня найдёт.

– Путь тебе откроет один-единственный знак, Калам. На любой тропе в Семи Городах, клянусь.

Убийца отступил на шаг.

– Какой знак?

– Ты – дитя Дриджны, воин Апокалипсиса. Сделай знак вихря – помнишь его?

Калам подозрительно прищурился, но кивнул.

– Я видел множество других, новых символов. Что они значат?

– Во всей туче саранчи правдив лишь один, – ответил Мебра. – Как лучше оставить Красных Клинков в неведении? Пожалуйста, Калам, уходи. Я отдал свой долг...

– Если ты меня предал, Адаэфон Бен Делат об этом узнает. Скажи, сможешь ты скрыться от Быстрого Бена, когда он откроет свои Пути?

Мебра стал бледен, как лунный свет, и молча покачал головой.

– Вихрь.

– Да, клянусь Семерыми!

– Не шевелись, – приказал Калам. Не снимая ладони с рукояти длинного ножа за поясом, убийца шагнул вперёд, присел и подобрал предмет, который Мебра выронил на землю. Услышал, как шпион задержал дыхание, и улыбнулся. – Наверное, это стоит взять с собой – в качестве гарантии.

– Умоляю тебя, Калам...

– Тихо! – Убийца увидел, что держит в руках завёрнутую в парусину книгу. Откинул грязную ткань. – Худов дух! – прошипел Калам. – Из подвалов Первого Кулака в Арэне... и в руки эрлинского шпиона. – Он посмотрел в глаза Мебре. – Сам Пормкваль знает о том, что у него украли предмет, который начнёт Апокалипсис?

Коротышка ухмыльнулся, так что сверкнул ряд острых зубов с серебряными колпачками.

– Даже если бы из-под этого дурака выкрали шёлковую простыню среди ночи, он бы не узнал. Пойми, Калам, если ты заберёшь её как залог, все воины Апокалипсиса будут охотиться за тобой. Священная книга Дриджны вышла на волю и должна вернуться в Рараку, где Провидица...

– Поднимет Вихрь, – закончил Калам. Древний фолиант в руках вдруг показался ему тяжёлым, точно гранитная плита. Переплёт из шкуры бхедерина был покрыт пятнами и царапинами, а от страниц из ягнячьей кожи поднимался запах ланолина и чернил из крови-ягоды. А на этих страницах... *слова безумия, а в Священной пустыне ждёт Ша'ик, Провидица, обетованная предводительница восстания...* – Ты откроешь мне последнюю тайну, Мебра. Ту, что должен знать носитель этой Книги.

Глаза шпиона испуганно распахнулись.

– Она не может стать твоей заложницей, Калам! Бери лучше меня, умоляю!

– Я доставлю её в священную пустыню Рараку, – сказал Калам. – Лично в руки Ша'ик, и это откроет мне дороги и тропы, Мебра. И если я почую хоть тень предательства, если увижу у себя на пути хоть одного воина Апокалипсиса, – уничтожу Книгу. Ты меня понял?

Мебра отчаянно заморгал, потому что глаза ему заливал пот. Затем резко кивнул.

– Ты должен скакать на жеребце цвета песка, смешав с ним кровь. Ты должен облачиться в красную талабу. Каждую ночь ты должен оборачиваться лицом к своему следу, вставать на колени, разворачивать Книгу и вызывать к Дриджне – и всё, больше ни слова, ибо богиня Вихря услышит и подчинится – и все следы твоего странствия исчезнут. Ты должен один час ждать в молчании, затем снова заворачивать Книгу. Её нельзя открывать солнечному свету, ибо время пробуждения Книги принадлежит Ша'ик. Сейчас я повторяю эти указания...

– Не нужно, – прорычал Калам.

– Ты и вправду вне закона?

– Тебе мало доказательств?

– Передашь в руки Ша'ик Книгу Дриджны, и твоё имя вовеки будут воспевать на небесах, Калам. Предашь наше дело, и при звуках твоего имени станут плевать в песок.

Убийца снова завернул Книгу в парусину, а потом спрятал её в складки своей туники.

– Наш разговор закончен.

– Да благословят тебя Семеро, Калам Мехар.

В ответ Калам хмыкнул и пошёл к двери, остановившись лишь для того, чтобы оглядеть окрестности. В лунном свете он никого не увидел и выскользнул наружу.

Продолжая сидеть у стены, Мебра смотрел вслед убийце. Он замер, ожидая услышать, как Калам шагает по битому кирпичу, камням и черепкам, но ничего не услышал. Шпион утёр пот со лба, запрокинул голову, прижав затылок к прохладной кладке башни, и прикрыл глаза.

Через несколько минут он услышал поскрипывание доспехов у входа в башню.

– Видел его? – спросил Мебра, не открывая глаз.

– Лостара следит за ним, – ответил низкий голос. – Книга у него?

Тонкие губы Мебры изогнулись в улыбке.

– Такого посетителя я не ждал. О нет, никак не ожидал такого удивительного гостя. Это был Калам Мехар.

– «Мостожог»? Поцелуй тебя Худ, Мебра! Знай я, мы бы его зарезали прежде, чем он вышел бы из башни.

– Если бы попытались, – проговорил Мебра, – ты и Аральт с Лостарой уже поили бы собственной кровью жадные корни Джен'раба.

Кряжистый воин отрывисто хохотнул и вошёл внутрь. За спиной у него, как и ожидал шпион, виднелась фигура охранявшего вход Аральта Арпата – такого высокого и широкоплечего, что он перекрыл собой почти весь лунный свет.

Тин Баральта положил руки в перчатках на рукояти мечей у пояса.

– Что с твоим первым контактом?

Мебра вздохнул.

– Как я и говорил, нам скорее всего понадобится ещё дюжина таких ночей. Он напуган и сейчас уже, наверное, на полпути к Г'данисбану. Он... передумал, как поступил бы на его месте всякий разумный человек. – Шпион поднялся и стряхнул пыль с телабы. – Поверить не могу, что нам такая удача подвалила, Баральта...

Кольчужный кулак Тина Баральты молниеносно мелькнул в воздухе и врезался в лицо Мебре, так что шипы оставили длинные царапины на щеке шпиона. На стену брызнула кровь. Мебра отшатнулся и прижал руки к разодранному лицу.

– Не фамильярничай, – спокойно сказал Баральта. – Ты подготовил Калама, я так понимаю? Дал ему нужные... указания?

Мебра сплюнул кровь, затем кивнул.

– Ты безошибочно сможешь его выследить, командир.

– До самого лагеря Ша'ик?

– Да. Но молю тебя, господин, будь осторожен. Если Калам вас заметит, он уничтожит Книгу. Оставайтесь на день позади него, может, даже больше.

Тин Баральта вытащил из кошелья на поясе кусочек шкуры бхедерина.

– Телёнок ищет матку, – сказал он.

– И находит безошибочно, – закончил Мебра. – Чтобы убить Ша'ик, тебе понадобится армия, командир.

Красный Клинок улыбнулся.

– Это наша забота, Мебра.

Мебра заколебался, глубоко вздохнул, затем сказал:

– Я бы хотел только одного, господин.

– Ты бы *хотел*?

– Я нижайше прошу, командир.

– Чего?

– Оставь жизнь Каламу.

– Раны твои неравномерны, Мебра. Позволь я приласкаю и другую сторону твоего лица.

– Выслушай меня, командир! «Мостожог» вернулся в Семь Городов. Он назвал себя воином Апокалипсиса. Но пристанет ли Калам к лагерю Ша'ик? Сможет ли человек, рождённый, чтобы приказывать, подчиняться другому?

– К чему ты клонишь?

– Калам тут по другой причине, командир. Он хотел только получить безопасный проход через Пан'потсун-одан. Он забрал Книгу лишь потому, что это обеспечит ему безопасность. Убийца направляется на юг. Зачем? Мне кажется, это захотели бы узнать Красные Клинки – и Империя. А такое знание можно получить, лишь пока он дышит.

– Ты что-то подозреваешь.

– Арэн.

Тин Баральта фыркнул.

– Хочет воткнуть клинок в рёбра Пормквалю? Мы все благословили бы его за это, Мебра.

– Каламу плевать на Первого Кулака.

– Так что же ему нужно в Арэне?

– Мне только одно приходит в голову, командир. Он ищет корабль, который направляется в Малаз. – Сгорбившись и потирая пульсирующее болью лицо, Мебра из-под полуприкрытых век наблюдал, как его слова медленно пускают корни в сознании командира Красных Клинков.

После долгой паузы Тин Баральта тихо спросил:

– Что ты предлагаешь?

Несмотря на боль, Мебра улыбнулся.

Словно груда уложенных друг на друга глыб известняка, утёс вздымался над пустыней на высоту четырёх сотен саженей. Выветренный склон был покрыт глубокими трещинами и расселинами, а в самой большой из них – на высоте примерно пятидесяти саженей над песком – стояла башня.

Единственное сводчатое окно чернело на фоне кирпичей.

Маппо тревожно вздохнул.

– Я никакого очевидного подхода туда не вижу, но должен же быть путь! – Он бросил взгляд назад, на своего спутника. – Ты считаешь, там кто-то живёт.

Икарий вытер запекшуюся кровь со лба, затем кивнул. Он наполовину выдвинул меч из ножен и нахмурился, заметив кусочки плоти, которые застряли в зазубринах на лезвии.

Д'иверсы застали путников врасплох, дюжина леопардов цвета песка выскользнула из лощины в десятке шагов справа, когда друзья готовились разбить лагерь. Один прыгнул на спину Маппо, вцепился клыками в загривок, разрывая крепкую кожу трелля когтями. Леопард пытался убить его так, словно Маппо был антилопой, – потянулся к горлу, норовил повалить на землю. Но трелль не был антилопой. Клыки глубоко вошли в плоть, однако нашли только мускулы. В ярости трелль забросил руки за спину и сорвал зверя с плеч. Ухватив рычащего леопарда за кожу на шее и бёдрах, Маппо изо всей силы стукнул его головой о ближайший валун так, что треснул череп.

Остальные одиннадцать бросились на Икария. Маппо отбросил тело леопарда в сторону, резко обернулся и увидел, что четверо зверей уже неподвижно лежат у ног яггута-

полукровки. Когда взгляд трелля упал на Икария, Маппо внезапно охватил страх. *Насколько? Насколько далеко зашёл ягг? Благослови нас Беру, только не это.*

Один из зверей вцепился клыками в левое бедро Икария, и Маппо увидел, как древний меч воина рванулся вниз и одним ударом отрубил голову леопарду. Жутковатая деталь – голова ещё некоторое время висела на ноге Икария, словно хлещущий кровью бесформенный мешок.

Оставшиеся в живых хищники кружили вокруг спутников.

Маппо рванулся вперёд и ухватился за бешено бьющий хвост. Трелль заревел и швырнул рычащего зверя в воздух. Извиваясь, леопард пролетел семь или восемь шагов, а затем врезался в камень и сломал себе хребет.

Для д'иверса всё было кончено. Он осознал свою ошибку и попытался отступить, но Икарий был неумолим. Глухое клокотание в его горле переросло в пронзительный рёв – и ягг устремился к пяти оставшимся леопардам. Те бросились врассыпную, но поздно. Хлынула кровь, рассечённая плоть с глухим звуком упала на землю. Мгновение спустя ещё пять тел неподвижно лежали на песке.

Икарий резко развернулся, высматривая следующую жертву, и трелль сделал полшага вперёд. В следующую секунду пронзительная скорбная песнь Икария затихла, и ягг распрямился. Каменным взглядом он посмотрел на трелля и нахмурился.

Маппо увидел капли крови на лбу Икария. Жуткий звук исчез. *Не слишком далеко. Не успел. Ох, боги нижнего мира, этот путь... зря я, дурак, за ним пошёл. На краю остановился, на самом краю.*

На запах крови д'иверса – пролитой столь щедро – придут другие. Спутники быстро свернули лагерь и скорым шагом направились прочь. Перед уходом Икарий вынул из колчана одну из стрел и воткнул её в песок на видном месте.

Под покровом ночи они бежали трусцой. Обоих гнал вперёд отнюдь не страх смерти, куда больший ужас скрывался в том, чтобы убивать. Маппо молился про себя, чтобы стрела Икария оказалась достаточно весомым предупреждением для остальных.

Рассвет застал спутников у восточной гряды. За утёсами вздымались выветренные горы, которые отделяли Рараку от Пан'потсун-одана.

Некое существо не обратило внимания на стрелу и шло по их следу – примерно в лиге позади. Трелль почуял его ещё час назад: одиночник, и облик он принял громадный.

– Найди для нас тропу наверх, – сказал Икарий, натягивая тетиву на лук. Он вытащил оставшиеся стрелы и прищурился, глядя назад. Всего в сотне шагов мерцающий жар поднимался над песком, словно занавес, и скрывал всё вокруг. Если одиночник покажется там и бросится в бой, ягг успеет выпустить полдюжины стрел. Врезанные в их древка Пути смогли бы уничтожить даже дракона, но по выражению лица Икария было понятно, что его мутит от одной мысли об этом.

Маппо коснулся глубокой раны на шее. Растерзанная плоть воспалилась, горела, по ране ползали мухи. Мускулы пульсировали глубокой болью. Он вытащил из мешка побег кактуса-джегуры и выжал в рану сок. По шее распространилось онемение, позволившее треллю шевелить руками без мучительной боли, от которой его бросало в пот последние несколько часов. Маппо поёжился от внезапной прохлады. Сок джегуры был так силен, что использовать его можно было только раз в день, иначе онемение достигло бы лёгких и сердца. И мухи слетелись бы на запах в ещё большем количестве.

Он приблизился к расселине в каменном склоне. Трелли живут на равнинах. Маппо не обладал особыми умениями скалолаза и совсем не был рад предстоящему испытанию. Трещина была достаточно глубока, чтобы поглотить утренний свет солнца, и узкой у основания – едва ли в ширину его плеч. Ссутулившись, трелль скользнул внутрь, и холодный, затхлый воздух вызвал у него новую волну дрожи. Глаза быстро приспособились к полу-

мраку, и Маппо разглядел дальнюю сторону расселины в шести шагах впереди. Ни ступенек, ни ухватов для рук. Задрав голову, он посмотрел вверх. Выше расселина расширялась, но стенки оставались гладкими до выступа, на котором, как решил Маппо, стояла башня. Ничего похожего, например, на болтавшуюся верёвку с узлами. Заворчав от разочарования, трелль выбрался обратно на солнечный свет.

Икарий стоял лицом к пустыне: стрела на тетиве, лук натянут. В тридцати шагах от него покачивался на четырёх мощных лапах огромный бурый медведь, зверь приподнял голову и приняхивался. Одиночник догнал их.

Маппо присоединился к спутнику.

– Этого я знаю, – тихо произнёс трелль.

Ягг опустил оружие и ослабил тетиву.

– Обращается, – сказал Икарий.

Медведь накренился вперёд.

Маппо заморгал, потому что зрение на миг помутилось. Он почувствовал вкус песка, ноздри раздулись от сильного, пряного запаха превращения. Трелль ощутил инстинктивную волну страха, сухость во рту, от которой стало трудно глотать. В следующий миг обращение завершилось, и к спутникам шагнул человек – голый и бледный под палящими лучами солнца.

Маппо медленно покачал головой. Под личиной одиночник был огромной, мощной горой мышц – но теперь Мессремб оказался ростом всего в пять футов, почти безволосым, худым, как кость, узколицым человечком с лошадиными зубами. Его маленькие глазки цвета граната поблёскивали среди смешливых морщинок, которые вызвала появившаяся на лице одиночника улыбка.

– Маппо Трелль! Нос мне подсказал, что это ты!

– Давно не виделись, Мессремб.

Одиночник с интересом рассматривал ягга.

– О да, это было к северу от Нэмила.

– Думается, тамошние девственные сосновые леса тебе больше подходили, – проговорил Маппо, вспоминая те времена, вольные дни, когда огромные караваны треллей ещё отправлялись в великие странствия.

Улыбка исчезла с лица одиночника.

– Это точно. А ты, господин, должно быть, Икарий, создатель механизмов, а ныне – погибель д'иверсов и одиночников. Знай, что я чувствую большое облегчение от того, что ты опустил лук – у меня сердце едва не выскочило из груди, когда я заметил, что ты прицелился.

Икарий хмурился.

– Я не стал бы ничьей погибелью, будь выбор за мной, – произнёс он. – На нас напали без предупреждения, – добавил он, но в голосе ягга прозвучала странная неуверенность.

– То есть у тебя не было возможности предупредить это злополучное создание. Да упокоятся части его души. Я-то – уж точно не опрометчив. Единственный мой бич – любопытный нос. «Что это за запах смешивается с Маппиным, – подумал я, – так похож на яггутский, но чуть-чуть иной?» Теперь, когда глаза дали мне ответ, я готов продолжить свой путь по Тропе.

– Ты знаешь, куда он тебя приведёт? – спросил Маппо.

Мессремб словно оцепенел.

– Вы видели врата?

– Нет. Что ты ожидаешь там найти?

– Ответы, старый друг. Теперь позвольте вас избавить от запаха моего превращения и отойти на некоторое расстояние. Пожелаешь мне всего доброго, Маппо?

– Конечно, Мессремб. И добавлю к пожеланию предупреждение: четыре ночи назад мы столкнулись с Рилландарасом. Будь осторожен.

Что-то от медвежьей дикости мелькнуло в глазах одиночника.

– Я его поищу.

Икарий и Маппо смотрели вслед человеку, который вскоре скрылся за каменным выступом.

– Безумие кроется в нём, – заметил Икарий.

От этих слов трелль вздрогнул.

– В них всех, – вздохнул Маппо. – Подъёма я пока не нашёл, кстати. В пещере ничего нет.

До спутников вдруг донёсся неспешный стук подкованных копыт. На тропе, идущей вдоль склона, появился человек на чёрном муле. Он сидел, скрестив ноги, на высоком деревянном седле, и был закутан в изорванную, грязную телабу. Руки, лежавшие на резной луке седла, были цвета ржавчины. Лицо скрывал капюшон. Мул казался странным: шерсть – чёрная, кожа внутри ушей – чёрная, даже глаза – чёрные. Ровный цвет ночи нигде не нарушался, если не считать грязи и пятен, похожих на засохшую кровь.

Приблизившись, человек покачнулся в седле.

– Входа нет, – прошипел он, – только выход. Час ещё не настал. Жизнь, данная за жизнь отнятую, запомни эти слова, запомни! Ты ранен. Светись от заражения. Мой слуга позаботится о тебе. Услужливый человек с просоленными руками: одна морщинистая, другая розовая – осознаёшь важность? Ещё нет, ещё нет. Так редко приходят... гости. Но я вас ждал.

Мул остановился напротив расселины и бросил на двух странников печальный взгляд, когда всадник попытался распрямить согнутые ноги. При этом человек поскуливал от боли, и, в конце концов, отчаянные усилия нарушили его равновесие так, что, взвизгнув, незнакомец свалился с седла и мешком рухнул в песок.

Увидев ярко-алую кровь, которая проступила на ткани телабы, Маппо шагнул вперёд.

– Ты и сам ранен, господин!

Человек извивался на земле, словно полупарализованная черепаха, ноги его так и оставались скрещенными. Капюшон свалился, открыв большой крючковатый нос, клочковатую тонкую бородёнку, лысую макушку, покрытую татуировками, и кожу цвета тёмного мёда. На искажённом гримасой лице сверкнул ряд великолепных белых зубов.

Маппо опустился на колени, пытаясь рассмотреть рану, из которой вылилось столько крови. Мощный запах железа щекотал ноздри треллю. Потом Маппо сунул руку под балахон незнакомца и вытащил открытый бурдюк. Хмыкнув, он посмотрел через плечо на Икария.

– Не кровь. Краска. Красная охра.

– Помоги мне, олух! – рявкнул человек. – Ох, ноги мои, ноги!

В недоумении Маппо помог человеку распрямить ноги, при этом каждое движение сопровождалось жалобными стонами. Как только человек поднялся и сел, он тут же начал лупить самого себя по бёдрам.

– Слуга! Вина! Вина, чтоб тебя, тупица безголовый!

– Я тебе не слуга, – холодно сказал Маппо, отступая на шаг. – И я не беру с собой вино, когда иду через пустыню.

– Да не ты, варвар! – Человек гневно оглянулся. – Где он?

– Кто?

– Слуга, разумеется. Он думает, что возить меня – это его единственная обязанность...

Ага, вот он!

Проследив за взглядом человека, трелль нахмурился:

– Это мул, господин. Сомневаюсь, что он сумеет откупорить бурдюк с вином, не говоря уж о том, чтоб наполнить кубок. – Маппо улыбнулся Икарию, но ягг не обращал внимания на происходящее: он снял тетиву с лука, а теперь устроился на камне и чистил меч.

Продолжая сидеть на земле, человек набрал пригоршню песка и швырнул её в мула. От испуга зверь заревел, рванулся к расселине и вскоре скрылся в пещере. С натужным стоном человек поднялся на ноги и стоял, покачиваясь, его руки быстро теребили одна другую, словно от нервного тика.

– Так-то, нагрубил гостям, – пробормотал он с неуверенной улыбкой. – Как-то! *Как-то* нагрубил гостям, я имел в виду. Бессмысленные извинения и добродушные жесты очень важны. Нижайше прошу прощения за временное падение гостеприимства. О да, очень прошу. Мои манеры оказались бы получше, не будь я настоятелем этого храма. Послушнику следует подлизываться и скоблить полы, а потом ворчать и жаловаться в компании собратьев по несчастью. Ага, вот и Слуга.

Широкоплечий, кривоногий мужчина в чёрном одеянии вышел из пещеры. В руках он держал поднос с кувшином и глиняными чашами. Лицо его скрывала чадра слуги, в прорези видны были глубокие карие глаза.

– Ленивый олух! Паутину видел где-нибудь?

Акцент Слуги застал Маппо врасплох. Малазанский!

– Нет, Искарал.

– Обращайся ко мне по званию!

– Верховный жрец...

– Не так!

– Верховный жрец Искарал Прыщ из Тесемского храма Тени...

– Кретин! Ты – Слуга! А значит, я...

– Хозяин.

– Вот именно. – Искарал обернулся к Маппо. – Мы редко разговариваем, – пояснил он. Икарий подошёл к ним.

– Значит, это Тесем. Мне говорили, что это монастырь, посвящённый Королеве грёз...

– Они съехали, – буркнул Искарал. – Забрали с собой свои фонари, оставили только...

– Тени.

– Умный ягг, но меня об этом предупреждали, о да! Вы оба больны, как недоваренные свиньи. Слуга приготовил для вас покои. А также отвары целебных трав и корней, лечебные настойки и эликсиры. Белый паральт, эмулор, тральб...

– Это всё яды, – заметил Маппо.

– Да ну? Неудивительно, что свинья померла. Уже почти пора, не приготовиться ли нам к восхождению?

– Веди, – согласился Икарий.

– Жизнь, данная за жизнь отнятую. Следуй за мной. Никому не перехитрить Искарала Прыща. – Верховный жрец повернулся к склону и гневно прищурился.

Маппо не понимал, чего они ждут. Через несколько минут трель откашлялся.

– Твои послушники спустят вниз лестницу?

– Послушники? Нет у меня послушников. Никакой возможности посамодурствовать. Очень печально, никто у меня за спиной не ворчит и не жалуется, никакой радости быть верховным жрецом. Когда б не шёпот моего бога, я бы вообще это дело бросил, уж поверьте и примите во внимание, учитывая всё, что я уже сделал и сделаю.

– Я вижу движение в расселине, – сказал Икарий.

Искарал хмыкнул.

– Бхок'аралы. Они тут гнездятся на склоне. Гнусные писклявые твари, лезут под ноги, нюхают то одно, то другое, мочатся на алтарь, гадят мне в подушку. Они – моё проклятье,

выбрали меня из всех, и за что? Я ведь даже не освежевал ни одного из них, не сварил их мозги, чтобы выскребать их ложечкой из черепов во время изысканной, цивилизованной трапезы. Ни силков, ни ловушек, ни яда, но всё равно они преследуют меня. За что – нет ответа. Я в отчаянии.

Солнце опускалось всё ниже, и бхок'аралы стали смелее: перелетали с уступа на уступ, цеплялись ручками и ножками за щели и выступы на отвесном склоне и ловили ризанов – маленькие летающие ящерки как раз выбирались из укрытий на ночную кормёжку. Маленькие обезьяноподобные бхок'аралы хлопали кожистыми, как у летучих мышей, крыльями, были лишены хвостов, а их крапчатые шкурки отливали рыжевато-коричневым и бурым. Если не считать длинных резцов, лица бхок'аралов удивительно напоминали человеческие.

Из одинокого окна башни вывалилась и развернулась из мотка верёвка с узлами. Крошечная круглая головка высунулась наружу и посмотрела на них.

– Разумеется, – добавил Искарал, – некоторые из них оказались довольно полезны.

Маппо вздохнул. Он-то надеялся, что сыщется какой-нибудь чародейский способ подняться наверх, что-то достойное верховного жреца Тени.

– Выходит, придётся карабкаться.

– Конечно, нет! – возмутился Искарал. – Слуга заберётся наверх, а затем поднимет нас.

– Ему потребуется немалая сила, чтобы поднять меня, – заметил трелль. – Да и Икария тоже.

Слуга поставил на землю поднос, поплевал на руки и подошёл к верёвке. Он взобрался по ней с неожиданной ловкостью. Искарал присел рядом с подносом и плеснул вина в три чаши.

– Слуга – наполовину бхок'арал. Длинные руки. Железные мускулы. Дружит с ними – вот возможный источник всех моих бед. – Искарал взял себе одну чашу и, выпрямившись, указал на поднос. – К счастью для Слуги, я такой мягкий и терпеливый хозяин. – Он обернулся, чтобы посмотреть, как человек карабкается по верёвке. – Быстрей, пёс паршивый!

Слуга уже добрался до окна, перелез через подоконник и скрылся из виду.

– Дар Амманаса этот Слуга. Жизнь, данная за жизнь отнятую. Одна рука старая, другая – новая. Вот истинное раскаяние. Увидите.

Верёвка задрожала. Верховный жрец проглотил остатки вина, отшвырнул в сторону чашу и заковылял к верёвке.

– Слишком долго был открыт! Уязвим. Живей-живей! – Он уцепился руками за один из узлов и поставил ноги на другой. – Тяни! Оглох, что ли? Тяни!

Искарал пулей взлетел наверх.

– Лебёдка, – заметил Икарий. – Слишком быстро, чтобы было иначе.

Маппо поморщился – боль вернулась к плечам, затем сказал:

– Ты ждал чего-то другого, я так понимаю.

– Тесем, – проговорил Икарий, глядя, как жрец скрылся в окне. – Храм исцеления. Чертог отшельнического созерцания, хранилище свитков и книг. Ненасытные монахины.

– Ненасытные?

Ягг взглянул на своего друга и приподнял брови.

– О да.

– Какое тяжкое разочарование.

– Весьма.

– В таком случае, – заметил Маппо, когда верёвка снова упала вниз, – я думаю, что отшельническое созерцание помutilo ему рассудок. Война с бхок'аралами и шепотки бога, которого иные и самого считают безумным...

– Но здесь есть сила, Маппо, – тихо сказал Икарий.

– Точно, – согласился трелль, подходя к верёвке. – Когда мул скрылся в пещере, там открылся Путь.

– Тогда почему же верховный жрец им не воспользовался?

– Сомневаюсь, что мы сможем получить простые ответы у Искарала Прыща, друг мой.

– Держись крепче, Маппо.

– О да.

Икарий вдруг протянул руку и положил ладонь на плечо Маппо.

– Друг мой.

– Да?

Ягг хмурился.

– У меня не хватает стрелы, Маппо. Более того, на моём мече кровь, а на тебе я вижу ужасные раны. Скажи, мы с кем-то дрались? Я... ничего не помню.

Трелль долго молчал, а затем сказал:

– На меня напал леопард, когда ты спал, Икарий. Тебе пришлось использовать оружие.

Я не думал, что об этом стоит упоминать.

Икарий нахмурился ещё больше.

– И снова, – медленно прошептал он, – я утратил время.

– Ничего ценного не потерял, друг мой.

– Иначе ты сказал бы мне? – В серых глазах ягга отразилась отчаянная мольба.

– Зачем бы я молчал, Икарий?

Глава третья

Красные Клинки были в то время самой многочисленной из промалазанских организаций, которые появились на оккупированных территориях. Члены этого воинственного квазикульты рассматривали себя как сторонников прогресса, принимавших ценности объединения в Империю, и печально прославились жестоким прагматизмом по отношению к более консервативным соотечественникам...

Илем Траут. Жизнь покорённых

Фелисин неподвижно лежала под Бенетом, пока он с последним содроганием наконец не кончил. Отодвинувшись, он ухватил в пятерню её волосы. Под слоем грязи его лицо покраснело, а глаза блестели в свете лампы.

– Ты ещё научишься получать от этого удовольствие, девочка, – сказал Бенет.

Волна чего-то дикого всегда накатывала после того, как Фелисин оказывалась под ним. Она знала, что это пройдёт.

– Наверняка, – ответила Фелисин. – Он получит день отдыха?

Хватка Бенета на миг стала крепче, но потом он расслабился.

– Ага, получит. – Он отодвинулся дальше и начал завязывать штаны. – Но как по мне, смысла в этом никакого. Старик всё равно до конца месяца не дотянет. – Бенет помолчал, глядя на неё; его дыхание стало жёстким. – Худов дух, девочка, ты ведь красавица. Будь поживее в следующий раз. Не пожалеешь. Я тебе мыло добуду, новый гребешок, от вшей настойку. Работать будешь тут, на Загибах, – это я обещаю. Покажи, что тебе приятно, девочка, только и всего.

– Скоро, – сказала Фелисин. – Когда перестанет болеть.

Пробил одиннадцатый дневной колокол. Они находились в третьем забое Дальней шахты на Загибах. Забой выдолбили Гнилоноги, поэтому по всей длине – почти четверть

мили – высота тоннеля едва позволяла ползти на четвереньках. В затхлом воздухе стоял запах отатараловой пыли и мокрого камня.

Все остальные уже давно были бы в Присмерке, но за Бенетом стоял капитан Саварк, поэтому он мог делать что вздумается. Например, захватить для личных нужд заброшенный забой. Фелисин была здесь уже в третий раз. В первый было труднее всего. Бенет заприметил её сразу же после прибытия в Черепок, шахтёрский лагерь в Досийских коях. Бенет был огромен, выше даже Бодэна, и хотя сам являлся рабом, командовал всеми прочими рабами, так что стража считала его своим человеком среди заключённых – жестоким и опасным. К тому же он был поразительно красив.

Фелисин быстро училась на тюремном корабле. Ей нечего было продавать, кроме своего тела, но оно оказалось ценным товаром. Отдаваясь стражникам, она получала больше еды для себя, Геборика и Бодэна. Раздвигая ноги для нужных людей, смогла добиться, чтобы всех троих приковали у килевого трапа, а не в полной нечистот воде, которая плескалась по щиколотку в трюме. Другие сгнили в этой воде. Некоторые захлебнулись, когда голод и болезни ослабили их настолько, что не хватало сил удержаться на поверхности.

Гнев и горе, которые вызывала у Геборика цена, которую Фелисин за это платила, поначалу было сложно не замечать, они заставляли её испытывать жгучий стыд. Но такой ценой они остались в живых: это была несомненная истина. Бодэн тогда – и до сих пор – только смотрел на неё ничего не выражающим взглядом. Он наблюдал за Фелисин, как незнакомец, который никак не может разобраться, кто она на самом деле. Но он держался рядом – и сейчас тоже маячил за спиной у Бенета. Между двумя мужчинами явно установилась какая-то молчаливая договорённость. Когда Бенета не было поблизости, чтобы защитить её, рядом оказывался Бодэн.

На корабле Фелисин хорошо изучила вкусы мужчин, а также тех немногих женщин-стражниц, которые брали её к себе в койку. Она думала, что готова к Бенету, и ко многому действительно оказалась готова. *Ко всему, кроме размера.*

Поморщившись, Фелисин натянула свою рабскую тунику.

Бенет посмотрел на неё. Высокие скулы рельефно выступали под глазами, длинные чёрные курчавые волосы поблёскивали от китового жира.

– Я отправлю старика на Земельку, если хочешь, – сказал он.

– Правда?

Бенет кивнул.

– Для тебя всё изменится. Я не возьму ни одну другую женщину. Я – король Черепка, ты будешь моей королевой. Бодэн станет твоим личным телохранителем – я ему доверяю.

– А Геборик?

Бенет пожал плечами.

– Вот ему доверия нет. И проку от него никакого. Только тележки таскать – на большее он не способен. Тележки или плуг на Земельке. – Взгляд Бенета метнулся к Фелисин. – Но он твой друг, так что я ему что-то подберу.

Фелисин провела пальцами по волосам.

– Тележки его и убивают. Если ты его поставишь на плуг, это не особая услуга...

Бенет нахмурился, и Фелисин подумала, что зашла слишком далеко.

– Ты никогда не тянула тележку с камнями, девочка. Тянешь одну пол-лиги по тоннелям, потом идёшь обратно, и всё по новой – три, четыре раза в день. Сравни это с тем, чтобы волочь плуг по мягкой, изрытой земле. Проклятье, девочка! Если я сниму старика с тележек, я это должен как-то оправдать. В Черепке все работают.

– Но дело ведь не только в этом, да?

Вместо ответа он отвернулся и пополз к выходу из забоя.

– У меня каннское вино, свежий хлеб и сыр. Була приготовила для стражников рагу, и нам достанется по миске.

Фелисин последовала за ним. От одной мысли о еде потекли слюнки. Если сыра и хлеба окажется вдосталь, можно будет приберечь немного для Геборика, хотя тот настаивал, что нужны только мясо и фрукты. Но такие яства в Черепке ценились на вес золота, и найти их было не легче. Фелисин подумала, что он обрадуется всему, что бы она ни принесла.

Было ясно, что Саварк получил приказ уморить историка. Никаких убийств – слишком велик политический риск; медленная, мучительная смерть от голода и непосильного труда. Отсутствие рук у Геборика дало капитану повод отправить его таскать тележки. Каждый день историк налегал на ремни, вытаскивая сотни фунтов дроблёного камня из Глубокой шахты к Присмерку. Все остальные тележки тащили волы – по три на каждое животное. Геборик тянул только одну – вот и всё, что указывало на его принадлежность к роду человеческого.

Фелисин не сомневалась, что Бенет знает об инструкциях, которые получил Саварк. Власть «короля» Черепка была не безграничной, хоть он и утверждал обратное.

Они добрались до основной штольни, до Присмерка оставалось около четырёх сотен шагов. Если в Глубокой шахте толстая, богатая и прямая жила отатарала шла под холмами, то на Загибах жилы скручивались, поднимались и опускались, петляли в известняке. В отличие от железной руды на континенте, отатарал никогда не уходил в материковый грунт. Найти его можно было только в толще известняка, отатарал залегал долгими, неглубокими жилами, которые текли, словно реки ржавчины, между окаменевшими растениями и моллюсками.

«Известняк – это кости некогда живших созданий, – сказал Геборик на вторую ночь в лачуге, которую они заняли в Заплюйном ряду – ещё до того, как Бенет перевёл их в более престижный район за таверной Булы. – Я раньше читал об этой теории, а ныне и сам убедился. Теперь приходится признать, что отатарал, похоже, не естественная руда.»

«Это важно?» — поинтересовался Бодэн.

«Если это не естественное образование, то что же? – Геборик ухмыльнулся. – Отатарал, гибель магии – рождён магией. Если бы я был менее добросовестным учёным, написал бы об этом трактат.»

«Это ты к чему?» — спросила Фелисин.

«К тому, – объяснил Бенет, – что так он подтолкнул бы магов и алхимиков к попыткам сотворить собственный отатарал.»

«Ну и что с того?»

«Жилы, которые мы тут разрабатываем, – снова заговорил Геборик, – похожи на слои жира, который когда-то расплавился, а теперь лежит между слоями известняка. Весь остров должен был расплавиться, чтобы образовались такие жилы. Чародейство, породившее отатарал, вышло из-под контроля. Я бы не хотел нести ответственность за то, что подобная катастрофа может вновь повториться.»

У ворот Присмерка стоял одинокий малазанский солдат. За спиной у него начиналась насыпная дорога, ведущая в городок. Далеко впереди солнце как раз садилось за гряды на границе рудника, так что Черепок накрыли ранние тени, покрывало сумрака, которое приносило благословенное избавление от дневной жары.

Молодой стражник положил руки в наручах на крестовину своей пики.

Бенет хмыкнул.

– А напарник твой где, Пелла?

– Этот растреклятый досий ушёл, Бенет. Может, тебе удастся достучаться до Саварка – Худ свидетель, нас он не слышит. Солдаты-досии растеряли остатки дисциплины. Наплевали на расписание нарядов, всё время только и делают, что режутся в орлянку у Булы. Нас всего

семьдесят пять человек, а их – две сотни, Бенет, а теперь ещё все эти разговоры про мятеж... объясни это Саварку.

– Да ты совсем историю позабыл, – сказал Бенет. – Досии не встают с коленей уже три сотни лет. Они по-другому жить не умеют. Сперва ими помыкали выходцы с континента, потом фаларские колонисты, а теперь вы, малазанцы. Так что успокойся, мальчик, пока не потерял лицо.

– «Историей утешаются дураки», – заметил молодой малазанец.

Бенет лающе хохотнул и шагнул к воротам.

– А это чьи слова, Пелла? Не твои же.

Стражник приподнял брови, затем пожал плечами.

– Я иногда забываю, что ты – корелец, Бенет. Это слова императора Келланведа. – Взгляд Пеллы метнулся к Фелисин, и в нём сверкнуло напряжение. – «Кампании Империи» Дукера, том первый. Ты ведь малазанка, Фелисин. Помнишь, что там говорится дальше?

Она покачала головой, гадая, что вызвало скрытое напряжение в этом молодом человеке. *«Я научилась читать людей по лицам, а Бенет ничего не замечает».*

– Я не знакома с трудами Дукера, Пелла.

– Стоит познакомиться, – с улыбкой заметил стражник.

Фелисин почувствовала нетерпение Бенета и шагнула к воротам мимо Пеллы.

– Боюсь, во всём Черепке и одного свитка не найдётся, – сказала она.

– Ну, может, найдёшь человека, который выудит продолжение из памяти, хм?

Фелисин снова посмотрела на него и нахмурилась.

– Мальчик с тобой флиртует? – поинтересовался Бенет. – Будь мягкой, девочка.

– Я подумаю, – тихо ответила Пелле Фелисин, а затем снова двинулась к Загибским воротам.

Догнав Бенета на дороге, она улыбнулась.

– Не люблю таких нервных типов.

Он расхохотался.

– Это меня успокаивает.

«О, благословенная Королева грёз, пусть это окажется правдой».

Окружённые отвалами битого камня штольни зияли по обе стороны насыпной дороги до того места, где она сливалась с двумя другими на перекрёстке Трёх доль, широкой вилки, рядом с которой возвышались две приземистые досийские караулки. К северу от Загибной дороги, по правую руку от идущих к перекрёстку, лежала Глубокая дорога; на юге, слева от Фелисин, тянулась Штольная дорога, которая вела к выработанной шахте, куда каждый вечер вывозили мертвецов.

Повозки с телами нигде не было видно, значит, задержалась в городке: видимо, трупов сегодня набралось больше, чем обычно.

Они повернули на перекрёстке и оказались на Рабочей дороге. За северной караулкой раскинулось Утопное озеро – гладь бирюзовой воды тянулась до самой северной стены рудника. Говорили, что вода проклята и нырнувший туда сгинет. Некоторые верили, что на дне живёт демон. Геборик предположил, что недостаток плавучести – свойство самой богатой известняком воды. В любом случае, мало кто из рабов был настолько глуп, чтобы пытаться сбежать через озеро, поскольку стена рудника на севере была ничуть не уже, чем в других местах, а сама она постоянно поблёскивала каплями скапливавшихся на корке известняковых отложений, которые покрыли кладку, словно влажная, полированная кость.

Тем не менее, когда наступил сухой сезон, Геборик попросил Фелисин обращать внимание на уровень воды в Утопном озере, и шагая по Рабочей дороге, она присматривалась к дальнему берегу, несмотря на сумерки. Линия отложений поднималась над водой на сажень. Эта новость его обрадует, хотя Фелисин и не понимала почему. Даже думать о побеге было

абсурдно. Вокруг рудника простиралась безжизненная пустыня, в которой питьевой воды не было на несколько дней пути в любом направлении. Рабы, которые смогли выбраться за стену, а затем ускользнуть от патрулей на Жучьей дороге, окружавшей копи, оставили свои кости в красных песках пустыни. Забраться так далеко удавалось немногим, и на широкой стене башни в Ржавом уклоне стальные шипы напоказ выставляли свидетельства их неудачи. Недели не проходило, чтобы башня не украсилась телом новой жертвы. Чаще всего беглецы умирали на первый день, но некоторые мучились дольше.

Вымощенная истёртыми камнями Рабочая дорога тянулась между таверной Булы справа и чередой борделей слева, а затем выходила на Крысиную площадь. Посреди круглой площади стояла выложенная из отёсанного известняка, шестиугольная башня Саварка. Из всех рабов внутри трёхэтажного строения бывал только Бенет.

Двенадцать тысяч рабов жили в Черепке, огромном руднике в тридцати лигах к северу от единственного на острове города и порта Досин-Пали. Кроме них и трёх сотен стражников тут поселились и местные: проститутки в борделях, служанки в таверне Булы и в игорных домах, работники, связавшие судьбу с малазанскими войсками, торговцы, наполнявшие Крысиную площадь в День отдыха, а также разношёрстное воинство изгнанников, бездомных и обездоленных, которые выбрали для жизни рудник, а не гнилостные переулки Досин-Пали.

– Рагу будет холодное, – проворчал Бенет, когда они подошли к таверне Булы.

Фелисин вытерла пот со лба.

– Хотя что-то холодное.

– Это ты ещё не привыкла к жаре. Через месяц-другой будешь дрожать по ночам, как и все остальные.

– По вечерам ещё чувствуется дневной зной. Мне холодно в полночь и предутренние часы, Бенет.

– Перебейся ко мне, девочка. Я тебя согрею.

Бенет был готов погрузиться в один из своих неожиданных приступов дурного настроения. Фелисин ничего не сказала, понадеявшись, что он на время оставит эту тему.

– Думай хорошенько, от чего отказываешься, – прорычал Бенет.

– Була меня возьмёт к себе в постель, – сказала она. – Можешь посмотреть, а то даже присоединиться. Она нам наверняка разогреет еду. Даже вторую порцию даст.

– Она тебе в матери годится, – буркнул Бенет.

«А ты – в отцы». Но она уже услышала, как изменилось его дыхание.

– Она круглая, и мягкая, и тёплая, Бенет. Подумай.

Фелисин знала, что он подумает, и разговор о переезде не возобновится. *По крайней мере, сегодня. Геборик ошибается. Бессмысленно думать про завтра. Только про следующий час, и следующий, и ещё. Выживай, Фелисин, и живи хорошо, если получится. Однажды ты окажешься лицом к лицу со своей сестрой, и тогда даже океана крови из её жил не хватит, придётся удовлетвориться просто всем их содержимым. Выживай, девочка, вот и всё. Борись за каждый час...*

Фелисин взяла Бенета за руку, когда они подошли к таверне, и почувствовала, что его ладонь взмокла от пота, рождённого в воображении картиной, которую она ему посулила.

Однажды. Лицом к лицу, сестра.

...Геборик ещё не спал, сидел у очага, завернувшись в одеяло. Он поднял глаза на Фелисин, когда та забралась в комнату и закрыла за собой люк в полу. Она вытащила из сундука овчину и набросила на плечи.

– Неужели ты начала получать удовольствие от жизни, которую выбрала, девочка? В такие ночи я начинаю сомневаться.

– Я-то думала, тебе уже надоело осуждать меня, Геборик, – сказала Фелисин, снимая с крючка бурдюк с вином, и начала рыться в груде полых тыковок, пытаясь найти чистую. – Я так понимаю, Бодэн ещё не вернулся. Кажется, даже такая простая задача, как помыть посуду, ему не по силам. – Фелисин нашла чашку, которая сошла бы за чистую при не очень внимательном осмотре, и выдавила в неё вино.

– Для разнообразия могла бы попробовать просохнуть, – заметил Геборик. – Это ведь уже не первая ночь подряд, я полагаю.

– Не учи меня жить, старик.

Покрытый татуировками жрец вздохнул.

– Худ побери твою сестрицу, – пробормотал он. – Не захотела просто убить тебя. Превратила собственную четырнадцатилетнюю сестру в шлюху. Если Фэнер услышал мои молитвы, судьба Тавор превзойдёт её преступления.

Фелисин выпила половину чашки и посмотрела на Геборика затуманенными глазами.

– Я в прошлом месяце вошла в шестнадцатый год, – сказала она.

Его глаза вдруг показались ужасно старыми, затем Геборик отвёл взгляд и снова стал смотреть в огонь.

Фелисин снова наполнила чашу, а потом тоже подошла к очагу. Навоз в жаровне горел ровным бездымным пламенем. Возвышение, в котором был устроен очаг, было отполировано и наполнено водой. Огонь согревал воду для мытья и умывания, а само возвышение излучало довольно тепла, чтобы прогнать из комнаты ночной холод. Половицы укрывали обрывки досийского ковра и камышовые циновки. Всё строение было приподнято на сваях на пять футов над песком.

Усевшись на низенький деревянный табурет, Фелисин прижала промёрзшие ступни к тёплому камню.

– Я тебя видела сегодня у тележек, – слегка невнятно проговорила она. – Рядом шёл Ганнип с хлыстом.

Геборик заворчал.

– Это их весь день веселило. Ганнип говорил своим стражникам, что отгоняет мух.

– Он рассёк кожу?

– Да, но следы Фэнера хорошо меня лечат, ты же знаешь.

– Раны – да, но не боль... Я же вижу, Геборик.

Он покосился на Фелисин.

– Странно, что ты хоть что-нибудь видишь, девочка. Чем это от тебя пахнет? Дурхангом? Поосторожней с ним. Этот дым тебя уведёт в штольню потемнее и поглубже, чем даже в Глубокой шахте.

Фелисин протянула ему чёрный комочек размером с гальку.

– Я избавилась от своей боли, теперь твоя очередь.

Он покачал головой.

– Спасибо за предложение, но не сейчас. Ты держишь в руках месячный заработок досийского стражника. Я бы посоветовал использовать это для торговли.

Фелисин пожала плечами и положила дурханг обратно в кошель на поясе.

– Всё, чего я хочу, Бенет даёт мне просто так. Нужно только попросить.

– И ты думаешь, что он это тебе даёт бесплатно?

Она выпила.

– Всё равно что бесплатно. Тебя переводят, Геборик. На Земельку. С завтрашнего дня. Больше никакого Ганнипа с хлыстом.

Он закрыл глаза.

– Почему, когда я тебя благодарю, во рту остаётся такой горький привкус?

– Мой затуманенный вином мозг говорит: «Лицемерие».

Она увидела, как кровь отлила от лица Геборика. *Ох, Фелисин, слишком много дурханга, слишком много вина! Неужели я делаю добро Геборику только для того, чтобы посыпать ему соль на раны? Я не хочу быть такой жестокой.* Она вытащила из-за пазухи еду, которую сберегла для него, наклонилась и положила свёрток на колени историку.

– Утопное озеро опустилось ещё на сажень.

Геборик промолчал, не сводя глаз со своих культи.

Фелисин нахмурилась. Нужно было сказать ему что-то ещё, но память подводила. Она допила вино и выпрямилась, провела обеими руками по волосам. Кожа на голове словно онемела. Фелисин замерла, заметив, что Геборик исподтишка смотрит на её груди – круглые и полные под натянувшейся туникой. В этой позе она простояла чуть дольше, чем было необходимо, а затем медленно опустила руки.

– У Булы есть фантазии о тебе, – медленно проговорила Фелисин. – Её интригуют... возможности. Тебе это пойдёт на пользу, Геборик.

Он рывком сорвался с табурета, так что нетронутый свёрток с едой покатился по полу.

– Худов дух, девочка!

Она смеялась, глядя, как историк откинул в сторону занавеску, которая отделяла его койку от остальной комнаты, а потом неуклюже задёрнул её за собой. В следующий миг Фелисин замолчала и услышала, как старик забирается в постель.

Я хотела, чтобы ты улыбнулся, Геборик, – хотела объяснить она. – И не хотела, чтобы мой смех прозвучал так... жестоко. Я не то, что ты думаешь.

Ведь верно?

Фелисин подняла свёрток с едой и положила его на полку над очагом.

Час спустя, когда Фелисин без сна лежала на своей койке, а Геборик – на своей, вернулся Бодэн. Он подбросил навоза в очаг, двигался тихо. Не пьян. Фелисин задумалась, где же он был. Куда ходил каждую ночь? Самого Бодэна спрашивать бессмысленно. Он мало говорил с другими, а с ней – меньше прочих.

В следующий миг Фелисин пришлось изменить своё мнение: она услышала, как Бодэн тихонько постучал пальцем по перегородке Геборика. Историк тут же откликнулся, говорил тихо, так что слов было не разобрать, а Бодэн что-то прошептал в ответ. Разговор продолжался ещё минуту, а потом Бодэн тихонько хохотнул по-своему и пошёл ложиться.

Эти двое что-то задумали, но Фелисин потрясло другое. Они ничего ей не сказали! Понимание вызвало вспышку ярости. *Я им помогла остаться в живых! Я им помогала – с самого корабля! Була права – все мужчины ублюдки, годны только на то, чтобы их использовать. Ну ладно же, сами увидите, как остальным живётся в Черепке, от меня больше помощи не дожждётесь. Я тебя ещё отправлю обратно на тележки, старик, клянусь!* Фелисин обнаружила, что едва сдерживает слёзы, и поняла, что ничего подобного не сделает. Ей и вправду был нужен Бенет, и она будет платить, чтобы удержать его. Но нужны были и Геборик с Бодэном, какая-то часть её души цеплялась за них, как ребёнок за родителей, отрицала жестокость, которая заполнила весь остальной мир. Потерять это – потерять их – значило бы потерять... всё.

Ясное дело, они подумали, что Фелисин продаст их тайну так же легко, как продаёт своё тело, но это не так. *Клянусь, это неправда.*

Фелисин уставилась невидящим взглядом в темноту, по щекам катились слёзы. *Я одна. Остался только Бенет. Бенет, его вино, его дурханг и его тело.* Между ног до сих пор саднило с того момента, когда Бенет всё-таки присоединился к ним с Булой на огромной постели в таверне.

Она сказала себе: это только вопрос силы воли – превратить боль в удовольствие.

Терпи и выживай. Каждый день. Каждый час.

Рынок на набережной начал заполняться утренними толпами, поддерживая иллюзию того, что этот день ничем не отличается от любого другого. Страх обдавал Дукера холодом, который не могло развеять даже восходящее солнце. Он сидел, скрестив ноги, на моле, глядя на бухту и дальше – в Сахульское море, и страстно желал, чтобы адмирал Нок и его флот вернулись.

Но этот приказ даже Колтейн не мог оспорить. У виканца не было власти над малазанскими военными флотилиями, и по воле Пормкваля сегодня Сахульский флот покинул гавань Хиссара и вышел в месячное плавание до Арэна.

Несмотря на все попытки делать вид, будто ничего особенного не произошло, уход боевых кораблей хиссарцы не оставили незамеченным: утренний рынок звенел смехом и возбуждёнными голосами. Покорённые одержали первую победу – бескровную в отличие от будущих. Так, по крайней мере, говорили.

Единственным утешением Дукеру служило то, что жрец-джистал Маллик Рэл покинул город вместе с флотом. Впрочем, довольно легко было вообразить, какой отчёт он представит Пормквалю.

Внимание историка привлёк малазанский парус в проливе – небольшое грузовое судно подходило с северо-востока. *Из Досин-Пали на острове, наверное, или откуда-то дальше по побережью.* Этот неожиданный гость в Хиссаре заставил Дукера задуматься.

Историк почувствовал, что кто-то появился рядом с ним, и, обернувшись, увидел Кальпа, который взобрался на невысокий волнолом и теперь болтал ногами над мутной водой в десяти шагах внизу.

– Дело сделано, – проговорил маг так, словно признавался в предумышленном убийстве. – Я передал весточку. Если твой друг ещё жив, он получит указания.

– Спасибо, Кальп.

Маг беспокожно поёжился. Потёр лицо и покосился на судно, входившее в гавань. Патрульная барка подплыла к кораблю, как только моряки убрали единственный парус. Две фигуры в блестящих доспехах стояли на палубе, глядя на приближавшуюся барку.

Один из людей в доспехах перегнулся через планширь и обратился к офицеру охраны гавани. В следующий миг гребцы начали разворачивать барку – и очень поспешно.

Дукер крикнул.

– Видел?

– Ага, – проворчал Кальп.

Судно двинулось к имперскому причалу – низкие борта оцетинились вёслами чуть выше ватерлинии. Вскоре вёсла снова втянулись, а рабочие на пристани приняли швартовы. Появился широкий трап, а на палубе историк разглядел лошадей.

– Красные Клинки, – сказал Дукер, увидев, что рядом с животными появились новые вооружённые люди.

– Из Досин-Пали, – добавил Кальп. – Я первых двоих узнал: это Барья Сэтрал и его брат Мескер. У них ещё один брат есть – Орто. Он командует Арэнской ротой.

– Красные Клинки, – задумчиво протянул историк. – Они не питают иллюзий по поводу положения дел. Говорят, они пытаются взять под контроль другие города, и вот теперь мы видим, как их стало вдвое больше в Хиссаре.

– Интересно, Колтейн знает?

На рынке росло напряжение; головы поворачивались, бесщётные глаза следили за тем, как Барья и Мескер выводят своих воинов на причал. Красные Клинки были снаряжены и приготовлены к войне. Они оцетинились оружием, натянули кольчужные штаны и опустили забрала с узкими прорезями. Луки натянуты, стрелы – в открытых колчанах. Конские ножи обнажены и угрожающе топорщатся на передних ногах скакунов.

Кальп нервно сглотнул.

– Не нравится мне это, – пробормотал он.

– Выглядит так, будто они...

– Собрались напасть на рынок, – закончил Кальп. – Это не просто показуха, Дукер. Ох, Фэнерово копыто!

Историк посмотрел на Кальпа, во рту у него пересохло.

– Ты открыл свой Путь.

Маг не ответил и скользнул прочь с мола, не сводя глаз с Красных Клинков, которые уже сели в сёдла и строились на дальнем конце причала – напротив пяти сотен горожан, которые вдруг затихли и начали отступать в переулки, по узким проходам между повозками и навесами торговцев. Давка в толпе вскоре вызовет панику, и именно этого хотели добиться Красные Клинки.

Отпустив копы, которые повисли на ляшках из сыромятной кожи, Красные Клинки положили стрелы на тетивы, кони под воинами мелко дрожали, но не двигались с места.

Толпа вдруг вскипела, будто в некоторых местах под ней зашевелилась земля. Дукер увидел фигуры, которые двигались не прочь от пристани, а наоборот – к шеренге воинов.

Кальп сделал полдюжины шагов к Красным Клинкам.

Протолкавшись через толпу, фигуры сбросили капюшоны и телабы, открыв солнцу кожаные доспехи с нашитыми железными пластинами. В затянутых в перчатки руках блеснули длинные ножи. Тёмные глаза на загорелых, покрытых татуировками лицах виканцев холодно и твёрдо смотрели на Барью и Мескера Сэтралов и их воинов.

Десять виканцев остановились напротив примерно сорока Красных Клинков, и люди за их спинами застыли – безмолвные и неподвижные, словно статуи.

– Посторонитесь! – заревел Барья, лицо которого потемнело от ярости. – Или умрите!

Виканцы бесстрашно и издевательски захохотали.

Дукер сорвался с места и поспешил за Кальпом, который уже приблизился к Красным Клинкам.

Увидев мага, Мескер прорычал проклятье. Его брат нахмурился.

– Не будь дураком, Барья! – прошипел чародей.

Командир Клинков угрожающе сощурился.

– Используешь против меня колдовство – зарублю! – заявил он.

Теперь Дукер уже заметил отатараловые звенья, вплетённые в кольчугу Барьи.

– Мы перережем эту кучку варваров, – прорычал Мескер, – а потом отметим своё пришествие в Хиссар как должно... кровью предателей!

– И пять тысяч виканцев отомстят за убитых родичей, – сказал Кальп. – И отнюдь не стремительными ударами мечей. Нет, вас живьём насадят на железные зубцы набережной. На потеху чайкам. Колтейн не твой враг, Барья. Вложи меч в ножны и представься новому Кулаку. Поступишь иначе – пожертвуешь жизнью, своей и своих солдат.

– Не делай вид, будто меня не видишь! – рявкнул Мескер. – Барья мне не указ, колдун.

Кальп ухмыльнулся.

– Цыц, щенок. Куда Барья идёт, туда Мескер следует. Или ты скрестишь клинки со своим братом?

– Хватит, Мескер, – пророкотал Барья.

Тальвар его брата вылетел из ножен.

– Ты смеешь мне приказывать?!

Виканцы подбадривающе заорали. Несколько смельчаков в толпе за ними рассмеялись.

Лицо Мескера побелело от гнева. Барья вздохнул.

– Брат, не сейчас.

Верховой отряд хиссарской стражи замаячил над головами горожан. Конники начали расчищать себе дорогу между прилавками и лотками. Слева зазвучал улюлюкающий хор

голосов: обернувшись, Дукер и остальные увидели шесть десятков виканских лучников, которые уже натянули луки, направив наконечники в Красных Клинков.

Барья медленно поднял левую руку и подал резкий знак. Его воины опустили оружие. Рыча от разочарования, Мескер с силой вогнал тальвар в деревянные ножны.

– Прибыл почётный эскорт, – сухо заметил Кальп. – Похоже, Кулак вас ждал.

Дукер стоял рядом с магом и смотрел, как Барья ведёт своих Красных Клинков навстречу хиссарским солдатам. Историк поёжился.

– Худов дух, Кальп! Это был рискованный бросок костей!

Чародей хмыкнул.

– На Мескера Сэтрала всегда можно рассчитывать, – сказал он. – Безмозглый, как кошка, и отвлечь его так же просто. Я даже понадеялся на минуту, что Барья примет его вызов – чем бы дело ни закончилось, стало бы на одного Сэтрала меньше. Жаль, что упустили такую возможность.

– Замаскированные виканцы, – начал Дукер, – не имели никакого отношения к встрече Клинков. Колтейн послал шпионов на рынок.

– Хитрый пёс этот Колтейн.

Дукер покачал головой.

– Они себя выдали.

– Ага, и показали всем, что готовы жизнь положить на защиту горожан Хиссара.

– Если бы Колтейн был здесь, Кальп, я сомневаюсь, что он приказал бы этим воинам выйти вперёд. Виканцы очень хотели ввязаться в бой. Защита толпы на рынке тут ни при чём.

Маг потёр лицо.

– Будем надеяться, что хиссарцы считают иначе.

– Идём, – сказал Дукер, – давай выпьем вина, я знаю одно местечко на площади Империи, а по пути Расскажи мне, отчего Седьмая вдруг стала радушной относиться к своему новому Кулаку.

Кальп лающе хохотнул, когда они двинулись прочь от пристани.

– Зауважала, может быть, но уж о радушии речи не идёт. Он всю строевую подготовку переиначил. Мы всего один раз строем ходили с его приезда – и было это в тот день, когда Колтейн принял командование!

Дукер нахмурился.

– Мне говорили, что он гоняет солдат до седьмого пота, так что даже следить за дисциплиной не надо – к восьмому колоколу все так хотят спать, что в казармах тихо, словно на кладбище. Если не «колёса», «черепахи» и «стены щитов», то что же?

– Разрушенный монастырь на холме к югу от города – знаешь его? Кроме главного храма, одни фундаменты остались, но стены где-то по грудь по всей вершине, будто городок небольшой. Сапёры их надстроили, кое-где поставили крыши. Это и раньше был лабиринт узких переходов и тупиков, но сапёры по приказу Колтейна превратили его в настоящий ад. Бьюсь об заклад, там до сих пор бродят заблудившиеся солдаты. Виканец нас гоняет туда каждый день: боевые учения, удержание улиц, штурмы зданий, выход из окружения, вылазки за ранеными. Воины Колтейна играют роль взбунтовавшихся толп и мародёров, и скажу тебе, историк, у них это в крови. – Чародей остановился и вздохнул. – Каждый день... мы жаримся под солнцем, на этом выжженном холме, разделённые повзводно, и каждому взводу даются невыполнимые задачи. – Он поморщился. – Под этим новым Кулаком каждый солдат в Седьмой уже не меньше дюжины раз погиб в учебных сражениях. Капрала Листа убивают просто в каждом упражнении, бедный мальчик уже головой прохудился, а вокруг эти дикари воют и улюлюкают.

Дукер молчал, пока они не приблизились к площади Империи. Когда спутники вошли в Малазанский квартал, историк наконец заговорил:

– Выходит что-то вроде соперничества между Седьмой и виканским полком.
– О да, это неплохая тактика, но, как по мне, дело зашло слишком далеко. Увидим через несколько дней, когда начнём получать поддержку от виканских конников. Начнутся подставы, помяни моё слово.

Они вышли на площадь.

– А ты? – спросил Дукер. – Какое задание Колтейн дал последнему кадровому магу?

– Да глупость! Создаю иллюзии весь день напролёт, пока череп не начинает раскалываться.

– Иллюзии? В учебных боях?

– Ага, это и делает задачи такими невыполнимыми. Поверь, Дукер, меня уже не раз и не два проклинали. И не три даже.

– Да кого же ты призываешь? Драконов?

– Если бы! Я создаю малазанских беженцев, историк. Сотнями. Тысячи утяжелённых пугал, которых солдаты должны тащить из боя, Колтейну показалось мало. Сотворённые малазанцы бегут не в ту сторону, отказываются выходить из домов, волокут с собой мебель и другие пожитки. Это всё приказы Колтейна – мои беженцы порождают хаос, и в итоге – стоили больше жизней, чем любой другой элемент учений. Я сейчас не самый популярный человек в Седьмой, Дукер.

– А что Сормо И'нат? – спросил историк, у которого вдруг пересохло во рту.

– Колдун? Его нигде не видно.

Дукер задумчиво кивнул. Именно такого ответа он и ожидал. *Ты занят, Сормо, читаешь камни в песке. Верно? А Колтейн вовсю трудится, чтобы выковать из Седьмой охранителей малазанских беженцев.*

– Чародей, – наконец сказал Дукер.

– Да?

– Умереть десяток раз на учениях – ничто. Когда дело доходит до настоящего боя, умираешь лишь единожды. Подгоняй Седьмую, Кальп. Как только можешь. Покажи Колтейну, на что способна Седьмая, – обсуди это со взводными командирами. Сегодня вечером. А завтра – ступайте на учения и выполните свои задания. Я поговорю с Колтейном, чтобы он дал армии день отдыха. Проявите своё рвение, и он согласится.

– Почему это ты так уверен?

Потому что время на исходе, а вы ему нужны. Вы нужны ему в лучшей форме.

– Выполняйте задания. Побеждайте. А Кулака предоставьте мне.

– Ну, ладно. Посмотрим, что я смогу сделать.

Капрал Лист погиб в первые же минуты учебного боя. Балът, который командовал воюющей оравой виканцев, бесчинствовавших на главной улице условного городка, лично стукнул злополучного малазанца по голове так, что мальчик без чувств растянулся в пыли. Старый воин поднял Листа с земли, перебросил через плечо и вынес из боя.

Ухмыляясь, Балът трусцой пробежал по грязной тропинке на всхолмье, откуда новый Кулак и его офицеры наблюдали за сражением, и бросил капрала в пыль у ног Колтейна. Дукер вздохнул.

Колтейн огляделся по сторонам.

– Лекарь! Займись мальчиком!

Рядом появился один из костоправов Седьмой и опустился на корточки над капралом. Взгляд раскосых глаз Колтейна нашёл Дукера.

– Я не вижу изменений в том, как сегодня идёт учение, историк.

– Ещё не вечер, Кулак.

Виканец хмыкнул и снова сосредоточил внимание на развалинах, над которыми уже вздымалась туча пыли. Из хаоса выходили солдаты, бойцы Седьмой и виканцы, с несерьёзными ранами и сломанными конечностями.

Поднимая свою дубинку, Балът нахмурился.

– Ты говорил поспешно, Колтейн, – заявил он. – Сегодня всё иначе.

Дукер заметил, что среди «погибших» больше виканцев, чем солдат Седьмой, и с каждой минутой разница становилась всё более разительной. Где-то в клубах пыли ход битвы решительно переменялся.

Колтейн велел привести коня. Взлетел в седло и бросил жёсткий взгляд на Балъта.

– Останься тут, дядя. Где мои копейщики?

Он нетерпеливо подождал, пока сорок всадников поднимутся на холм. Копья воинов были смягчены обмотками из полосок кожи. Но даже так любой удар, кроме скользящего, скорее всего сломает кость, это Дукер знал наверняка.

Колтейн повёл отряд рысью к развалинам. Балът сплюнул в пыль.

– Ну, самое время, – проворчал он.

– Для чего? – переспросил Дукер.

– Седьмая наконец заслужила поддержку копейщиков. На неделю позже срока, историк. Колтейн ждал, что они окрепнут, а дождался только уныния. Кто же им подарил новый хребет? Ты? Поберегись, а не то Колтейн тебя сделает капитаном.

– Я был бы не против присвоить заслугу, – ответил Дукер, – но это работа Кальпа и взводных сержантов.

– Стало быть, Кальп им подыгрывает? Неудивительно, что битва пошла иначе.

Историк покачал головой.

– Кальп исполняет приказы Колтейна, Балът. Если ищешь причину поражения своих виканцев, ищи её в другом месте. Можешь начать с мысли о том, будто это Седьмая показывает, на что она на самом деле способна.

– Может, и начну, – протянул старый солдат, и его маленькие тёмные глаза блеснули.

– Кулак зовёт тебя дядей.

– Ага.

– И? Ты ему дядя?

– Я ему кто?

Дукер сдался. Он уже начал понимать виканские представления о юморе. Ясное дело, придётся обменяться ещё дюжиной быстрых реплик, прежде чем Балът наконец удостоит его ответом. *Можно подыграть. Или просто заставить ублюдка ждать... ждать вечно, например.*

Из клубов пыли появилось два десятка беженцев, которые странно колыхались на ходу. Каждый тащил невероятные пожитки – массивные тумбочки, сундуки, забитые едой шкафы, подсвечники и древние доспехи. С флангов толпу прикрывал строй солдат Седьмой: они хохотали, кричали и били мечами о щиты, празднуя успешное отступление.

Балът лающе хохотнул.

– Передай мои поздравления Кальпу, когда увидишь его, историк.

– Седьмая заслужила день отдыха, – сказал Дукер.

Виканец приподнял безволосые брови.

– За одну-то победу?

– Им нужно её прочувствовать, командир. К тому же целителям понадобится время, чтобы срастить кости – плохо будет, если в нужный момент они все окажутся с истощёнными Путями.

– А нужный момент скоро придёт, так?

– Уверен, – медленно проговорил Дукер, – что Сормо И'нат со мной согласится.

Бальт опять сплюнул.

– А вот и мой племянник.

Из пыли возникли копейщики во главе с Колтейном. Они прикрывали отход солдат, многие из которых несли или тащили чучела беженцев. По общему числу было件нятно, что Седьмая одержала неоспоримую победу.

– Что это у Колтейна с лицом? – спросил Дукер. – Мне на миг показалось, будто я вижу улыбку...

– Почудилось наверняка, – пробурчал Бальт, но Дукер уже достаточно хорошо изучил виканцев и уловил шутливую нотку в голосе старого воина. Затем Бальт добавил: – Передай Седьмой весть, историк. Они заслужили свой день.

Скрипач сидел в темноте. Заросший сад окружал колодец и полукруглую скамейку рядом с колодцем. Прямо над головой сапёра открывался небольшой кусочек звёздного неба. Луны не было. Вдруг он склонил голову набок.

– Двигаешься ты тихо, парень, тут уж ничего не скажешь.

Крокус немного помялся за спиной у Скрипача, затем сел рядом на скамейку.

– Ты небось не ожидал, что он вот так возьмёт и напoeнит про своё звание, – заявил юноша.

– Значит, вот что произошло?

– Вот на что это было больше всего похоже.

Скрипач ничего не ответил. Изредка над полянкой проносились ризаны и хватали накидочников, которые парили над колодцем. В прохладный ночной воздух просачивалась из-за задней стены вонь гниющих отбросов.

– Она расстроилась, – сказал Крокус.

Сапёр покачал головой. «Расстроилась».

– Мы просто поспорили. Не пленных пытали.

– Апсалар ничего такого не помнит.

– Зато я помню, парень, такое легко не забудешь.

– Она же просто девушка – рыбка.

– Чаще всего, да, – согласился Скрипач. – Но иногда... – Он только покачал головой.

Крокус вздохнул, затем сменил тему.

– Значит, это было не по плану? Ну, то, что Калам пойдёт отдельно?

– Старая кровь зовёт, парень. Калам родился и вырос в Семи Городах. К тому же он хочет увидеть эту Ша'ик, пустынную ведьму, Руку Дриджны.

– А теперь ты на его сторону встал, – с тихим раздражением проворчал Крокус. – Полколокола назад ты его чуть в лицо не назвал предателем.

Скрипач поморщился.

– Сложные времена – для всех нас. Ласин объявила нас вне закона, но разве мы от этого перестали быть солдатами Империи? Малаз – не Императрица, а Императрица – это не Малаз...

– Спорное разделение, я бы сказал.

Сапёр покосился на юношу.

– Вот как? Спроси девочку, может, она тебе объяснит.

– Но вы ведь ждёте восстания. Больше того, вы на него рассчитываете...

– Но это ж не значит, что именно мы должны вызвать Вихрь, правда? Калам хочет быть в сердце событий. Повадка у него такая. На этот раз шанс буквально упал ему под ноги. В Книге Дриджны скрыто сердце богини Вихря – чтобы начался Апокалипсис, Книга должна быть открыта, причём не кем иным, как Провидицей. Калам знает, что это может стоить ему жизни, но доставит Худом проклятую книгу Ша'ик, и так добавит ещё одну трещину в

основании рассыпающейся власти Ласиин. Отдай ему должное хотя бы за то, что он твёрдо решил остальных в это не впутывать.

– Ну, вот, опять ты его защищаешь. План был – убить Ласиин, а не ввязываться в мятеж. Я по-прежнему не понимаю, зачем мы вообще приплыли на этот континент...

Скрипач выпрямил спину и посмотрел на звёзды над головой. Звёзды пустыни, острые бриллианты, всегда готовые пролить кровь.

– Разные дороги ведут в Унту, парень. Мы здесь, чтобы найти дорогу, которой прежде, наверное, никто не ходил. Она, может, и вовсе не работает, но мы всё равно будем её искать – с Каламом или без. Худ его знает, возможно, Калам выбрал более мудрый путь – по суше в Арэн, а оттуда на обычном корабле в Квон-Тали. Может, окажется, что самое мудрое наше решение – это разделиться, ведь так увеличиваются шансы на то, что хоть один дойдёт до цели.

– Коне-ечно! – взорвался Крокус. – А если Калам попадётся? Ты сам отправишься убивать Ласиин? Прославленный копатель окопов, даром что из самого песочек не сыплется. Ты особой уверенности не внушаешь, Скрипач. Мы же всё равно должны доставить Апсалар домой.

Голос Скрипача звучал холодно.

– Не подначивай меня, парень. То, что ты пару лет кошельки таскал на улицах Даруджистана, ещё не даёт тебе права оценивать меня.

На дереве напротив затрещали ветки, а затем появился Моби – повис на одной ручке с ризаном в зубах. Глазки фамилиара блеснули, когда хрустнули кости ящерицы. Скрипач крикнул.

– В Квон-Тали, – медленно проговорил он, – мы найдём больше помощников, чем ты думаешь. Незаменимых нет, и никого нельзя сбрасывать со счетов за бесполезностью. Можешь возмущаться, парень, но тебе ещё предстоит немного подрасти.

– По-твоему, я дурак? Ошибаешься! Думаешь, я не понимаю, что ты вообразил, будто у тебя есть *ещё одна* бритая костяшка в дырке, и я не о Быстром Бене говорю. Калам – убийца, который настолько хорош, что имеет шанс добраться до Ласиин. Но если не он, так есть ведь другой – убийца, обладающий умениями бога, да не просто какого-нибудь старого божества, а самого *Покровителя* убийц, которого вы зовёте Узлом. Поэтому вы к ней и прицепились – везёте её домой, поскольку она уже не та, какой была раньше, но на самом деле вы *хотите, чтобы прежняя вернулась!*

Скрипач долго молчал, глядя, как Моби поедает ризана. Когда фамилиар наконец проглотил остатки летучей ящерицы, сапёр откашлялся.

– Я так наперёд не думаю, – проговорил он. – Я действую инстинктивно.

– Скажешь, что тебе не приходило в голову использовать Апсалар?

– Нет, мне не приходило...

– А вот Каламу...

Скрипач вскинулся, но потом пожал плечами.

– Если он об этом не подумал, то уж Быстрый Бен наверняка.

Крокус торжествующе зашипел.

– Я так и знал! Я не дурак...

– Ох, Худов дух, парень, это уж точно.

– Я не позволю этому случиться, Скрипач.

– Этот бхок'арал твоего дяди, – проговорил сапёр, кивая на Моби, – настоящий фамилиар, прислужник чародея? Однако, если Маммот умер, почему он до сих пор здесь? Я не маг, но всегда думал, что такие фамилиары магически... сплавлены со своими хозяевами.

– Не знаю, – признался Крокус, и по его тону Скрипач понял, что юноша прекрасно осознаёт, какие выводы это может за собой повлечь. – Вдруг он просто питомец. Лучше

молись, чтоб так и было. Я сказал, что не позволю вам использовать Апсалар. Если Моби – настоящий фамилиар, вам придётся разбираться не только со мной одним.

– Я не стану и пытаться, Крокус, – сказал Скрипач. – Но повторю, тебе ещё предстоит подрасти. Рано или поздно до тебя дойдёт, что ты не можешь говорить за Апсалар. Она будет делать то, что сама решит, нравится тебе это или нет. Она больше не одержимая, но умения бога таятся у неё в костях. – Сапёр медленно обернулся и посмотрел на юношу. – Что, если она решит найти этим умениям применение?

– Не решит, – заявил Крокус, но в его голосе заметно поубавилось уверенности. Он жестом подозвал Моби, и тот неуклюже спланировал на руки к юноше. – Как ты его назвал – бхока...?

– Бхок'арал. Они родом из этих земель.

– Вот оно что.

– Иди поспи, парень. Завтра мы отправимся в путь.

– И Калам тоже.

– Именно. Но мы не встретимся. Для начала двинемся на юг параллельными маршрутами.

Сапёр смотрел, как Крокус идёт в дом, а Моби прижимается к юноше, словно ребёнок. *Худов дух, чую, это путешествие мне не понравится.*

В сотне шагов от Караванных ворот находилась площадь, где сухопутные торговцы собирались, прежде чем покинуть Эрлитан. Большинство отправится на юг по насыпной прибрежной дороге, которая огибала бухту. Рядом с ней было полно поселений и застав, да и саму мощённую булыжником дорогу малазанцы проложили и затем хорошо охраняли, точнее, должны были, если б городской Кулак не отозвал все гарнизоны.

Из разговоров с разными торговцами и караванщиками Скрипач понял, что разбойники ещё не успели толком воспользоваться исчезновением солдат, но наёмных стражников вокруг было столько, что становилось ясно – торговцы рисковать не намерены.

Притворяться торговцами по дороге на юг было бы бессмысленно: у спутников не было ни денег, ни снаряжения, чтобы поддержать такой маскарад. С учётом того, как опасно стало путешествовать между городами, они решили переодеться пилигримами. Для верующих Тропа Семи – паломничество в каждый из Святых Городов – была почётным и достойным знаком благочестия. Паломничества в этой стране совершались всегда – несмотря на разбойников, завоевателей или войны.

Скрипач решил оставить свой костюм грала и играть роль проводника и телохранителя для Крокуса и Апсалар – правоверных молодожёнов, отправившихся в странствие, которое принесёт их браку благословение Семи Небес. Все поедут верхом: Скрипач – на гральской лошади, норовистой, зато равнодушной к его маскараду, а Крокус и Апсалар – на двух породистых конях из лучших конюшен Эрлитана. В поводу поведут трёх сменных лошадей и четырёх мулов.

Калам ушёл на рассвете, очень коротко попрощавшись со Скрипачом и остальными. Прозвучавшие вчера вечером слова подпортили момент расставания. Сапёр понимал, как Каламу хочется ослабить Ласиин при помощи крови, пролитой во время мятежа, но потенциальная угроза для Империи – и любого, кто займёт трон после падения Ласиин, – была, по мнению сапёра, слишком большой. Они сильно повздорили, и теперь Скрипач чувствовал себя словно погнутый и щербатый клинок.

Был в этом расставании пафос, который Скрипач осознал только много позднее: казалось, что долг, который когда-то объединял их с Каламом в служении одной цели, скреплявший дружбу не хуже, чем что бы то ни было иное, вдруг расточился. И – по крайней мере, в

данный момент – в сердце Скрипача ничто не могло занять место этого долга. Он чувствовал себя потерянным и таким одиноким, каким не ощущал себя уже долгие годы.

Через Караванные ворота они собирались выехать в числе последних. Скрипач в очередной раз проверил подпруги у мулов, когда его внимание вдруг привлёк быстрый стук копыт.

На площадь галопом вылетели шестеро Красных Клинков и резко осадили коней. Скрипач посмотрел на Крокуса и Апсалар, которые стояли рядом со своими лошадьми. Поймав взгляд юноши, он покачал головой и снова взялся за подпругу последнего мула.

Солдаты кого-то искали. Отряд разделился, к каждому из оставшихся караванов направился один из всадников. Скрипач услышал, как копыта отбивают дробь по брусчатке у него за спиной, и усилием воли заставил себя сохранять спокойствие.

– Грал!

Смачно сплюнув, как сделал бы всякий кочевник при встрече с малазанским прихвостнем, Скрипач медленно обернулся.

Под кромкой шлема тёмное лицо Клинка напряглось от этого жеста.

– Однажды Красные Клинки очистят Гральские холмы, – пообещал он и обнажил в улыбке сероватые зубы.

Скрипач в ответ только хмыкнул.

– Если тебе есть что сказать по сути, Красный Клинок, говори. Наши тени уже слишком коротки для лиг, которые надо проехать сегодня.

– Это мера твоей неумелости, грал. У меня всего один вопрос. Отвечай правдиво, ибо я узнаю ложь. Мы хотим знать, выезжал ли сегодня утром через Караванные ворота человек на чалом жеребце.

– Я такого не видел, – ответил Скрипач, – но теперь желаю ему удачи. Да хранят его Семь Духов во всякий день жизни.

Красный Клинок зарычал:

– Предупреждаю: гральская кровь от меня не защитит. Ты был здесь на рассвете?

Скрипач отвернулся к мулам.

– Один вопрос, – проскрежетал он. – За остальные плати монетой, Красный Клинок.

Солдат сплюнул под ноги Скрипачу, рывком развернул коня и поскакал обратно к своим. За полотняным покровом телабы Скрипач позволил себе улыбнуться. Рядом появился Крокус.

– Что случилось? – шипящим шёпотом спросил он.

Сапёр пожал плечами.

– Красные Клинки кого-то ловят. Нас это не касается. Садись на коня, парень. Пора в дорогу.

– Калама?

Скрипач опёрся руками о спину мула и поразмыслил, щурясь от яркого света, который играл на выжженных камнях мостовой.

– Может, они разузнали, что святая книга пропала из Арэна. И кто-то везёт её Ша'ик. Никто не знает, что Калам здесь.

Крокуса эти слова не убедили.

– Он встречался с кем-то вчера, Скрипач.

– Со старым знакомым, своим должником.

– Вот и повод предать Калама. Никто не любит, когда напоминают о старых долгах.

Скрипач промолчал. Затем он похлопал мула по спине, так что поднялось облачко пыли, и направился к своему коню. Гральский мерин показал зубы, стоило потянуться к поводьям. Скрипач схватился за узду под подбородком коня. Тот попытался мотать головой, но Скрипач держал крепко, затем наклонился поближе.

– А ну, води себя прилично, уродливый ублюдок, не то пожалеешь.

Собрав поводья, он взобрался в седло с высокой задней лукой.

За Караванными воротами дорога тянулась на юг, ровная, несмотря на мягкие колебания склона из песчаника, который обрывался на западе над бухтой. По левую руку на расстоянии лиги раскинулись Арифальские холмы. Зазубренные вершины Арифалья будут видны до самой реки Эб, которая течёт в тридцати шести лигах к югу. В холмах живут полудикие племена, и самое крупное из них – гралы. Больше всего Скрипач боялся наткнуться на настоящих гралов. Вероятность, правда, была не очень большая, поскольку в эту пору года гралы угоняют коз на верхние пастбища, где легче найти тень и воду.

Спутники пустили скакунов лёгким галопом и обогнали торговый караван, чтобы не ехать в густом облаке пыли, а затем Скрипач снова повёл отряд медленной рысью. Дневная жара уже давала о себе знать. Целью они выбрали деревушку под названием Салик примерно в восьми с небольшим лигах отсюда. Там спутники смогут остановиться, поесть и переждать самые жаркие часы, прежде чем продолжить путь к реке Троб.

Если всё пойдёт хорошо, через неделю они доберутся до Г’данисбана. По прикидкам Скрипача, Калам к тому времени обгонит их на два-три дня. За Г’данисбаном раскинулся Пан’потсун-одан, малонаселённая пустошь, где было полно выжженных солнцем холмов, побелевших развалин давным-давно мёртвых городов, ядовитых змей, слепней и – Скрипач припомнил слова духовидца Кимлока – созданий куда более смертоносных. *Схождение. Тогговы пятки, это мне совсем не нравится.* Он подумал о раковине в сумке. Таскать с собой предмет силы – всегда немудро. *От неё ещё беды будет больше, чем проку. Что, если какой-нибудь одиночник её унюхает и решит пополнить свою коллекцию?* Скрипач нахмурился. *Небольшое такое пополнение – одна раковина и три блестящих черепа.*

Чем дольше сапёр думал об этом, тем беспокойней ему становилось. *Продам лучше какому-нибудь торговцу в Г’данисбане. Лишние деньги не помешают.* Эта мысль ему понравилась. Продать раковину, избавиться от неё. Никто не будет отрицать силу духовидца, но опасно на неё слишком полагаться. Таннойские жрецы отдавали жизнь во имя мира. *Или чего похуже: Кимлок пожертвовал честью. Лучше полагаться на морантскую взрывчатку в сумке, чем на загадочную раковину. Огневик прожжёт одиночника так же, как и обычного человека.*

Крокус подстегнул коня и поехал рядом с сапёром.

– О чём задумался, Скрипач?

– Ни о чём. Где твой бхок’арал?

Юноша нахмурился.

– Не знаю. Наверное, он всё-таки был просто животным. Улетел вчера вечером и не вернулся. – Юноша потёр лицо тыльной стороной ладони, и Скрипач увидел на его щеках слёзы. – Пока Моби был рядом, я вроде как чувствовал, что Маммот со мной.

– Твой дядя был хорошим человеком, прежде чем его одержал яггутский Тиран?

Крокус кивнул. Скрипач крякнул.

– Тогда он по-прежнему с тобой. А Моби небось унюхал родню. В городе многие знатные семьи держат бхок’аралов. Выходит, всё-таки просто питомец.

– Ты прав, наверное. Большую часть жизни я считал Маммота просто книжником, стариком, который только и делает, что корпит над своими свитками. Мой дядя. А потом оказалось, что он был верховным жрецом. Важным, с влиятельными друзьями вроде Барука. Но прежде, чем я это хоть как-то успел в голове уложить, он погиб. Твой взвод его уничтожил...

– Погоди-ка, парень! То, что мы убили, уже не было твоим дядей.

– Я знаю. Убив его, вы спасли Даруджистан. Я знаю, Скрипач.

– Да не в этом дело, Крокус. Ты должен понять, что дядя, который о тебе заботился и любил тебя, – важнее, чем то, что он оказался верховным жрецом. Уверен, он бы тебе то же самое сказал, если бы мог.

– Как ты не понимаешь? У него была *власть*, Скрипач, сила, но он с ней ничегошеньки не делал! Прятался только в своей комнатёнке посреди разваливающегося дома! Он мог жить в усадьбе, заседать в Совете, влиять на решения...

К такому разговору Скрипач был не готов. Он никогда особенно не умел утешать и советовать. *Да и совета толкового у меня всё равно нет.*

– Она тебя сюда пинками пригнала за то, что ты всё время ноешь, парень?

Лицо Крокуса потемнело, он пришпорил коня и поскакал впереди всех. Вздохнув, Скрипач повернулся в седле и покосился на Апсалар, которая ехала в нескольких шагах позади.

– Милые бранятся, да?

Она только по-совиному моргнула. Скрипач снова выпрямился в седле.

– Худова мошонка, – пробормотал он себе под нос.

Искарал Прыщ засунул метлу поглубже в дымоход и неистово потряс. Чёрная туча сажи опустилась на камни очага и осела на сером одеянии жреца.

– Дрова есть у вас? – поинтересовался Маппо с каменного возвышения, на котором спал, а теперь сидел.

Искарал замер.

– Дрова? А что, дровами лучше, чем метлой?

– Чтоб огонь развести, – объяснил трелль. – Выгнать холод из этой комнаты.

– Дрова! Нет, разумеется, нет. А вот навоз – о да! Навоза полным-полно. Огонь! Блестяще. Спалить их дотла! А трелли славятся хитростью? Такого не помню, ничего подобного в редких упоминаниях, мол, трелли то, трелли сё. Тяжкая работа искать письменные упоминания о народе, незнакомом с грамотой. Гм-м.

– Трелли неплохо знакомы с грамотой, – сказал Маппо. – Читают и пишут уже некоторое время. Семь-восемь столетий примерно.

– Нужно обновить библиотеку – дорогостоящее мероприятие. Поднять тени, чтобы разграбить величайшие библиотеки мира. – Жрец уселся у очага и нахмурился, его лицо покрывал слой сажи.

Маппо откашлялся.

– Кого сжечь дотла, верховный жрец?

– Пауков, разумеется. Этот храм наводнили пауки. Убивай их, где только увидишь, трелль. Топчи своими толстокожими ногами, дави загрубевшими руками. Убивай всех без пощады, понимаешь?

Кивая, Маппо закутался в меховое одеяло и лишь чуть-чуть поморщился, когда кожа коснулась сморщенных ран на шее. Лихорадка ушла, как он подозревал, благодаря его внутренним резервам не в меньшей степени, чем из-за сомнительных лекарств, которыми его потчевал безмолвный слуга Искарала. Когти и клыки д'иверсов и одиночников вызывали тяжкую хворь, что приводила к галлюцинациям, дикому безумию, а затем к смерти. Многие выжившие оставались безумны, бред возвращался к ним на одну-две ночи по девять-десять раз в году. И это безумие нередко приводило к убийствам.

Искарал Прыщ считал, что Маппо избежал этой участи, но сам трелль не стал бы в это верить, пока не пройдут без симптомов, по крайней мере, два лунных цикла. Маппо и думать не хотелось о том, на что может оказаться способен, если им овладеет убийственная ярость. Много лет назад, когда трелль сражался в боевом отряде, разорявшем Ягг-одан, Маппо силой

воли вводил себя в подобное состояние, как нередко делали воины, и смерти, которые он принёс, остались с ним навсегда.

Если яд оборотня жив в его венах, Маппо скорее покончит с собой, чем позволит безумию вырваться наружу. Искарал Прыщ потыкал метлой во все углы маленькой кельи, в которой поселили трелля, а затем потянулся к потолку, чтобы сделать то же самое.

– Убей, что кусает, убей, что жалит, – эта священная заповедь Тени, должно быть, первозданная! Убей, что бегают, убей, что ползает. Вас ведь проверили на паразитов, обоих, о да! Никаких незваных гостей. Мы уж приготовили щелочные ванны, но ничего не нашли – ни на одном из вас. Разумеется, мои подозрения по-прежнему сильны.

– Ты давно тут живёшь, верховный жрец?

– Понятия не имею. Это не важно. Важность заключается лишь в свершённых деяниях, достигнутых целях. Время – только подготовка, не более. Должно готовиться столько, сколько требуется. Следует принять, что планирование начинается с рождением. Рождённый прежде всего погружается в тень, окутывается Её святой двойственностью, вкушает Её сладостное млеко. Я живу, чтобы готовиться, трелль, и подготовка уже почти завершена.

– Где Икарий?

– Жизнь, данная за жизнь отнятую, передай ему это. В библиотеке. Монахини оставили всего несколько книг. Фолианты, посвящённые самоуслаждению. Читать лучше в постели, как мне кажется. Все прочие материалы – мои, скудное собрание, чудовищная нищета, я горю от стыда. Есть хочешь?

Маппо встряхнулся. Бормотание верховного жреца обладало гипнотическим эффектом. Каждый вопрос трелля вызвал вычурный монолог, который, казалось, напрочь лишал его воли – сил хватало только на следующий вопрос. В полном соответствии со своими утверждениями Искарал Прыщ делал течение времени бессмысленным.

– Есть? Хочу.

– Слуга готовит еду.

– Он её может принести в библиотеку?

Верховный жрец скривился.

– О, крушение этикета! Но да, если ты настаиваешь.

Трелль заставил себя подняться.

– А где библиотека?

– Поверни направо, пройди тридцать четыре шага, снова поверни направо, двенадцать шагов, затем через дверь направо, тридцать пять шагов, оттуда в арку направо и ещё одиннадцать шагов, последний раз направо, пятнадцать шагов и входи в дверь справа.

Маппо устоял на Искарала Прыща.

Верховный жрец нервно поёжился.

– Иначе говоря, – хмуро проговорил трелль, – поверни налево и пройди девятнадцать шагов.

– Ну да, – буркнул Искарал.

Маппо направился к двери.

– В таком случае, я пойду коротким маршрутом.

– Воля твоя, – проворчал жрец, склонившись над метлой и внимательно рассматривая помело.

«Крушение этикета» объяснилось, когда, войдя в библиотеку, Маппо увидел, что она служила ещё и кухней. Икарий сидел за массивным столом, покрытым чёрными пятнами, в нескольких шагах справа от трелля, а слева Слуга склонился над подвешенным над очагом котлом. Голова Слуги оставалась почти невидимой за клубами пара, испарения собирались

в капли и летели обратно в варево, которое тот помешивал деревянной ложкой медленными, величавыми движениями.

– От супа я, наверное, откажусь, – сказал ему Маппо.

– Книги эти гниют, – сказал Икарий, откидываясь в кресле и глядя на трелля. – Ты пришёл в себя?

– Похоже на то.

Не сводя глаз с Маппо, Икарий нахмурился.

– От супа?.. А-а-а! – Его лицо прояснилось. – Это не суп. Стирка. Ты найдёшь более питательное угощение на разделочном столе. – Ягг указал на стену за спиной у Слуги, затем снова обратился к рассыпающимся страницам старинной книги. – Это потрясающе, Маппо.

– Учитывая, в каком одиночестве жили тут монашки, – сказал Маппо, подходя к разделочному столу. – Я удивлён, что тебя это поражает.

– Я не о тех книгах, друг мой, а об Искараловых. Здесь собраны труды, само существование которых – позабытые слухи. А о некоторых – вроде этой – я вообще никогда не слышал. «Трактат о планировании ирригационных сооружений в пятом тысячелетии Араркала», четыре автора – ни много ни мало.

Вернувшись к Икарию с оловянной миской, наполненной доверху хлебом и сыром, Маппо заглянул другу через плечо, чтобы рассмотреть подробные рисунки на пергаментных страницах, а затем странную, замысловатую вязь. Трелль хмыкнул. Во рту у него вдруг пересохло, но Маппо сумел выдать из себя вопрос:

– И что же здесь такого потрясающего?

Икарий откинулся на спинку.

– Такое... легкомыслие, Маппо. Одни только материалы для этого тома стоят не меньше годового заработка ремесленника. Ни один учёный в здравом уме не станет зря тратить столь драгоценные ресурсы – не говоря уж о времени – на такой бессмысленный, банальный текст. И это не единственный пример. Смотри – «Схемы рассеивания семян цветков пурилля на архипелаге Скар». Или вот – «Болезни белорамных моллюсков Лекурской бухты». Более того, я убеждён, что этим трудам тысячи лет. Тысячи!

И написаны они на языке, который ты вряд ли мог бы узнать, не то что прочесть.

Маппо вспомнил, когда последний раз видел подобную вязь – под навесом из шкур, на холме, который отмечал северную границу владений его племени. Он пришёл туда в числе воинов, избранных сопровождать старейшин на встречу, оказавшуюся судьбоносной.

Осенний дождь стучал по шкуре над головой, все сидели на корточках полукругом, лицом к северу и смотрели, как приближаются семь фигур в плащах с капюшонами. Каждый из странников опирался на посох, и когда они вошли под навес и остановились перед старейшинами, Маппо с содроганием заметил, что посохи словно бы извиваются перед глазами, как деревянные змеи или те деревья-паразиты, что обвивают чужие стволы, выдавливая из них жизнь. Затем он понял, что выходящее безумие было на деле рунической вязью – постоянно изменяющейся на древках, словно невидимые руки вырезали на них новые слова с каждым вдохом и выдохом.

Затем один из пришедших отбросил капюшон, и так началась встреча, которая изменила будущий путь Маппо. Его мысли метнулись прочь от этого воспоминания.

Дрожа, трелль сел, расчищая место для тарелки.

– Это всё почему-то важно, Икарий?

– Знаменательно, Маппо. Цивилизация, которая произвела на свет эти книги, верно, была невероятно богатой. Язык явно связан с современными диалектами Семи Городов, хотя кое в чём более изощрён. И ещё – взгляни на этот символ, здесь, на корешке каждого тома. Изогнутый посох. Я этот знак уже где-то видел, друг мой. В этом я уверен.

– Богатой, говоришь? – Трелль попытался увести разговор от темы, которая, как он знал, может стать бездонной пропастью. – Скорее уж погрязшей в мелочах. Должно быть, потому и обратилась в прах и пыль. Обсуждали семена на ветру, когда варвары ломались в ворота. Праздность принимает различные формы, но она всегда приходит к цивилизациям, которые пережили собственную волю к жизни. Тебе это известно не хуже, чем мне. В данном случае это была праздность, связанная с поиском знаний, безумной гонкой за ответами на все вопросы, без оглядки на ценность этих ответов. Цивилизация так же легко может потонуть в том, что знает, как и в том, чего не знает. Вспомни, – продолжил он, – «Блажь Готоса». Познания стали проклятием Готоса, он слишком много знал – обо всём. Обо всех изменениях, о всякой возможности. Этого хватило, чтобы отравить любой взгляд, который он бросал на мир. Ничего ему не дало, хуже того, он и об этом тоже знал.

– Тебе точно стало лучше, – с оттенком сухой иронии заметил Икарий. – Твой пессимизм возродился. В любом случае, эти труды подтверждают моё мнение, что многие руины в Рараку и Пан’потсун-одане – свидетельства процветавшей некогда цивилизации. Быть может, даже первой воистину человеческой цивилизации, от которой произошли все остальные.

Не думай об этом, Икарий. Оставь эти мысли.

– И как эти соображения связаны с нами в теперешней ситуации?

Выражение лица Икария слегка поблекло.

– Это моя одержимость временем, разумеется. Писание заменяет память, понимаешь? И сам язык от этого изменяется. Подумай о моих механизмах, которыми я стремлюсь измерить поток часов, дней и лет. Такие измерения по природе своей цикличны, повторяемы. Слова и предложения когда-то обладали таким же ритмом и потому могли быть сохранены в сознании, а затем повторены с совершенной точностью. Возможно, – на миг задумался ягг, – если бы я был неграмотен, не был бы и столь забывчив. – Он вздохнул и с трудом улыбнулся. – К тому же я просто убивал время, Маппо.

Трелль постучал широким сморщенным пальцем по открытой книге.

– Думается, авторы этого трактата защищали бы свои труды теми же словами, друг мой. У меня есть более насущное опасение.

Холодное выражение лица ягга не слишком успешно скрывало веселье.

– И в чём же оно заключается?

Маппо развёл руками.

– В этом месте. Никогда Тень не значилась среди моих любимых культов. Гнездилище убийц и кого похуже. Иллюзии, обманы, предательства. Искарал Прыщ притворяется безобидным, но меня не проведёшь. Он нас явно ждал и рассчитывал на наше участие в каком-то своём хитроумном плане. Мы многим рискуем, задерживаясь здесь.

– Но, Маппо, – медленно произнёс Икарий, – именно здесь, в этом месте, будет достигнута моя цель.

Трелль вздрогнул.

– Я боялся, что ты так скажешь. Теперь тебе придётся мне это объяснить.

– Не могу, друг мой. Пока не могу. У меня есть лишь подозрения, не более того. Когда буду уверен, наберусь и смелости для объяснений. Можешь проявить ко мне терпение?

Перед внутренним взором трелля встало другое лицо, человеческое, худое и бледное, по которому ручейками текла дождевая вода. Тусклые серые глаза нашли Маппо, стоявшего за спиной у старейшин.

– Вы знаете нас? – Голос был сухим, как старая кожа.

Один из старейшин кивнул.

– Мы знаем вас как Безымянных.

– Хорошо, – ответил человек, не сводя взгляда с Маппо. – Безымянные, которые мыслят не годами, а столетиями. Избранный воин, – продолжил он, обращаясь к Маппо, – что ты можешь узнать о терпении?

Как грачи, взлетающие с трупа, воспоминания умчались прочь. Глядя на Икария, Маппо растянул губы в улыбке – так, что показались блестящие клыки.

– Терпение? Вот уж ничего другого к тебе проявить не смогу. Как бы там ни было, я не доверяю Искаралу Прышу.

Слуга начал доставать из котла мокрые тряпки и простыни и голыми руками выжимать горячую воду из дышащей паром ткани. Глядя на него, трелль нахмурился. Одна из рук Слуги была до странности розовой, нежнокожей, почти юношеской. Другая более подходила пожилому человеку – мускулистая, заросшая жёстким волосом, загоревшая.

– Слуга?

Тот даже не поднял глаз.

– Ты что, язык проглотил? – продолжил Маппо.

– Похоже, – заметил Икарий, когда Слуга вновь не ответил, – он нас не слушает. Не сомневаюсь, что по приказу своего хозяина. Давай осмотрим этот храм, Маппо? Учитывая, что всякая Тень, скорее всего, донесёт эхо наших слов до ушей верховного жреца.

– Что ж, – проворчал трелль, поднимаясь, – и пускай Искарал знает, что я ему не доверяю.

– Он явно знает о нас больше, чем мы – о нём, – сказал Икарий и тоже встал.

Когда они вышли, Слуга продолжил выжимать воду из белья с каким-то диким наслаждением, так что на массивных запястьях набухли вены.

Глава четвёртая

*В земле, где
Семь городов высятся в злате,
Даже у пыли есть глаза.
Дебрьская пословица*

Когда выносили последние тела, вокруг уже собралась толпа пыльных, потных людей. Туча пыли неподвижно висела над входом в штольню с самого утра, с самого обвала в дальнем конце Глубокой шахты. Под руководством Бенета рабы отчаянно трудились, чтобы вытащить примерно три десятка несчастных, оказавшихся под завалом.

Не выжил никто. Безо всякого выражения Фелисин следила за происходящим вместе с дюжиной других рабов с платформы у Входа на Загибы, все ждали, пока подвезут новые бочки с водой. Жара превратила даже самые глубокие забои в раскалённые печи. Под землёй десятки рабов ежечасно валились с ног от изнеможения.

На другой стороне рудника Геборик вспахивал выжженный грунт на Земельке. Он работал там уже вторую неделю, свежий воздух и освобождение от тележек хорошо сказались на его здоровье. Помогли и лимоны, которые доставили по приказу Бенета.

Если бы Фелисин не устроила ему перевод, сейчас Геборик был бы уже мёртв, а его труп лежал бы под тоннами камня. Он ей обязан жизнью.

Это осознание почти не принесло Фелисин удовлетворения. С Гебориком они теперь почти не разговаривали. При затуманенной дурхангом голове Фелисин едва справлялась с тем, чтобы дотащить каждый вечер домой от Булы. Она много спала, но сон не приносил отдыха. Дневная работа на Загибах проходила в бесконечном, глухом мареве. Даже Бенет начал жаловаться, что в постели она стала... как мёртвая.

Скрип и грохот тележек водовозов на изрытой рабочей дороге стал громче, но Фелисин не могла оторвать глаз от спасателей, которые выкладывали изуродованные тела на земле в

ожидании повозки для трупов. Что-то в этой сцене вызвало в ней лёгкое чувство жалости, но даже оно требовало слишком много усилий, не говоря уж о том, чтобы отвести глаза.

Несмотря на общую заторможенность, она ходила к Бенету, хотела, чтобы её использовали – всё чаще и чаще. Отыскивала его, когда Бенет был пьян, весел и щедр, когда предлагал её друзьям, Буле и другим женщинам.

«Ты оцепенела, девочка, – сказал Геборик во время одного из редких и коротких разговоров. – Но жажда чувства в тебе растёт, скоро даже боль сгодится. Только ты ищешь в неправильных местах».

В неправильных местах. Да что он знает о неправильных местах? Дальний забой Глубокой шахты – вот неправильное место. Штольня, куда сбрасывают трупы, – вот неправильное место. *А все остальные места попадают в категорию «ничего, сгодится».*

Она уже была готова перебраться к Бенету, закономерно завершить череду сделанных выборов. Через несколько дней, наверное. На следующей неделе. Скоро. Фелисин так носилась со своей независимостью, а в конце концов с ней тоже оказалось не так уж трудно расстаться.

– Эй, девочка!

Фелисин заморгала и подняла взгляд. Это был тот молодой малазанец, стражник, который когда-то предупреждал Бенета... *давным-давно*. Солдат ухмыльнулся.

– Разыскала уже цитату?

– Чего?

– Из писаний Келланведа, девочка. – Теперь юноша хмурился. – Я тебе советовал найти кого-нибудь, кто знает продолжение высказывания, которое я процитировал.

– Не понимаю, о чём ты говоришь.

Он протянул руку, мозоли на большом и указательном пальцах правой руки царапнули кожу, когда солдат взял её за подбородок и поднял, чтобы заглянуть в лицо. Фелисин поморщилась от яркого света, когда он откинул в сторону её волосы.

– Дурханг... – прошептал он. – Ох, сердце Королевы, девочка, ты же на десять лет старше выглядишь, а когда я тебя видел? Две недели тому.

– Попроси Бенета, – промямлила она, отдёргивая голову.

– О чём попросить?

– Меня попроси. К себе в постель. Он согласится, если напьётся. Он сегодня напьётся. Он мёртвых поминает кружкой. Или двумя. Тогда будешь меня трогать.

Он отстранился.

– Где Геборик?

– Геборик? На Земельке. – Она хотела спросить, почему он захотел старика вместо неё, но вопрос сам собой провалился в темноту. Ночью пусть трогает. Ей уже начали нравиться мозолистые руки.

Бенет собирался нанести визит капитану Саварку и решил взять Фелисин с собой. Она слишком поздно поняла, что Бенет хочет заключить какую-то сделку и предложить её капитану в качестве задатка.

Они подошли к Крысиной площади по Рабочей дороге. У дверей таверны Булы стояли полдюжины стражников-досиев, которые проводили их скучающими взглядами.

– Прямо иди, девчонка, – проворчал Бенет и схватил её за руку. – И ноги не волочи. Вот такая ты на деле, да? Всегда хочешь больше.

Теперь, когда Бенет говорил с ней, в его тоне звучали нотки отвращения. Он перестал обещать. *Будешь моей, девочка. Перебирайся ко мне. Нам больше никто не нужен.* Все грубоватые нащёптывания прекратились. Это не беспокоило Фелисин. Она и так никогда особенно не верила Бенету.

Прямо впереди в центре Крысиной площади темнела приземистая башня Саварка, её огромные, грубо отёсанные каменные блоки были покрыты налётом от дыма, который всегда клубился в Черепке. У входа стоял одинокий стражник, небрежно опираясь на копьё.

– Не повезло, – сказал он, когда они подошли.

– В смысле? – уточнил Бенет.

Солдат пожал плечами.

– Ну с обвалом нынче утром, с чем же ещё?

– Мы спасли бы кого-нибудь, – сказал Бенет, – если бы Саварк послал помощь.

– Спасли бы? А зачем? Саварк не в настроении, если ты жаловаться пришёл. – Тусклые глаза солдата метнулись к Фелисин. – А если с подарком – другой разговор. – Стражник открыл тяжёлую дверь. – Он в кабинете.

Бенет хмыкнул. Покрепче сжав руку Фелисин, он потащил её внутрь. На первом этаже располагался арсенал, на запертых полках вдоль стен лежало оружие. Поодаль виднелись три стула и столик с остатками завтрака стражников. От центра комнаты уходила вверх железная винтовая лестница.

Они поднялись на один пролёт – к кабинету Саварка. Капитан сидел за письменным столом, который, казалось, наспех сколотили из плавника. Его кресло с высокой спинкой было обито бархатом. Перед капитаном лежала толстая учётная книга в кожаном переплёте. Саварк отложил перо и выпрямился.

Фелисин, кажется, никогда прежде не видела капитана. Он прилагал много усилий, чтобы не покидать своей башни. Саварк был тощим, напрочь лишённым жира, мускулы на его обнажённых предплечьях бугрились, словно переплетённые канаты под бледной кожей. Вопреки моде он носил бороду – жёсткие чёрные колечки были смазаны маслом и надуты. Волосы на голове были коротко острижены. Водянистые зелёные глаза вечно щурились над высокими скулами. Широкий рот обрамляли глубокие вертикальные морщины. Капитан пристально смотрел на Бенета, словно Фелисин здесь не было.

Бенет толкнул её на стул рядом со стеной, слева от Саварка, затем уселся сам на одинокий стул точно напротив капитана.

– Нехорошие слухи, Саварк. Хочешь их услышать?

Капитан заговорил тихим голосом:

– Сколько это мне будет стоить?

– Нисколько. Это бесплатно.

– Тогда говори.

– Досии громко болтают у Булы. Сулят приход Вихря.

Саварк нахмурился.

– Опять эта чушь. Неудивительно, что ты принёс такие новости даром, Бенет, цена им – грош.

– Я так тоже подумал поначалу, но...

– Что ещё ты хотел мне сказать?

Взгляд Бенета скользнул по книге на столе.

– Ты записал погибших утром? Нашёл имя, которое искал?

– Я не искал никакого конкретного имени, Бенет. Ты думаешь, будто что-то угадал, но угадывать здесь нечего. Я теряю терпение.

– Среди погибших было четверо магов...

– Довольно! Зачем ты явился?

Бенет пожал плечами, словно отбрасывая все свои догадки и подозрения.

– Подарок, – сказал он, указывая на Фелисин. – Молоденькая. Покорная, но очень горячая. Никакой воли к сопротивлению – делай, что хочешь, Саварк.

Капитан нахмурился ещё сильнее.

– Взамен, – продолжил Бенет, – я хочу получить ответ на один-единственный вопрос. Раба Бодэна арестовали сегодня утром – за что?

Фелисин моргнула. Бодэна? Она помотала головой, пытаясь разогнать туман, которым были окутаны теперь её дни. Важно ли это?

– Арестовали в Бечёвкинском проулке после отбоя. Он сбежал, но один из моих людей опознал его, так что взяли утром. – Водянистые глаза Саварка наконец переключились на Фелисин. – Молоденькая, говоришь? Восемнадцать, девятнадцать? Стареешь, Бенет, если ты это называешь «молоденькая».

Фелисин почувствовала, как взгляд капитана обшаривает её, словно призрачные руки. На этот раз ощущение было отнюдь не приятным. Она с трудом сдержала дрожь.

– Ей пятнадцать, Саварк. Но опытная. Прибыла два корабля назад.

Капитан вдруг пристально посмотрел на неё, и Фелисин заметила, что у него кровь отлила от лица. Бенет поднялся на ноги.

– Пришлю другую. Двух молоденьких девочек с последнего судна. – Он шагнул к Фелисин и вздёрнул её на ноги. – Гарантирую полное удовлетворение, капитан. Они будут здесь в течение часа...

– Бенет, – мягко заговорил Саварк, – Бодэн ведь работает на тебя, да?

– Просто знакомый, Саварк. Не из моих доверенных людей. Спросил, потому что он в моей команде в забое. Сильного человека нет, так что работа пойдёт медленнее, если ты завтра его не отпустишь.

– Смирись с этим, Бенет.

Они друг другу не верят. Эта мысль сверкнула в голове Фелисин, словно воспоминание о давным-давно утраченной ясности ума. Она глубоко вздохнула. *Что-то происходит. Нужно об этом подумать. Нужно слушать. Внимательно слушать.*

В ответ на слова Саварка Бенет глубоко вздохнул.

– Больше ничего не остаётся. До скорого, капитан.

Фелисин не сопротивлялась, когда Бенет потащил её к лестнице. Снаружи он быстро потянул её через площадь, даже не ответил стражнику, который отпустил какое-то колкое замечание. Тяжело дыша, Бенет толкнул Фелисин в тёмный переулок, а затем развернул лицом к себе. Голос его звучал жёстко и хрипло:

– Кто ты такая, девчонка? Его давно потерянная дочка? Худов дух! Приди же в себя! Отвечай – что это сейчас такое было в кабинете? Бодэн? Кто тебе Бодэн? Говори!

– Он... он никто...

Тыльная сторона его ладони врезалась в лицо Фелисин, словно мешок с камнями. Яркий свет вспыхнул перед глазами, когда она упала на бок. Из носу хлынула кровь, Фелисин растянулась среди гниющих отбросов. Тупо глядя на землю в шести дюймах от себя, она не могла оторвать глаз от растекающейся в пыли красной лужицы.

Бенет вздёрнул Фелисин на ноги и с силой приложил спиной о деревянную стену.

– Твоё полное имя, девчонка. Отвечай!

– Фелисин, – пробормотала она. – Просто Фелисин...

Бенет снова замахнулся.

Она увидела метки, которые её зубы оставили чуть выше косяшек.

– Нет! Клянусь! Я сирота...

От недоверия глаза Бенета стали совсем безумными.

– Кто?!

– Меня нашли у ворот монастыря Фэнера на острове Малаз... Императрица обвинила... поклонников Фэнера. Геборик...

– Твой корабль пришёл из Унты, девчонка. Ты за кого меня держишь? Ты же благородная...

– Нет! Просто обо мне заботились. Пожалуйста, Бенет. Я не вру. Не понимаю, чего хотел Саварк. Может, Бодэн наврал с три короба, чтобы спасти свою шкуру...

– Твой корабль пришёл из Унты. Ты в жизни не была на Малазе. Монастырь твой – возле какого города он находится?

– В Джакате. На острове всего два города. Второй – Малаз. Меня туда отправили на лето. Учиться. Я должна была стать жрицей. Спроси Геборика, Бенет. Пожалуйста.

– А ну назови мне самый бедный квартал Малаза?

– Самый бедный?

– Живо!

– Я не знаю! Храм Фэнера стоит в Портовом! Он самый бедный? За городом вдоль дороги в Джакату трущобы. Я там только лето провела, Бенет! И Джакаты почти не видела – нам не разрешали выходить! Пожалуйста, Бенет, я ничего не понимаю! За что ты меня бьёшь? Я же всё делала, чего ты хотел – спала с твоими друзьями, позволяла собой торговать, я себя сделала *ценной*...

Бенет снова ударил её, он уже не пытался добиться ответов или разобраться в отчаянном вранье – в его глазах сверкнуло новое чувство, породившее раскалённый добела гнев. Он бил её методично, в холодной, безмолвной ярости. После нескольких первых ударов Фелисин скорчилась от боли, прохладная пыль затенённого переулка казалась бальзамом там, где касалась тела. Фелисин попыталась сосредоточиться на дыхании, втягивала воздух, одолевая волны агонии, которую порождало это усилие, медленно выпускала его – ровным потоком, который уносил боль прочь.

В какой-то момент она поняла, что Бенет остановился, наверное, и ударил-то всего несколько раз, а потом ушёл. Фелисин лежала, свернувшись, в переулке, тонкая полоска неба над головой быстро темнела в сумерках. Она слышала голоса на соседней улице, но сюда никто не заглядывал.

Потом Фелисин снова пришла в себя. Видимо, потеряла сознание, пока ползла к выходу из переулка. В дюжине шагов впереди виднелась освещённая факелами Рабочая дорога. По ней пробегали тёмные фигуры. Несмотря на громкий звон в ушах, Фелисин слышала крики и вопли. В воздухе стоял запах дыма. Она хотела ползти дальше, но снова провалилась в темноту.

Лба коснулась прохладная ткань. Фелисин открыла глаза.

Геборик наклонился над ней, будто изучал зрачки – один, затем другой.

– Ты здесь, девочка?

Челюсть болела, губы сковывала засохшая корка. Фелисин кивнула и только теперь поняла, что лежит в собственной кровати.

– Я сейчас вотру немного масла тебе в губы, попробуем их открыть так, чтобы не было очень больно. Тебе нужна вода.

Она снова кивнула и приготовилась терпеть, пока историк прикладывал ко рту смоченную маслом тряпку, привязанную к левой культе. Продолжая работать, он снова заговорил:

– Богатая на события ночь для всех нас. Бодэн сбежал из тюрьмы, поджёг несколько зданий, чтобы отвлечь внимание. Он прячется где-то здесь, в Черепке. Никто не пытался взобраться на стены у гребня или за Утопным озером. По крайней мере, стражники на кордонах у Жучьей дороги не сообщали о попытках прорыва. Саварк объявил награду – хочет получить ублюдка живым, потому что Бодэн ни много ни мало убил троих его людей. Подозреваю, дело не только в этом, как полагаешь? А потом Бенет сообщил, что ты не вышла сегодня на работу в Загибы, так что я задумался. И вот я подошёл поговорить с ним во время полуденного перерыва – сказал, что видел тебя у Булы вчера ночью, мол, он тебя отпустил, потому что ты поизносила, глотаешь больше дыма, чем воздуха, словно не он в этом виноват. Но он-то говорит и говорит, а я смотрю на его костяшки. Бенет вчера с кем-то дрался,

но сам получил только отметины от чужих зубов на руке. И что ж, закончив прополку, я дождался момента, когда на старого Геборика никто не станет обращать внимания, и отправился обыскивать тупики и переулки, признаюсь, ожидая худшего...

Фелисин оттолкнула его руку. Медленно она открыла рот, морщась от боли и чувствуя, как заново открываются ранки.

– Бенет, – прохрипела она. Каждый вздох отдавался в груди болью.

Взгляд Геборика потяжелел.

– Что до него?

– Передай... ему... что я... прошу прощения.

Старик медленно распрямился.

– Я хочу, чтобы... он меня взял обратно. Передай. Пожалуйста.

Геборик поднялся.

– Отдохни, – проговорил он до странности ровным голосом и пропал из виду.

– Воды.

– Сейчас. Потом спи.

– Не могу.

– Почему?

– Не могу... без трубки. Не могу.

Фелисин почувствовала на себе его взгляд.

– У тебя кровоподтёки в лёгких и сломаны несколько рёбер. Чай подойдёт? Настой дурханга.

– Только покрепче.

Услышав, как он наполняет чашку водой из бочонка, Фелисин закрыла глаза.

– Неплохая история, девочка, – сказал Геборик. – Сирота. Повезло тебе, что я быстро соображаю. Я бы сказал, что теперь Бенет тебе, скорее всего, верит.

– Зачем? Зачем ты мне это говоришь?

– Чтобы успокоить. Думаю, я хочу сказать... – Он подошёл к кровати, сжимая между культиями чашку с водой. – ...Он, вероятно, возьмёт тебя обратно, девочка.

– Я... я тебя не понимаю, Геборик.

Он смотрел, как Фелисин подносит чашку к губам.

– Да, – проговорил историк. – Не понимаешь.

Словно гигантская стена, песчаная буря спустилась с западных склонов Эстарских холмов и приближалась к береговой дороге с мертвящим воем. Хотя такие бури были редки на полуострове, Калам уже сталкивался с их яростью. Первым делом нужно было сойти с дороги. Она кое-где подбиралась слишком близко к обрыву над морем, а в таких местах утёсы частенько рушились.

Жеребец заупрямился, когда убийца направил его вниз по крутой обочине. Для мускулистого, норовистого зверя этот конь слишком любил удобство. Песок был горячим и ненадёжным, полным коварных провалов. Не обращая внимания на то, что жеребец фыркал и тряс головой, Калам направил коня в долину, а затем прищепил и пустил быстрой рысью.

В полутора лигах впереди находилась Ладрова Пристань, а за ней, на берегу пересыхающей за лето реки, Ладрова крепость. Калам не собирался там задерживаться, если будет другой выход. Командующий фортом был малазанцем, и под его рукой служили малазанские солдаты. Если получится, убийца обгонит бурю и снова выйдет на береговую дорогу за крепостью, а оттуда двинется дальше на юг через деревню Интесарм.

Стонущий охряный вал затянул горизонт по левую руку от Калама и заметно приблизился. Холмы скрылись из виду. Глухая мгла заслонила небо. Вокруг раздались хлопа-

ные крыльев и визг перепуганных ризанов. Прошипев проклятье, убийца снова пришпорил жеребца и пустил галопом.

Хоть Калам и презирал лошадей в принципе, этот конь был великолепен; казалось, он играючи плывёт над землёй в ритме, возмещающем неловкость посредственного наездника. Калам не был готов признаться себе в большем – в растущей привязанности к этому жеребцу.

Убийца обернулся и разглядел стену бури меньше чем в сотне шагов от себя. Обогнать её не удастся. Вихрь взбитого песка отмечал границу, где ветер встречался с землёй. Калам разглядел в этом воздушном прибое камни размером с кулак. Стена нагонит их через несколько минут. Все звуки заглушил громогласный рёв бури.

Калам разглядел на охряном фоне бури сероватое пятно – оно двигалось чуть впереди, наперерез всаднику. Он откинулся в седле и натянул поводья. Жеребец заржал, выбился из ритма и, остановившись, замолотил передними копытами в воздухе.

– Была бы у тебя хоть капля мозгов, ты бы меня поблагодарил, – буркнул Калам. Серое пятно было роем блох-клещей. Прожорливые насекомые ждали бури, такой, как эта, а затем неслись по ветру в поисках добычи. Хуже того, напрямую их было не видно: разглядеть блох-клещей можно было только сбоку.

Стоило рою промчаться перед всадником, пришла буря.

Жеребец зашатался, когда стена песка прокатилась по ним. Мир пропал, провалился в воющий, шипящий охряный морок. Со всех сторон летели камешки, так что конь вздрагивал, а Калам постанывал от боли. Убийца склонил укрытую капюшоном голову по ветру. Он прищурился, глядя через узкую прорезь в повязке телабы, и пустил коня шагом.

Калам наклонился в седле, протянул руку и прикрыл левый глаз жеребца, чтобы защитить его от камней и крупной крошки. Уж такую-то благодарность Калама конь точно заслужил.

Они двигались вперёд ещё около десяти минут в непроглядном мареве поднятого в воздух песка. Затем жеребец фыркнул и попятился. Что-то треснуло и захрустело под копытами. Калам наклонился и прищурился. Кости, со всех сторон. Бурей сдуло кладбище – нередкое явление. Убийца успокоил коня, а затем попытался разглядеть что-то в охряном мороке. Где-то рядом должна была стоять Ладрова Пристань, но Калам ничего не видел. Он снова поехал вперёд. Жеребец грациозно переступал через груды костей.

Впереди показалась береговая дорога, а дальше – караулки по обе стороны моста. Деревня, должно быть, где-то справа – *если её не сдуло бурей ко всем демонам*. За мостом стоит Ладрова крепость.

Обе одиночные караулки зияли пустыми дверями, словно огромные геометрически правильные черепа.

Поставив жеребца в конюшню, Калам пересёк двор, сгорбившись под ветром и покрывая от боли в ногах, и приблизился к воротам крепости. Нырнув под арку, он впервые за многие часы оказался защищён от воя бури. По углам скопились кучки песка, но сухой воздух здесь был спокоен. Стражника на посту не оказалось: одинокая каменная скамья пустовала.

Калам приподнял тяжёлое железное кольцо на двери и с силой ударил им по дереву. Подождал. Наконец по ту сторону послышался звук отодвигаемых засовов. Со скрипом дверь отворилась внутрь. Старый слуга оглядел Калама единственным глазом.

– Внутрь иди, – проворчал он. – К остальным.

Калам проскользнул мимо старика и оказался в просторной общей зале. Все лица обернулись к нему. На дальнем конце главного стола, который тянулся от края до края квадратного зала, сидели четверо мрачных и насторожённых стражников-малазанцев. В лужах вина на столе красовались три кувшина. С другой стороны у стола расположилась жилистая жен-

щина с запавшими глазами, чье лицо было раскрашено в стиле, который лучше было бы оставить юным девушкам. Рядом с ней устроился эрлинский торговец, наверное, муж.

Калам поклонился им и подошёл к столу. Другой слуга, младше первого разве что на несколько лет, принёс ещё один кубок и кувшин, но замешкался, ожидая, пока убийца не выберет себе место – напротив купеческой четы. Старик поставил кубок и налил полмеры, а затем отступил. Торговец приветственно улыбнулся, показав потемневшие от дурханга зубы.

– Ты с севера приехал, стало быть?

Вино оказалось настоящим на травах – слишком сладким и приторным для местного климата. Калам отставил бокал и поморщился.

– А пива нет в этой крепости?

Голова торговца утвердительно качнулась.

– Ещё как есть, к тому же холодное. Но увы – бесплатно наливают только вино, от щедрот нашего хозяина.

– Неудивительно, что бесплатно, – проворчал убийца и жестом подозвал слугу. – Изволь кружку пива.

– Сребреник с вас, – заявил слуга.

– Это неприкрытый грабёж, однако жажда – требовательная госпожа. – Калам нашёл обрезанную джакату и положил на стол.

– Как там деревня? Обвалилась уже в море? – поинтересовался торговец. – А на дороге в Эрлитан – как, держится мост?

Калам заметил на столе перед женой торговца небольшую бархатную сумку. Подняв взгляд, он уставился в её запавшие глаза. Жуткая женщина ему подмигнула.

– Он с тобой не будет сплетничать, Беркру. Путник явился сюда, чтобы укрыться от бури, – больше ты от него ничего не добьёшься, дорогой.

Один из стражников поднял голову.

– А тебе есть что скрывать, да? Не в охране каравана служишь, сам-один приехал? Дезертир из Эрлитанской стражи, а может, проповедник Дриджны, или и то, и другое разом. А теперь прибежал сюда, ждёшь гостеприимства от хозяина – урождённого малазанца.

Калам оглядел солдат. Четыре враждебных лица. Никаким оправданиям сержант не поверит. Стражники уже решили, что его следует упечь в темницу – на эту ночь, по крайней мере, чтобы хоть как-то развеять скуку. Но убийца не хотел проливать кровь. Он положил ладони на стол, медленно поднялся.

– На два слова, сержант, – проговорил Калам. – Наедине.

Темнокожий солдат скривился.

– Горло мне перерезать хочешь?

– Думаешь, я на такое способен? – удивлённо спросил Калам. – На тебе кольчуга, у пояса – меч. С тобой – трое друзей, которые будут держаться рядом, по меньшей мере, чтобы подслушать, о чём мы будем говорить.

Сержант поднялся.

– Да я с тобой и сам справлюсь! – прорычал он и решительно отошёл к дальней стене.

Калам последовал за солдатом. Он вытащил из-под телабы небольшой медальон и поднял повыше.

– Узнаёшь этот знак, сержант? – тихо спросил убийца.

Солдат осторожно наклонился вперёд, чтобы рассмотреть символ, выгравированный на медальоне. Осознание заставило его побледнеть и невольно прошептать:

– Старший Коготь...

– Больше никаких вопросов и обвинений, сержант. Людям не открывай того, что узнал – по крайней мере, пока я не уеду. Ясно?

Сержант торопливо кивнул.

– Прошу прощения, господин, – прошептал он.

Калам криво усмехнулся.

– Твоя подозрительность уместна. Скоро Худ поскачет по этой земле, мы оба это знаем. Сегодня ты ошибся, но продолжай подозревать каждого. Командир крепости знает о положении за её стенами?

– Так точно.

Убийца вздохнул.

– В этом тебе и твоему взводу крупно повезло, сержант.

– Так точно.

– Давай теперь вернёмся к столу?

В ответ на любопытные взгляды подчинённых сержант только помотал головой. Когда Калам снова принялся за пиво, жена торговца потянулась к своей бархатной сумочке.

– Все солдаты попросили нагадать им будущее, – произнесла она и вынула Колоду Драконов. Женщина держала её обеими руками, не сводя пристального взгляда с убийцы. – А ты? Хочешь узнать свою судьбу, незнакомец? Какие боги тебе улыбаются, какие хмурятся...

– У богов нет ни времени, ни желания следить за нами, – с отвращением процедил Калам. – Не втягивай меня в свои игры, женщина.

– Значит, сперва ты припугнул сержанта, – с улыбкой проговорила она, – а теперь хочешь припугнуть и меня. Видишь, каким ужасом меня наполнили твои слова? Я вся трясусь от страха.

Калам презрительно фыркнул и отвёл глаза.

По залу разнёсся грохот: кто-то с силой барабанил по входной двери.

– О, новые таинственные путники! – проскрежетала женщина.

Все смотрели, как привратник появился из соседней комнаты и зашаркал к двери. Кто бы ни ждал позади – он не мог похвалиться терпением: дверь снова задрожала от ударов, прежде чем старик успел потянуться к засову.

Как только засов отодвинулся, створка двери распахнулась от мощного толчка. Привратник невольно отшатнулся. На пороге возникли две фигуры в доспехах, одна из них – женская. Позвякивая металлом и громко топая сапогами, она вышла на середину зала. Невыразительные глаза обежали стражников и других гостей, на миг задержавшись на каждом. Никакого особого внимания к своей особе Калам не заметил.

Женщина наверняка прежде имела военный чин. Возможно, сохраняла его и теперь, хотя по доспехам и вооружению этого нельзя было сказать. Да и мужчина у неё за спиной никакой формы не носил.

Калам разглядел на лицах обоих рубцы и ухмыльнулся про себя. Эти двое нарвались на блох-клещей и были явно совершенно не рады встрече. Мужчина вдруг дёрнулся, когда одно из насекомых укусило его где-то под кольчугой. Разразившись проклятиями, он начал расстёгивать ремешки доспеха.

– Нет, – резко приказала женщина.

Мужчина замер.

Она была из пардийцев, равнинного племени с юга; её спутник казался северянином, возможно, эрлинцем. На его коже – несколько светлее, чем у женщины, – не было видно племенных татуировок.

– Худов дух! – зарычал сержант, глядя на женщину. – Ни шагу дальше! На вас обоих полным-полно клещей. На дальнем конце стола садитесь. Слуги приготовят кедровую ванну – не бесплатно, разумеется.

Поначалу женщина хотела возмутиться, но затем указала рукой в перчатке на дальний конец стола, и её спутник тут же подчинился: подтащил к нему два кресла, а затем уселся в одно из них и замер, как деревянный. В другое кресло села пардийка.

– Кувшин пива, – сказала она.

– Хозяин требует за это денег, – с кривой ухмылкой заметил Калам.

– Клянусь судьбой Седьмого! Вот ведь жадный ублюдок... Эй, слуга! Принеси мне кружку, я сама решу, стоит ли пиво денег. Живо!

– Дамочка решила, что у нас тут таверна, – проворчал один из солдат.

Заговорил сержант:

– Вы все здесь – по милости командира Крепости. И будете платить за пиво, платить за ванну и даже платить за то, чтобы спать на этом полу.

– И это – милость?

Лицо сержанта потемнело – он был малазанцем и находился в одной комнате со Старшим Когтем.

– Четыре стены, потолок, очаг и конюшня даются тебе бесплатно, женщина. Но ты жалуешься, будто принцесса нетронутая, – принимай наше гостеприимство или проваливай.

От ярости глаза женщины превратились в щёлки, затем она вытащила из кошелька на поясе пригоршню джакат и с грохотом припечатала монеты к столешнице.

– Как я понимаю, – мягко проговорила она, – твой милостивый хозяин берёт деньги за пиво даже с тебя самого, сержант. Хорошо, у меня нет выбора, кроме как купить всем здесь по кружке.

– Щедро, – сказал сержант и кивнул.

– Сейчас мы узрим будущее, – заявила жена торговца, выравнивая Колоду.

Калам заметил, как пардийка вздрогнула, увидев карты.

– Уволь, – сказал убийца. – Никакого прока от знания грядущего, даже если у тебя и есть хоть малый дар, в чём я сомневаюсь. Избавь нас от своего постыдного балагана.

Не обращая на него внимания, старуха обернулась к стражникам.

– Все ваши судьбы лежат на... этой! – Она выложила первую карту.

Калам коротко хохотнул.

– Это которая? – спросил один из солдат.

– Обелиск, – ответил Калам. – Эта женщина – шарлатанка. Любой настоящий провидец знает, что эта карта не работает в Семи Городах.

– А ты сам, я погляжу, эксперт в прорицаниях? – огрызнулась старуха.

– Я хожу к опытному провидцу перед каждым долгим путешествием, – ответил Калам. – Глупо было бы этого не делать. Я знаю Колоду, и я видел истинные гадания, когда руку водила сила. Не сомневаюсь, что ты намеревалась потребовать денег со стражников после того, как рассказала бы им, как они все разбогатеют, умрут в глубокой старости, наплодив прежде десятки будущих героев...

Исказившееся лицо старухи ознаменовало конец фарса, жена торговца взвизгнула от ярости и швырнула Колоду в Калама. Карты попали убийце в грудь, отскочили и с треском рассыпались по столу случайным узором – который сложился в расклад. Пардийка с шипением выпустила воздух сквозь зубы, и это был единственный звук, раздавшийся в большом зале.

Калам, которого вдруг прошиб пот, посмотрел на карты. Шесть оракулов окружали седьмой, и эта единственная карта – убийца вдруг с ясностью понял – принадлежала ему. *Узел, Убийца Тени*. Шесть окружающих карт принадлежали к одному-единственному Дому. *Король, Вестник, Каменщик, Пряха, Рыцарь, Королева... Высокий дом Смерти, весь Дом Худа на подбор... вокруг того, кто несёт Святую книгу Дриджны*.

– Ну, что ж... – вздохнул Калам, бросив взгляд на пардийку. – Похоже, сегодня я буду спать в одиночестве.

Капитан Красных Клинков Лостара Йил и её подчинённый покинули Ладрову крепость последними, более чем через час после того, как Калам ускакал на юг на своём жеребце и растворился в пыльной мгле утихающей бури.

Вынужденное сближение с Каламом было неизбежным, но сколь бы ни был он искусен в обмане, Лостара ему ничем не уступала. Чванство само по себе могло служить маской, надменность – личиной, скрывающей куда более опасную уверенность в себе.

Неожиданное откровение Колоды Драконов многое открыло Лостаре – и не только о Каламе и его призвании. Выражением лица сержант выдал себя – соучастник, ещё один малазанский солдат, готовый предать Императрицу. Судя по всему, Калам остановился в Крепости далеко не так случайно, как можно было бы подумать.

Проверив лошадей, Лостара обернулась, когда её спутник вышел из главного здания. Красный Клинок ухмыльнулся.

– Ты всё сделала основательно, как обычно, – заметил он. – А вот за командиром мне пришлось погоняться. Нашёл его в крипте. Он там пытался втиснуться в доспехи пятидесятилетней давности. Видать, в молодости был заметно потоньше.

Лостара одним движением взлетела в седло.

– Никто не дышит? Ты всех проверил? Что со слугами в дальнем коридоре? Я с ними разобралась несколько поспешно.

– Ты ни одного бьющегося сердца не оставила, капитан.

– Очень хорошо. В седло! Жеребец убийцы просто убивает этих коней – новых получим в Интесарме.

– Если только Баральта сумеет их обеспечить.

Лостара холодно посмотрела на спутника.

– Верь Баральте, – сухо сказала она. – И радуйся, что – в этот раз – я не доложу ему о твоих сомнениях.

Солдат поджал губы и кивнул.

– Спасибо, капитан.

Красные Клинки поскакали прочь из Крепости, а затем свернули на прибрежную дорогу.

Первый этаж храма состоял из коридора, уходившего по спирали от единственной комнаты, в которой винтовая лестница вела вниз, во тьму. Маппо присел на корточки рядом с каменными ступенями.

– Ведёт небось прямо в крипту.

– Если я правильно помню, – откликнулся Икарий, который остановился у входа в комнату, – когда монахини Королевы грёз умирают, тела просто заворачивают в полотно и укладывают на полки вдоль стен крипты. Тебе интересно рассматривать трупы?

– Обычно-то нет, – ответил трелль и с тихим кряхтением поднялся. – Просто камень меняется, как только ступени уходят ниже.

Икарий приподнял бровь.

– В самом деле?

– Этот этаж вырублен из живого камня – местного известняка. Он мягкий. А вот ниже я вижу отёсанный гранит. Думаю, крипта внизу старше храма. Либо так, либо монашки этого культа решили, что стены крипты и лестницу нужно обтесать, а вот жилые помещения – нет.

Ягт покачал головой и приблизился.

– Я бы сильно удивился. Аспект Королевы грёз – Жизнь. Что ж, давай прогуляемся?

Первым спускался Маппо. Обоим спутникам не был нужен искусственный свет, так что темнота внизу их не останавливала. На ступенях винтовой лестницы виднелись следы

мраморной облицовки, но бо́льшая её часть давным-давно истёрлась под многочисленными ногами. Твёрдый гранит под мрамором не выказывал никаких признаков эрозии.

Лестница уходила всё ниже и ниже. Семидесятая ступень привела спутников в восьмиугольный зал. Стены были украшены фризами, цвета угадывались по многочисленным оттенкам серого. Сразу за лестничной площадкой пол укрывали ряды прямоугольных углублений, вырезанных прямо сквозь мраморные плиты так, чтобы убрать лежавшие ниже глыбы гранита. Сами глыбы были свалены в кучу, перегораживая проход, ведущий в другое помещение. В каждом углублении виднелся закутанный в саван труп.

Воздух был сухим, лишённым всякого запаха.

– Эти фрески не относятся к культу Королевы, – заявил вслух Маппо, хоть это и не вызывало сомнений: изображения на стенах были посвящены некоему мрачному мифу. Повсюду темнели чёрные, покрытые мхом стволы могучих елей, так что казалось, будто спутники стоят на поляне древнего леса. Кое-где между деревьями мелькали тени громадных четвероногих созданий, их глаза поблёскивали, словно отражали лунный свет.

Икарий присел на корточки и провёл рукой по остаткам мраморных плит.

– Здесь был узор, – проговорил он, – прежде чем монахини устроили тут кладбище. Жаль.

Маппо посмотрел на забаррикадированную арку.

– Если есть разгадки для местных загадок, то они там – за камнями.

– Ты уже восстановил силы, друг мой?

– Силёнок хватит.

Трелль подошёл к арке и потянул на себя самый верхний гранитный блок. Когда глыба накренилась, Маппо поймал её на руки и тут же с диким рычанием согнулся. Икарий бросился на помощь другу и помог ему опустить камень на пол.

– Худов дух! Тяжелей, чем я думал.

– Это я уже понял. Давай тогда возьмёмся вместе?

Через двадцать минут спутники растащили уже довольно гранитных глыб, чтобы можно было пройти под арку. Последние пять минут у них даже была публика – по лестнице спустилась стайка бхок'аралов, которые безмолвно наблюдали за друзьями, цепляясь за перила. Однако когда сначала Маппо, а затем Икарий протиснулись на другую сторону, бхок'аралы остались на месте.

Перед спутниками открылся широкий коридор, обрамлённый парами колонн, сделанными из цельных кедровых стволов. Каждая была никак не меньше сажени в диаметре. Грубую, покрытую глубокими бороздами кору не снимали, но та большей частью отвалилась сама и теперь лежала на полу.

Маппо положил руку на одну из деревянных колонн.

– Только подумай, сколько сил пришлось потратить, чтобы их сюда доставить.

– Принести по Пути, – приняхиваясь, сказал Икарий. – Остаточный запах не рассеялся, хоть и прошли века.

– Века? А ты чувствуешь, какой это был Путь, Икарий?

– Куральд Галейн. Старший Путь Тьмы.

– Тисте анди? Сколько я слышал историй Семи Городов, ни разу не встречал упоминаний о тисте анди на этом континенте. И на моей родине, по другую сторону Ягг-одана – тоже. Ты уверен. Как-то не сходится...

– Я не уверен, Маппо. По ощущению похоже на Куральд Галейн, вот и всё. Чувствуется след Тьмы. Это не Омтоз Феллак и не Телланн. И не Старвальд Демелейн. Других Старших Путей я не знаю.

– Я тоже.

Не обменявшись больше ни словом, они пошли дальше. По подсчётам Маппо, коридор закончился через триста тридцать шагов аркой, ведущей в ещё один восьмиугольный зал, пол в котором был поднят на ладонь относительно коридора. Все плиты тоже были восьмиугольные, на каждой были тщательно вырезаны образы, которые затем скололи и изуродовали, словно в приступе безумной ярости.

Остановившись на пороге, трелль почувствовал, как шерсть встаёт дыбом на шее. Икарий встал рядом.

– Я не думаю, – проговорил ягг, – что нам стоит входить в этот зал.

Маппо согласно заворчал. В воздухе стояла вонь чародейства, старая, затхлая, липкая и загустевшая от силы. Словно волны жара, чары поднимались от плит на полу, от вырезанных на них образов и от изуродовавших изображения рытвин и сколов.

Икарий покачал головой.

– Если это и Куральд Галейн, оттенок мне незнаком. Он... искажён.

– Осквернением?

– Возможно. Но вонь от следов когтей отличается от запаха, который идёт от самих плит. Тебе она знакома? Клянусь смертными слезами Дессембрея, наверняка знакома, Маппо!

Трелль прищурился и посмотрел на ближайшую плиту, покрытую глубокими царапинами. Его ноздри задрожали.

– Одиночники. Д'иверсы. Пряный дух оборотней. Конечно. – Маппо дико захохотал, так что по залу раскатилось эхо. – Тропа Ладоней, Икарий. Врата – они здесь.

– Не просто врата, как мне думается, – сказал Икарий. – Взгляни на неповреждённую резьбу – на что это похоже, по-твоему?

Маппо задумался над ответом. Он оглядел пол с растущей уверенностью, но та не принесла ответов, только новые вопросы.

– Похоже, конечно, но... не совсем. Ещё больше раздражает то, что я не могу себе представить никакой связи...

– Таких ответов здесь нет, – перебил его Икарий. – Мы должны идти туда, куда намеревались, Маппо. Мы близки к пониманию – в этом я уверен.

– Икарий, думаешь, Искарал Прыщ готовится принимать новых гостей? Одиночники и д'иверсы, неминуемое открытие врат. Неужели он – и, как следствие, Владения Тени – в сердце этого схождения?

– Не знаю. Давай спросим его.

Оба отступили от арки.

«Мы близки к пониманию». Эти слова вызвали в сердце Маппо ужас. Он чувствовал себя зайцем, в которого уже прицелился опытный лучник, куда ни беги – спасения нет, так что остаётся только замереть на месте. Трелль стоял на стороне сил, которые потрясли его душу, сил прошлого и сил настоящего. Безымянные – со своими обвинениями, намёками и видениями, со своими тайными целями и скрытыми желаниями. Создания седой древности, если есть в трелльских легендах хоть слово правды. Икарий... О, друг мой, я ничего не могу тебе рассказать. Моё проклятье – молчание в ответ на всякий твой вопрос, и рука, которую я протягиваю как брат, ведёт тебя только к обману. Во имя любви я делаю это и плачу цену... и какую цену!

Бхок'аралы ждали спутников у лестницы и на безопасном расстоянии последовали за ними обратно на первый этаж.

Верховного жреца друзья застали в вестибюле, который тот превратил в свою спальню. Бормоча что-то себе под нос, Искарал Прыщ наполнял плетёную мусорную корзину под-

гнившими фруктами, мёртвыми летучими мышами и изуродованными ризанами. Он мрачно покосился через плечо на Икария и Маппо, которые остановились на пороге комнаты.

– Если эти гнусные мартышки следуют за вами, передайте им, чтобы остереглись моего гнева! – прошипел Искарал. – Какое бы помещение я ни выбрал, они тут же решают его использовать как склад для своих мерзких сокровищ. Моё терпение лопнуло! На свой страх и риск они глумятся над Верховным жрецом Тени!

– Мы нашли врата, – заявил Маппо.

Искарал даже не оторвался от уборки.

– Нашли, значит, вот как? Глупцы! Всё не так, как выглядит. Жизнь, данная за жизнь отнятую. Каждый угол, каждый закоулок обыскали, так ведь? Идиоты! Столь самонадеянная похвальба есть знамя невежества. Подняли его и ждёте, что я почтительно склонюсь? Ха! У меня свои секреты, свои планы, свои замыслы. Лабиринт гения Искарала Прыща не распутать таким, как вы. Оба – древние странники в земной юдоли. Почему вы не взошли, как все прочие? Я вам скажу. Долголетие не дарует по умолчанию мудрость. О нет, совсем нет. Надеюсь, вы всех пауков убиваете, каких только видите. Обязательно убивайте, ибо это – тропа мудрости. О да, воистину, тропа! У бхок’аралов маленькие мозги в крошечных круглых черепках. Хитрые, как крысы, глазки блестят, словно чёрные камешки. Как-то четыре часа я глядел в глаза одному из них, а тот – в мои. Никто не отводил взгляд, о нет, это было состязание, которое я бы не проиграл. Четыре часа, лицом к лицу, так близко, что я чувал его зловонное дыхание, а тот – моё. Кто же победит? Ответ был в руках богов.

Маппо взглянул на Икария, затем откашлялся.

– И кто же, Искарал Прыщ, одержал победу в этой... битве умов?

Искарал Прыщ бросил на Маппо пронзительный взгляд.

– Взгляни на того, кто никогда не отклоняется от избранного пути, каким бы тот ни был скучным и бессмысленным, и узришь воплощение тупоумия. Бхок’арал мог бы смотреть мне в глаза вечно, ибо в них не было и тени интеллекта. В его глазах, я имею в виду. Ярчайшим свидетельством моего превосходства стало то, что я нашёл нечто более интересное для взгляда.

– Ты собираешься отвести д’иверсов и одиночников к вратам внизу, Искарал Прыщ?

– О, сколь тупоумны трелли, упорные в опрометчивых ошибках и опрометчивые в ошибочном упорстве. Я уже говорил. Вы ничего не знаете об этих тайнах, о планах Престола Тени, о многих секретах Серой крепости, Затенённого дома, где стоит трон Теней. Но я знаю. Я, единственный из смертных, удостоился узреть истину. Мой бог щедр, мой бог мудр, хитёр, как крыса. Пауки должны умереть. Бхок’аралы украли мою метлу и на сей героический поиск я отправляю вас, благородные гости. Икарий и Маппо Трелль, достославные путешественники, вам поручаю я это опаснейшее задание – найдите мою метлу.

Выйдя в коридор, Маппо вздохнул.

– Ну, это всё было без толку. Что теперь будем делать, друг мой?

Икарий удивился:

– Но это ведь очевидно, Маппо! Мы отправимся на опаснейшее задание. Нам следует найти метлу Искарала Прыща.

– Мы ведь обыскали монастырь, Икарий, – устало возразил трелль. – Никакой метлы я не видел.

Губы ягга едва заметно изогнулись.

– Обыскали? Каждый угол, каждый закоулок? Сомневаюсь. Но первым делом – на кухню. Мы должны подготовиться к поисковой экспедиции.

– Ты это серьёзно?

– Вполне.

...Мухи кусались отчаянно, они одурели от палящего солнца не меньше, чем все остальные. До полудня в фонтанах Хиссара стояли – плечом к плечу в тёплой, мутной воде – люди, которые затем всё же скрылись в более прохладной тени собственных домов. Для прогулок день был явно неподходящий, так что Дукер даже нахмурился, набрасывая на плечи тонкую свободную телабу, пока Бальт ждал у двери.

– Почему же не под луной? – пробормотал историк. – Прохладный ночной воздух, звёзды над головой, все духи прислушиваются. *Тогда бы успех был обеспечен!*

Язвительная ухмылка Бальта ничуть не улучшала настроения. Затягивая плетёный пояс, Дукер обернулся к седому воину.

– Ну, что ж, веди, дядюшка.

Виканец заулыбался ещё шире, шрам проступил виднее, так что в конце концов стало казаться, что на лице у Бальта две улыбки, а не одна.

Снаружи рядом с лошадьми их ждал Кальп – верхом на собственном невысоком, крепком коньке. Увидев мрачное выражение лица кадрового мага, Дукер испытал извращённое удовольствие.

Они ехали по опустевшим улицам. Настал маррок – послеполуденный час, когда разумные люди скрывались в домах, чтобы переждать жару. Историк обычно ложился подремать во время маррока; теперь он чувствовал себя не в своей тарелке и отнюдь не жаждал присутствовать на ритуале Сормо. Колдуны были печально известны вызывающей неуместностью, осознанно-наплевательским отношением к здравому смыслу. *Ради одной только защиты приличий можно было бы простить Императрице казни.* Дукер поморщился: подобные мысли не стоило озвучивать, если рядом был хоть один виканец.

Спутники добрались до северной окраины города и проехали пол-лиги по береговой дороге, прежде чем свернуть прочь от моря – в пустоши одана. Оазис, до которого они добрались час спустя, был мёртв – ручей давно пересох. От прежнего роскошного сада среди песков остались только иссохшие стволы кедров, возвышавшиеся над ковром из поваленных ветром пальм.

На многих деревьях виднелись странные выступы, которые привлекли внимание Дукера, как только спутники подъехали поближе.

– Это что – рога на деревьях? – поинтересовался Кальп.

– Похоже, рога бхедеринов, – ответил историк. – Зажали их в развилку и так оставили, деревья проросли и рога оказались накрепко вделаны в стволы. Этим деревьям, наверное, сравнялась тысяча лет, прежде чем вода ушла.

Маг фыркнул:

– Кто бы мог подумать, что их до сих пор не вырубili – в такой-то близости от Хиссара.

– Рога – это предупреждение, – сказал Бальт. – Святая земля. Была. Когда-то давно. Память сохранилась.

– Так и должно быть, – пробормотал Дукер. – Сормо стоило бы обходить зыбучие пески, а не искать их. Если это место аспектировано, его сила, скорее всего, враждебна любому виканскому колдуну.

– Я давно научился полагаться на мудрость Сормо И'ната, историк. Тебе бы не помешало научиться тому же.

– Плох тот учёный, что полагается на чужую мудрость, – возразил Дукер. – Даже – и в особенности – на свою собственную.

– «Ходишь по изменчивым пескам», – вздохнул Бальт, а затем снова улыбнулся Дукеру, – как сказали бы местные.

– А что бы сказали на их месте виканцы? – поинтересовался Кальп.

Глаза Бальта насмешливо блеснули.

– Ничего. Мудрые слова – точно стрелы, что летят тебе прямо в лоб. Что тут делать? Пригнуться, само собой. Эту истину виканец познаёт тогда же, когда и обучается ездить верхом – задолго до того, как делает первый шаг своими ногами.

Колдуна они нашли на поляне. Наносной песок сгребли в сторону, так что показалась кирпичная кладка пола – всё, что осталось от здания, которое когда-то здесь стояло. В трещинах поблёскивали осколки обсидиана.

Кальп спешился, поглядывая на Сормо, который стоял в центре, спрятав руки в рукава. Чародей прихлопнул навязчивую муху.

– Что это? Какой-то затерянный, забытый храм?

Юный виканец медленно моргнул.

– Мои помощники заключили, что здесь была конюшня. Затем они ушли без дальнейших объяснений.

Кальп поморщился и взглянул на Дукера.

– Терпеть не могу виканский юмор, – прошептал он.

Сормо жестом подозвал их поближе.

– Я собираюсь открыть себя священному аспекту этого хэрора – так виканцы называют святые места под открытым небом...

– Ты свихнулся? – Кальп побледнел. – Эти духи тебе горло перегрызут, мальчик. Они же из Семи...

– *Нет*, – отрезал колдун. – Духи этого хэрора были призваны задолго до Семи. Они плоть от плоти этой земли, и если тебе обязательно нужно установить связь с известным аспектом, то их Путь – Телланн.

– Худова милость, – простонал Дукер. – Если это и вправду Телланн, тебе придётся иметь дело с т'лан имассами, Сормо. Эти бессмертные воины отвернулись от Императрицы и вообще от Империи ещё с самого убийства Императора.

Глаза колдуна сверкнули.

– А ты не задавался вопросом – почему?

Историк быстро закрыл рот. У него имелись соображения на сей счёт, но озвучивать их – *кому бы то ни было* — было бы изменой.

Мысли Дукера прервал сухой вопрос, с которым Кальп обратился к Сормо.

– А тебе это императрица Ласиин поручила? Ты хочешь прозреть будущие события, или это всё только для отвода глаз?

Бальт стоял в нескольких шагах от них и молчал, но теперь сплюнул.

– Для такого нам даже провидец не нужен, маг.

Колдун поднял руки и развёл их в стороны.

– Держись поближе ко мне, – сказал он Кальпу, а затем перевёл взгляд на историка. – А ты – смотри и запоминай всё, чему станешь свидетелем.

– Я этим уже занимаюсь, колдун.

Сормо кивнул и закрыл глаза.

Сила его раскатилась в стороны призрачными, беззвучными волнами, охватила Дукера и остальных, залила всю поляну. Дневной свет неожиданно поблек, сменился мягкими сумерками, сухой воздух вдруг стал влажным, запахло болотом.

Точно стражи, поляну окружали кипарисы. Рваными занавесями с ветвей свисали клоузы мха, погружавшие всё за собой в непроглядную тень.

Дукер чувствовал чары Сормо И'ната, будто тёплый плащ; никогда прежде он не ощущал подобной силы. Спокойной и защитной, могучей, но гибкой. *Сколько же потеряла Империя, уничтожив этих колдунов? Эту ошибку Императрица уже явно исправила, хотя, быть может, слишком поздно. Сколько колдунов погибли на самом деле?*

Сормо пронзительно заулюлюкал, и его крик отразился эхом, словно они стояли в огромной пещере.

В следующий миг воздух ожил, заполнился хаотическими порывами ледяного ветра. Сормо зашатался, глаза его распахнулись и округлились от испуга. Колдун вздохнул, а затем отпрянул от запаха, и Дукер его прекрасно понял. Ветер принёс звериную вонь, которая становилась с каждым мгновением всё сильнее.

Тугая ярость наполнила поляну, зловещее предзнаменование прозвучало во внезапном треске увитых мхом ветвей. Историк заметил, как сзади к Бальту приближается рой, и предостерёг виканца резким криком. Тот молниеносно развернулся, в руках блеснули длинные ножи. Когда первая оса ужалила Бальта, он вскрикнул.

– *Д’иверсы!* – заревел Кальп, ухватил Дукера за полу телабы и потащил ближе к Сормо, который стоял неподвижно, будто окаменел.

По мягкой земле пробежали крысы и набросились на клубок извивающихся змей.

Историк почувствовал жар у ног и посмотрел вниз. Огневые муравьи уже поднялись до бёдер. Жар быстро перешёл в невыносимую боль. Дукер завопил.

Разразившись проклятиями, Кальп направил свой Путь выбросом силы. Муравьи сморщились и посыпались с ног историка, точно пыль. Остальные насекомые откатились прочь, д’иверс отступил.

Крысы одолели змей и теперь приближались к Сормо. Виканец посмотрел на них и нахмурился.

Там, где скорчился, бестолково отмахиваясь от жалящих ос, Бальт, вспыхнуло жидкое пламя, языки которого быстро окутали старого воина.

Проследив источник огня, Дукер увидел на краю поляны громадного демона. Укрытое иссиня-чёрной шкурой чудовище в два раза выше человека с рёвом прыгнуло на белого медведя – поляна гудела от сражавшихся д’иверсов и одиночников, воздух звенел от рычания и воплей. Демон обрушился на медведя и повалил на землю, так что послышался хруст костей. Оставив животное корчиться на земле, демон отпрыгнул в сторону и снова заревел, на этот раз Дукер распознал значение этого рёва.

– Он нас предупреждает! – закричал он Кальпу.

Словно магнит, демон притягивал к себе д’иверсов и одиночников. Они дрались друг с другом в безумном стремлении добраться до чудовища.

– Нужно выбраться отсюда! – сказал Дукер. – Вытаскивай нас, Кальп! Быстро!

Маг зашипел от ярости.

– А как?! Это же ритуал Сормо, червяк ты книжный!

Демон уже полностью скрылся под грудой созданий, но всё ещё стоял – д’иверсы и одиночники взбирались будто на груды твёрдого камня. То и дело изнутри прорывались чёрные лапы и швыряли в сторону мёртвых и умирающих тварей. Но долго так продолжаться не могло.

– Худ тебя дери, Кальп! Придумай что-нибудь!

Лицо мага напряглось.

– Тащи Бальта поближе к Сормо. Живо! Колдуном я сам займусь.

С этими словами Кальп рванулся к Сормо, криками пытаясь вывести юношу из транса, в котором тот, видимо, пребывал. Дукер бросился к скорчившемуся на земле в пяти шагах от них Бальту. Ковыляя к виканцу, он почувствовал сквозь боль, что ноги кажутся ужасно тяжёлыми после укусов муравьёв.

Воин был весь искусан осами, его плоть разбухла и налилась багрянцем. Он потерял сознание, возможно, уже умер. Дукер ухватил Бальта за перевязь и поволок туда, где Кальп по-прежнему пытался привести в себя Сормо И’ната.

Когда историк добрался до них, демон испустил последний протяжный вой и повалился под грудой нападавших. Д'иверсы и одиночники ринулись к четверым людям.

Сормо И'нат был явно не в себе, стоял с остекленевшими глазами и никак не реагировал на крики Кальпа.

– Буди его, иначе нам всем конец, – прохрипел Дукер, перешагивая через Бальта, чтобы встретить волну чудовищ всего-то с обычным ножом в руке.

От оружия он особого проку не ждал – кипящий рой шершней был уже совсем рядом.

Внезапно всё вокруг вздрогнуло и Дукер увидел, что они снова оказались в мёртвом оазисе. Д'иверсы и одиночники исчезли. Историк обернулся к Кальпу.

– Ты справился! Как?

Маг покосился на растянувшегося на земле, стонущего Сормо И'ната.

– Я за это ещё поплачусь, – пробормотал он, затем встретил взгляд Дукера. – Я ему вмазал. Чуть руку не сломал, кстати. Это ведь был *его* кошмар, верно?

Историк заморгал, а затем покачал головой и присел на корточки рядом с Бальтом.

– Яд его убьёт раньше, чем мы доберёмся до города...

Кальп опустился рядом, провёл здоровой рукой по распухшему лицу воина.

– Это не яд. Скорее, отравляющий Путь. С этим я справлюсь, Дукер. И с твоими ногами тоже. – Маг прикрыл глаза и сосредоточился.

Сормо И'нат медленно поднялся и сел. Он огляделся, затем нежно коснулся челюсти, где грубые отпечатки костяшек Кальпа белели словно островки в море покрасневшей плоти.

– У него не было выбора, – сказал ему Дукер.

Колдун кивнул.

– Говорить можешь? Зубы целы?

– Где-то, – внятно произнёс виканец, – прыгает ворона со сломанным крылом. Теперь их осталось лишь десять.

– Что там произошло, колдун?

Глаза Сормо нервно забегали.

– Нечто неожиданное, историк. Схождение близко. Тропа Ладоней. Врата одиночников и д'иверсов. Несчастливое совпадение.

Дукер нахмурился.

– Ты же говорил – Телланн...

– Так и было! – отрезал колдун. – Смешиваются ли оборотничество и Старший Телланн? Неведомо. Быть может, д'иверсы и одиночники просто проходили по этому Пути – сочли, что там нет т'лан имассов и потому безопасно. Воистину, нет т'лан имассов, которые могли бы покарать нарушителей, биться приходится только друг с другом.

– Ну, тогда милости просим, пускай истребляют один другого, – проворчал историк, ноги его подгибались, так что Дукер вскоре тоже уселся на землю рядом с Сормо.

– Я тебе скоро помогу, – заявил Кальп.

Кивнув, Дукер обнаружил, что внимательно наблюдает за жуком-навозником, который героически пытался двинуть с пути кусок пальмовой коры. Историк почувствовал в этой картине какую-то фундаментальную истину, но сформулировать её уже не было сил.

Глава пятая

Бхок'аралы, видимо, происходят из пустошей Рараку. Довольно быстро эти стайные создания расплодились и расселились по всей территории Семи Городов. Как хороших истребителей крыс их не только терпели, но и привечали во многих поселениях. Через некоторое время торговля одомашненными породами бхок'аралов расцвела...

Использование и подселение демонов в тела этих созданий магами и алхимиками – предмет для более специализированной работы, нежели эта. Заинтересованные учёные смогут найти краткий анализ в «Триста двадцать первом трактате Барука»...

Имригин Таллобант. Обитатели пустыни Рараку

Если не считать песчаной бури – которую путники переждали в Тробе – и тревожных вестей о резне в Ладровой крепости, которые им сообщил верховой охранник из вооружённого до зубов каравана, шедшего в Эрлитан, дорога для Скрипача, Крокуса и Апсалар выдалась вполне спокойной вплоть до того самого часа, пока на горизонте не показался Г’данисбан.

Скрипач хоть и понимал, что опасности, поджидающие их к югу от города, в Пан’потсун-одане, должны бы напрочь лишить его покоя, всё же предвкушал тихий и мирный участок пути до ворот Г’данисбана. Чего он совершенно не ожидал, так это обнаружить разношёрстную армию повстанцев, разбившую лагерь прямо под стенами города.

Дорога проходила строго посередине главного лагеря, но с севера армию прикрывала тонкая гряда холмов. Тракт привёл ничего не подозревающих путников прямо к укреплениям на периметре. Всё произошло очень быстро.

Рота пехотинцев следила за дорогой с ближайшего холма и занималась тщательным допросом всех путешественников, собиравшихся войти в город. Пехоту поддерживали два десятка аракских всадников, в задачу которых, видимо, входило догонять путников, которые предпочли бы бежать прочь от города, чем приближаться к наскоро собранной баррикаде.

Скрипачу и его подопечным ничего не оставалось, как ехать вперёд и положиться на свой маскарад. В его надёжности сапёр был совершенно не уверен, в итоге нахмурился и насупился столь убедительно по-гральски, что двое-трое солдат, которые выступили из-за баррикады, чтобы остановить путников, заметно встревожились.

– Город закрыт, – заявил не дрогнувший стражник, который стоял ближе всего к путникам. В довершение своих слов он смачно сплюнул под копыта мерину Скрипача.

Потом говорили, что даже гральский конь узнает оскорбление и не спустит. Прежде чем Скрипач успел открыть рот, конь вытянул шею, вырвав поводья из рук сапёра, и вцепился зубами в лицо солдату. Мерин повернул голову так, что челюсти сомкнулись на щеках и захватили верхнюю губу и нос. Хлынула кровь. Стражник мешком рухнул на землю, издав пронзительный, воющий звук.

Поскольку тянуть стало не за что, Скрипач ухватил мерина за уши и сильно дёрнул, заставив коня отступить ровно в тот миг, когда он уже приготовился добить упавшего солдата копытами. Пытаясь скрыть потрясение под ещё более злобной миной, сапёр начал поливать отборнейшей гральской бранью двух оставшихся солдат, которые в панике отскочили назад, а потом опустили пики.

– Вонючие отродья бешеных собак! Корки дерьма под козьим хвостом! Чтоб дали молодожёнам такое увидеть?! Как вы проклинаете их брак всего через две недели после благословенного дня? Что мне, вшей с головы натравить, чтоб они недостойную плоть сняли с ваших водянистых костей?

Пока Скрипач продолжал выкрикивать все гральские проклятья, какие только смог вспомнить, чтобы не дать стражникам прийти в себя, с холма диким галопом спустился отряд аракских всадников.

– Грал! Десять джакат за твоего коня!

– Дюжину, грал! Но чтоб мне!

– Пятнадцать и мою младшую дочь в придачу!

– Пять джакат за три волоса из его хвоста!

Скрипач набычился и смерил конников яростным взглядом.

– Да никто из вас не достоин даже пук его понюхать! – Затем он ухмыльнулся, отвязал бурдюк с пивом и швырнул его одной рукой ближайшему араку. – Если дадите нам переночевать в вашем лагере, за серебреник можете рукой почувствовать, какой он горячий – но только один раз! За больше – платите!

С диковатыми усмешками араки передавали бурдюк друг другу, делая по глубокому глотку, чтобы завершить ритуальный обмен. Поделившись пивом, Скрипач признал их за равных, тем самым вырвав ядовитое жало из своих оскорблений и проклятий.

Скрипач оглянулся на Крокуса и Апсалар. Оба выглядели потрясёнными. Справившись с неожиданным приступом дурноты, сапёр подмигнул.

Стражники наконец пришли в себя, но прежде, чем они смогли подойти ближе, всадники сдвинули коней, чтобы загородить Скрипача и его подопечных.

– Скачи с нами! – крикнул сапёру один из араков.

Все как один конники сорвались с места. Подхватив поводья, Скрипач пришпорил мерина и поскакал следом, а затем вздохнул, услышав, что «молодожёны» тоже не отстают.

Араки явно затеяли гонку до своего лагеря, но, словно почувствовав новообретённую славу, гральский конь явно решил из кожи выпрыгнуть, чтобы победить. Скрипач раньше никогда не ездил на таком темпераментном животном и даже невольно заулыбался, хотя изуродованное лицо стражника по-прежнему стояло у сапёра перед глазами и заставляло кишки в животе сворачиваться в холодный узел.

Типи⁴ араков растянулись шеренгой вдоль гребня продуваемого всеми ветрами холма, каждый стоял на приличном расстоянии от прочих, чтобы даже вечерняя тень не смогла упасть на порог соседа и нанести ему оскорбление. Женщины и дети столпились на вершине, чтобы понаблюдать за гонкой. Они разразились криками, когда конь Скрипача вырвался на переднюю линию и качнулся, чтобы толкнуть плечом самого быстрого соперника. Лошадь арака споткнулась так, что всадник чуть не вылетел из своего деревянного, обитого войлоком седла, – и, поотстав, отчаянно заржала.

Оказавшись впереди всех, Скрипач наклонился к холке мерина, который уже добрался до подножия холма и помчался по поросшему травой склону. Толпа расступилась, когда сапёр оказался на вершине и придержал коня среди типи.

Как и любое другое равнинное племя, араки предпочитали ставить лагерь на вершинах холмов, а не в защищённых долинах. Ветра отгоняли насекомых, края типи приваливали камнями, чтобы не унесло, а заход и восход солнца всегда можно было увидеть, чтобы совершить обряд благодарения.

Скрипач сразу узнал такое расположение, поскольку ездил по этим землям с виканскими разъездами во время кампаний старого Императора. В центре, среди кольца типи, виднелся обложенный камнями очаг. Четыре деревянные жерди, обвязанные пеньковой верёвкой, служили загоном для лошадей. Мотки накатанного войлока лежали и сушились неподалёку, рядом с треножниками, на которых висели растянутые шкуры и полоски мяса.

Около дюжины собак сразу же окружили фыркающего мерина, а Скрипач выпрямился в седле, пытаясь собраться с мыслями. Костлявые, голосистые дворняги могут стать проблемой, но сапёр понадеялся, что они так облаивают всех чужаков, включая гралов. В противном случае маскараду конец.

Вскоре на вершину вылетел отряд араков. Конники кричали и хохотали, останавливая лошадей и прыгая на землю. Последними на гребень поднялись Крокус и Апсалар, которым явно было не до веселья.

⁴ Типи – переносное жилище кочевых народов, имеет форму прямого или слегка наклонённого назад конуса или пирамиды.

Увидев их лица, Скрипач вспомнил изуродованного стражника на дороге внизу. Сапёр снова нахмурился и спешился.

– Город закрыли? – выкрикнул он. – Опять мезланская дурь!

Арак, который заговорил с ним на дороге, подошёл ближе, на узком лице играла яростная ухмылка.

– Не мезланская! Г’данисбан освобождён! Южане, как зайцы, бежали в предчувствии Вихря!

– Так почему нас не пускают в город? Разве мы мезланы?

– Очищение, грал! Мезланские торговцы и знать отравляют Г’данисбан. Их вчера всех арестовали, а сегодня казнят. Завтра утром ты введёшь свою благословенную чету в свободный город. Пойдём! Нынче ночью у нас празднество!

Скрипач присел на корточки по-гральски.

– Значит, Ша’ик уже подняла Вихрь? – Он покосился на Крокуса и Апсалар, словно жалел, что принял на себя такую ответственность. – Война началась, арак?

– Скоро, – ответил тот. – Наше проклятье – нетерпение, – добавил он с самодовольной ухмылкой.

Подошли Крокус и Апсалар. Арак удалился, чтобы помочь другим в подготовке вечернего празднества. Под копыта мерина бросали монетки и осторожно тянули руки, чтобы легонько коснуться его шеи и боков. На несколько минут трое путников остались одни.

– Эту картину я никогда не забуду, – проговорил Крокус, – хотя очень хотелось бы, клянусь Худом. Тот бедолага будет жить?

Скрипач пожал плечами.

– Если захочет.

– Мы сегодня заночуем здесь? – спросила Апсалар, оглядываясь по сторонам.

– Либо так, либо оскорбим этих араков, за что нас могут и расчленить.

– Долго их обманывать не удастся, – сказала Апсалар. – Крокус ни слова не понимает на местном наречии, а у меня малазанский акцент.

– Этот солдат – мне почти ровесник, – прошептал даруджийский вор.

Хмурясь, сапёр проговорил:

– Выбор у нас один: ехать в Г’данисбан, чтобы увидеть своими глазами отмщение Вихря.

– Очередное празднование того, что ещё не случилось? – фыркнул Крокус. – Этого треклятого Апокалипсиса, который ты всё время поминаешь? У меня такое чувство, что жители этой страны ничего не делают, а только говорят да говорят.

Скрипач откашлялся.

– Сегодня вечером в Г’данисбане, – медленно проговорил он, – заживо сдерут кожу с нескольких сотен малазанцев, Крокус. Если мы выкажем желание увидеть это торжество, араки могут простить наш поспешный уход.

Апсалар обернулась и увидела шестерых приближающихся араков.

– Действуй, Скрипач, – сказала она.

Сапёр чуть было не отдал честь. Он сдавленно прошипел проклятье.

– Ты что, мне приказы отдаёшь, новобранец?

Апсалар заморгала.

– Думаю, я отдавала приказы... когда ты ещё за подол матери держался, Скрипач. Да-да, знаю: не я, а тот, кто меня одержал. Это *его* инстинкты сейчас звенят как сталь, бьющая в камень. Делай, как я говорю.

Ответить сапёр не успел – подошли араки.

– Ты благословен, грал! – сказал один из них. – Гральский клан приближается, чтобы присоединиться к Апокалипсису! Будем надеяться, что, подобно тебе, они привезли своё пиво!

Скрипач совершил ритуальный жест родства, затем сурово покачал головой.

– Не сложится, – заявил он и внутренне задержал дыхание. – Я – изгой. К тому же эти молодожёны желают войти в город... чтобы узреть казни и обрести большее благословение своему союзу. Я их сопровождаю, так что должен подчиняться.

Апсалар шагнула вперёд и поклонилась:

– Мы не хотим оскорбить вас.

Дело было плохо. Лица араков помрачнели.

– Изгой? Никто из родичей не почтит твой след, грал? Может, нам следует задержать тебя, чтоб твои братья смогли отомстить, а в благодарность они оставят нам твоего коня.

С потрясающей выразительностью Апсалар топнула ножкой, чтобы выказать возмущение избалованной дочки и молодой жены.

– Я беременна! Обидите меня – прокляну! Мы едем в город! Сейчас же!

– Найми одного из нас на остаток пути, благословенная женщина! Но оставь безродного грала! Он не достоин служить тебе!

Апсалар задрожала и приготовилась поднять закрывавший лицо покров, чтобы провозгласить проклятье.

Араки отшатнулись.

– Вам только мерин нужен! Это всё одна лишь жадность! Сейчас я вас всех прокляну...

– Прости!

– Кланяемся, благословенная!

– Не касайся покрова!

– Уезжайте же! В город! Езжайте!

Апсалар заколебалась. На миг даже Скрипачу показалось, что она их всё-таки сейчас проклянёт. Но девушка отвернулась от араков.

– Веди нас, грал, – сказала она.

Под встревоженными, перепуганными взглядами кочевников трое спутников взобрались в сёдла.

Тот арак, что прежде говорил с ними, снова подошёл к сапёру.

– Задержись только на ночь, а затем скачи быстро, грал. Твои родичи наверняка отправятся в погоню.

– Скажи им, – проговорил Скрипач, – что коня я получил в честном бою. Так им скажи.

Арак нахмурился.

– А они знают, о чём речь?

– Какой клан?

– Себарки.

Сапёр покачал головой.

– Тогда они погонятся за тобой просто ради удовольствия. Но я передам им твои слова. Этот конь и вправду стоит того, чтобы за него убить.

Скрипач вспомнил пьяного грала, у которого купил мерина в Эрлитане. За три джакаты. Кочевники, которые переселились в города, потеряли многое.

– Будете пить моё пиво сегодня, арак?

– Будем. Пока не прибудут гралы. Езжай.

...Спутники выехали на дорогу и уже приблизились к северным воротам Г'данисбана, когда Апсалар заговорила:

– У нас неприятности, верно?

– Это тебе инстинкты подсказывают, девочка?

Апсалар скорчила гримасу.

– Ну да, – вздохнул Скрипач. – Неприятности. Ох, и зря я назвался изгоем. Теперь-то, учитывая, как ты с ними обошлась, думаю, хватило бы просто пригрозить им проклятьем.

– Возможно.

Крокус откашлялся.

– Мы что, действительно поедem смотреть на казни, Скрип?

Сапёр покачал головой.

– Вот уж нет! Поедем прямо через город, если сможем. – Он покосился на Апсалар. – Только норов попридержи, девочка. Ещё одно такое выступление – и жители тебя на золотые носилки посадят да на собственных плечах из города понесут.

В ответ она только криво улыбнулась.

Скрип, старик, не вздумай влюбляться в эту женщину, иначе станешь чуть меньше заботиться о жизни парня да потом ещё и скажешь, мол, судьба такая, не повезло...

Кровь окрасила истёртые камни мостовой под северными воротами, а под стенами арки валялись – изломанные и растоптанные – деревянные игрушки. Поблизости звучали предсмертные крики детей.

– Это невозможно, – пробормотал побледневший Крокус. Он ехал рядом со Скрипачом, а Апсалар держалась сразу за ними.

На дальнем конце улицы мелькали фигуры мародёров и вооружённых людей, но сами ворота в город, как ни странно, никто не охранял. Всё заволакивала пелена дыма, повсюду зияли чёрные окна и двери выгоревших лавок и домов торговцев.

Спутники ехали среди обломков догорающей мебели, разбитых горшков и прочей посуды, тел, замерших в позах насильственной смерти. Предсмертные крики детей справа наконец прекратились, но вдаль, в самом сердце Г’данисбана, продолжали звучать отчаянные вопли.

Вдруг из переулка почти под ноги лошадям вылетела фигура – девочка, голая и покрытая синяками. Она бежала так, словно не замечала спутников, а потом нырнула под разбитую повозку шагах в пятнадцати от Скрипача и остальных.

Вслед за ней появились шестеро вооружённых мужчин. Оружие у них было разнородное, доспехов никто не носил. На потрёпанных телах чернели потёки запекшейся крови. Один заговорил:

– Эй, грал! Девчонку видел? Мы с ней ещё не закончили.

Прежде чем Скрипач успел ответить, другой ухмыльнулся и указал на повозку. Под ней явно виднелись колени и ступни девочки.

– Мезланка? – спросил Скрипач.

Главарь пожал плечами.

– А кто ещё? Не бойся, грал, мы поделимся.

Сапёр услышал, как Апсалар испустила тихий, долгий вздох. Он чуть откинулся в седле.

Группа разделилась, чтобы обойти Скрипача, Крокуса и Апсалар. Сапёр небрежно склонился в сторону ближайшего мужчины и вонзил острие своего длинного ножа ему в основание черепа. Гральский мерин крутнулся под Скрипачом и лягнул обеими задними ногами так, что проломил копытами грудь другого человека и отбросил тело далеко в сторону.

Скрипач натянул поводья, а затем ударил пятками в бока коню. Тот метнулся вперёд и подмял не в меру щедрого главаря. Из-под тяжёлых копыт мерина послышался треск костей

и тошнотворный звук раскалывающегося черепа. Скрипач повернулся в седле, чтобы найти оставшихся троих.

Двое мужчин корчились от невыносимой боли рядом с Апсалар, которая спокойно сидела в седле, сжимая в затянутых в перчатки руках по широкому ножу-кефре.

Крокус спешился и теперь присел рядом с последним телом, чтобы выдернуть метальный нож из окровавленного горла жертвы.

Все трое обернулись, услышав треск глиняных черепков, и увидели, что девочка выбралась из-под повозки, поднялась на ноги, а затем стрелой метнулась в тень переулка и скрылась из виду.

Затем из-под арки северных ворот послышался топот копыт.

– Скачите вперёд! – рявкнул Скрипач.

Крокус запрыгнул на спину своему коню. Апсалар убрала клинки в ножны и коротко кивнула сапёру, собирая поводья.

– Через город – к южным воротам!

Скрипач проводил взглядом уходящих галопом лошадей, затем соскользнул со спины мерина и подошёл к тем двоим, которых ранила Апсалар.

– Ага, – выдохнул он, когда подошёл ближе и увидел, что обоим девушка вспорола пах, – вот эту девчонку я знаю.

В город въехал отряд всадников. Все они повязали наискосок через грудь охряные кушаки поверх кольчуг. Командир уже было открыл рот, чтобы заговорить, но Скрипач успел первым:

– Неужто всякой дочери грозит опасность в этом семи-проклятом городе?! Она вовсе не мезланка была, клянусь предками! Такой у вас Апокалипсис? Тогда я помолюсь, чтоб ямы со змеями ждали вас всех в Семи Преисподних!

Командир нахмурился.

– Грал, ты утверждаешь, что эти люди были насильниками?

– Мезланские потаскухи получают, что заслужили, но эта девочка была никакая не мезланка.

– И ты убил их. Всех шестерых.

– Да!

– А кто были другие два всадника с тобой?

– Паломники, которых я поклялся защищать.

– И вот они поехали в сердце города... а ты остался тут.

Скрипач нахмурился.

Командир поглядел на жертв.

– Двое ещё живы.

– Да будут они прокляты ещё сотней тысяч вздохов, прежде чем Худ их заграбастает.

Командир опёрся на луку седла и немного помолчал.

– Догоняй своих паломников, грал. Им нужна твоя защита.

С ворчанием Скрипач снова сел в седло.

– Кто теперь правит в Г’данисбане?

– Никто. Армия Апокалипсиса удерживает только два квартала. Остальные возьмём к утру.

Скрипач развернул коня, ударил пятками в бока и пустил лёгким галопом. Отряд за ним не последовал. Сапёр выругался себе под нос – командир был прав, нельзя было посылать Крокуса и Апсалар в город одних. Повезло ещё, что это выглядело типично по-гральски – не мог же «настоящий грал» упустить возможность похвастаться перед краснопоясными всадниками, разразиться проклятиями и лишний раз продемонстрировать неприступную гордыню кочевника – но это же выглядело наплевательски по отношению к клятве защищать

паломников. В глазах командира Скрипач заметил лёгкое презрение. В общем, он повёл себя немного *слишком* по-гральски. Если бы не пугающие дарования Апсалар, эти двое сейчас были бы в серьёзной опасности.

Сапёр поскакал в город и с некоторым запозданием заметил, что мерин слушается каждого его движения. Конь, конечно, знал, что Скрипач не грал, но, судя по всему, решил, будто ведёт он себя вполне подобающе, так что можно и проявить немного уважения. И это, подумал Скрипач, единственная сегодняшняя победа.

На центральной площади Г'данисбана разразилась бойня. Скрипач догнал своих спутников, когда они ещё только пустили лошадей шагом, оглядывая чудовищную картину. На стук копыт оба обернулись, и Скрипач смог только кивнуть, увидев облегчение на лицах, когда они его узнали.

На краю площади замешкался даже гральский мерин. Тел на каменной мостовой было несколько сотен. В основном старики, старухи да дети. Всех зверски порубили на куски или, в некоторых случаях, сожгли заживо. Вонь разогретой на солнце крови, жёлчи и палёной плоти густым облаком окутывала площадь.

Скрипач сглотнул, чтобы подавить отвращение, откашлялся.

– За этой площадью, – проговорил он, – никто даже не притворяется, будто что-то контролирует.

Крокус обвёл сцену дрожащей рукой.

– Это всё малазанцы?

– Да, парень.

– Во время завоевания малазанцы так же поступали с местными?

– Ты к тому, что это только воздаяние?

Апсалар заговорила, и в её голосе прозвучало почти личное чувство:

– Император воевал с армиями, а не с мирными жителями...

– Если не считать Арэна, – язвительно вставил Скрипач, припомнив собственные слова, обращённые к таннойскому духовидцу. – Когда в городе поднялись т'лан имассы...

– Не по приказу Келланведа! – возразила она. – Кто направил т'лан имассов в Арэн? Я тебе скажу. Стерва, глава Когтей, женщина, которая выбрала себе новое имя...

– Ласиин. – Скрипач удивлённо поглядел на девушку. – Такого утверждения я прежде не слышал, Апсалар. Не было никаких письменных приказов – не нашли, во всяком случае...

– Нужно было её убить прямо там и тогда, – пробормотала Апсалар.

Скрипач ошеломлённо посмотрел на Крокуса. Даруджиец только покачал головой.

– Апсалар, – медленно сказал сапёр, – ты же была ребёнком, когда Арэн восстал, а затем пал перед т'лан имассами.

– Я знаю, – ответила девушка. – Но эти воспоминания... такие ясные. Меня... послали в Арэн... увидеть бойню. Выяснить, что случилось. Мы... *ругались* со Стервой. Никого больше не было в той комнате. Только Стерва и... и я.

Спутники добрались до противоположного конца площади. Скрипач придержал коня и долго молча смотрел на Апсалар.

Крокус сказал:

– Тебя одержал Узел, покровитель убийц. Но эти воспоминания принадлежат...

– Танцору. – Скрипач вдруг понял, что это правда. – У Узла есть и другое имя. Котильон. Худов дух, это ведь так очевидно! Никто даже не усомнился, что произошло убийство. Обоих – Танцора и Императора... убили Ласиин и её преданные Старшие Когти. Что Ласиин сделала с телами? Никто не знает.

– Значит, Танцор остался жив, – нахмурившись, проговорил Крокус. – И Взошёл. Стал богом-покровителем на Пути Тени.

Апсалар промолчала, только смотрела и слушала, стараясь, чтобы лицо её ничего не выражало.

Скрипач костерил себя на чём свет стоит – как же можно было быть таким слепым идиотом?

– А какой Дом появился в Колоде Драконов вскоре после этого? Тень. Два новых Взошедших. Котильон... и Престол Тени...

Крокус широко распахнул глаза.

– Престол Тени – это Келланвед, – сказал он. – Их не убили – ни того, ни другого. Они Взошли – и таким образом сбежали.

– Во владения Тени, – невесело улыбнулся Скрипач. – Чтобы там лелеять мысли об отмщении, которые в конце концов заставили Котильона одержать юную девушку из Иткo-Кана и начать долгий, хитроумный путь к Ласии. Но ничего не вышло. Апсалар?

– Верно говоришь, – ровным голосом ответила она.

– Так почему же, – спросил сапёр, – Котильон не открылся нам? Скворцу, Каламу? Дуджеку? Проклятье, Танцор знал всех нас – и если этот ублюдок имел хоть какое-то представление о дружбе, то все, кого я назвал, были его друзьями...

Апсалар неожиданно расхохоталась, что покорило обоих мужчин.

– Можно было бы соврать и сказать, что он хотел вас защитить. Ты действительно хочешь знать правду, «мостожог»?

Скрипач почувствовал, что краснеет.

– Да, хочу, – проворчал он.

– Танцор доверял только двум людям. Одним из них был Келланвед. Другим – Дассем Ультор, Первый Меч. Дассем мёртв. Мне жаль, если это тебя огорчает, Скрипач. Если подумать, я бы предположила, что *Котильон* не доверяет никому. Даже Престолу Тени. Императору Келланведу ещё можно было верить. *Взошедшему* Келланведу – Престолу Тени... нет, это уже совсем другое дело.

– Ну и дурак он, значит, – заявил Скрипач, собирая поводья.

Улыбка Апсалар была до странности печальной.

– Хватит слов, – сказал Крокус. – Давайте выбираться из этого проклятого города.

– Да уж.

Вопреки предостережениям командира повстанцев, до южных ворот спутники доехали без приключений. Улицы тонули во мгле, а дым от догорающих зданий растёкся едкой пеленой так, что дышать стало тяжело. Они ехали по молчаливому миру, где бойня уже миновала, ярость отступила, и вместе с осознанием возвращались потрясение и стыд.

Скрипач понимал, что это лишь короткая передышка, за которой последует всё разрастающийся пожар. Если бы малазанские легионы не вывели из Пан'потсуна, оставался бы шанс подавить его первые искры – с не меньшей жестокостью. Когда участники кровавой бойни сами становятся её жертвами, жажда крови утоляется быстро.

Император бы действовал стремительно и решительно. *Худов дух, да он бы никогда не позволил делу зайти так далеко.*

Меньше чем через десятую часть колокола спутники проехали под почерневшей аркой неохраемых южных ворот. Впереди раскинулся Пан'потсун-одан, ограниченный с запада грядой, за которой начиналась священная пустыня Рараку. На небе уже замерцали первые звёзды.

Затянувшееся молчание нарушил Скрипач:

– Примерно в двух лигах к югу есть деревня. Если повезёт, она ещё не стала поживой для падальщиков. Пока что, по крайней мере.

Крокус откашлялся.

– Скрипач, если бы Калам знал... про Танцора, ну, то есть про Котильона...

Сапёр скривился и покосился на Апсалар.

– Она бы сейчас была с ним.

Никто не узнал, что собирался ответить Крокус, потому что с неба с громким писком упала маленькая тень и, хлопая крыльями, врезалась в спину юноше. Крокус испуганно завопил, когда создание вцепилось ему в волосы и забралось на голову.

– Это же Моби, – проговорил Скрипач, пытаясь избавиться от страха, который вызвало внезапное появление фамилиара. Сапёр прищурился. – Похоже, он с кем-то подрался.

Крокус стащил Моби с головы и взял на руки.

– Да он истекает кровью!

– Думаю, ничего серьёзного, – сказал Скрипач.

– Почему ты так уверен?

Сапёр ухмыльнулся.

– Видел когда-нибудь брачные игры бхок'аралов?

– Скрипач. – В голосе Апсалар прозвучало напряжение. – За нами гонятся.

Придержав коня, Скрипач встал в стременах и обернулся. Вдалеке виднелось облако пыли. Сапёр шёпотом выругался.

– Гральский клан.

– Наши кони устали, – сказала Апсалар.

– Ага. Королева, пошли нам свежих лошадей в Новом Веларе.

У подножия трёх сходящихся гряд Калам сошёл с ложной тропы и осторожно провёл лошадь по узкому сточному каналу. Старые воспоминания о путях, ведущих в Рараку, наливались тяжестью в костях. *Всё изменилось, но на самом деле не изменилось ничего.*

Из бесчисленных троп, что змеились среди холмов, почти все вели только к смерти. Ложные пути хитроумно обходили немногие колодцы и ручьи. Без воды солнце в Рараку становилось смертоносным спутником. Калам знал Священную пустыню, карта в голове – пусть и прошли десятки лет – заново оживала при виде каждой новой приметы, каждой вехи. Вершины, наклонные камни, поворот паводочного канала – Калам словно никогда и не уезжал, будто пропали новые привязанности, вступившие в противоречие со старой преданностью. *Вновь я – дитя этой пустыни. Вновь – слуга её священных потребностей.*

Как ветер и солнце придавали форму песку и камню, Рараку обтёсывала всех, кто узнавал её. Переход через Рараку навсегда запечатлелся в душах трёх рот, которые потом стали называться «Мостожогами». *Мы и вообразить не могли другого имени. Рараку сожгла наше прошлое, оставив за спиной только пепел.*

Он повернул жеребца, и тот начал взбираться по склону, так что из-под копыт полетели камешки. Нужно было держаться верного пути – вдоль гряды, которая медленно понижалась к западу, чтобы скрыться в песках Рараку.

Звёзды над головой блестели, словно острия ножей. Выжженные известняковые утёсы серебрились в призрачном лунном свете, будто отражали воспоминания о миновавшем дне.

Убийца провёл коня между развалинами двух смотровых башен. Под копытами жеребца хрустывали черепки и обломки кирпича. С тихим хлопаньем крыльев с его пути метнулись ризаны. Калам почувствовал, что вернулся домой.

– Ни шагу дальше, – произнёс хриплый голос.

С улыбкой Калам натянул поводья.

– Смелое заявление, – продолжил голос, – этот жеребец цвета песка, красная телаба...

– Я заявляю о том, кто я есть, – небрежно ответил Калам. Он уже определил, откуда звучит голос – из глубокой тени у сточного колодца за левой башней. На убийцу был направлен взведённый арбалет, но Калам знал, что сможет уклониться от стрелы, если скатится с

седла так, чтобы жеребец оказался между ним и незнакомцем. И дело завершат два точно брошенных в тёмную фигуру в тени ножа. Ничего опасного.

– Разоружи его, – добавил голос.

Две крепкие руки сомкнулись на запястьях Калама и сильно потянули назад, так что разразившийся яростными проклятиями убийца проехал по крупу коня и оказался на земле. В тот же миг руки подхватили его и швырнули лицом вниз на камни. Удар вышиб воздух из лёгких. Калам беспомощно корчился на земле.

Он услышал, как тот, что заговорил, поднялся из своего убежища за колодцем и подошёл ближе. Жеребец попытался его укусить, но успокоился, едва незнакомец произнёс единственное тихое слово. Убийца услышал, что седельные сумки сняли с коня и поставили на землю. Открыли.

– Ага, значит, это *он*.

Руки отпустили Калама. Со стоном убийца перевернулся. Над ним возвышался настоящий великан. Татуировки покрывали его лицо так густо, что напоминали трещины в разбитом стекле. Слева с плеча на грудь спускалась толстая коса. Поверх доспеха, который, похоже, собрали из раковин моллюсков, великан набросил плащ из шкуры бхедерина. Деревянная рукоять и каменное навершие какого-то клинкового оружия торчали под левой рукой. Широкий пояс, удерживавший набедренную повязку, был украшен странными предметами, которые показались Каламу похожими на засушенные шапки грибов разных размеров. Росту в незнакомце было больше семи футов, но всё равно он казался широким из-за огромной горы мускулов. Глаза на плоском лице ничего не выражали.

Восстановив дыхание, убийца сел.

– Чародейская тишина, – проворчал он себе под нос.

Человек, который сейчас держал в руках Книгу Апокалипсиса, услышал и фыркнул:

– Воображаешь, что никто из смертных не может подкрасться к тебе так, чтобы ты не услышал. Убеждаешь себя, что для этого нужна магия. И ошибаешься. Мой спутник – тоблакай, беглый раб с плато Лейдерон в Генабакисе. Семнадцать раз он встретил лето и лично убил сорок и одного врага. Их уши у него на поясе. – Человек поднялся и протянул Каламу руку. – Добро пожаловать в Рараку, Податель. Наше долгое бдение подошло к концу.

Поморщившись, Калам принял протянутую руку и легко поднялся на ноги. Убийца стряхнул пыль с одежды.

– Значит, вы не разбойники.

Незнакомец рассмеялся.

– О нет. Я – Леоман, капитан телохранителей Ша'ик. Мой спутник отказывается называть своё имя незнакомцам, на том и остановимся. Нас двоих она избрала.

– Я должен подать Книгу в руки Ша'ик, – заявил Калам, – а не тебе, Леоман.

Низкорослый воин – судя по цвету кожи и одежде, дитя этой пустыни – протянул ему Книгу.

– Конечно. Прошу.

Убийца осторожно принял тяжёлый, потрепанный том.

Позади заговорила женщина:

– Теперь можешь отдать её мне, Податель.

Калам медленно закрыл глаза, пытаясь собрать в кулак истрёпанные нервы. Он обернулся.

Никаких сомнений. От невысокой женщины с медвяной кожей волнами раскатывалась сила, запах пыли и песка, иссечённого ветрами, вкус соли и крови. Довольно невзрачное лицо покрывали глубокие морщины, так что казалось – ей около сорока, хотя Калам подзревал, что она младше: Рараку – суровая обитель.

Непроизвольно Калам опустился на одно колено. Вытянул вперёд Книгу.

– Я подаю тебе, Ша'ик, Апокалипсис.

И вместе с ним море крови – сколько невинных жизней погибнет, чтобы только низвергнуть Ласиин? Худ меня побери, что же я наделал?

Вес Книги покинул его руки, когда Ша'ик приняла её.

– Она повреждена.

Убийца поднял глаза и медленно поднялся.

Ша'ик хмурилась, касаясь пальцем оторванного угла кожаного переплёта.

– Что ж, не стоит удивляться, ей ведь тысяча лет. Благодарю тебя, Податель. Присоединишься ли ты теперь к моему отряду воинов? Я чувствую в тебе великое дарование.

Калам поклонился.

– Я не могу. Моя судьба – в другом.

Беги, Калам, прежде чем захочешь испытать умения этих телохранителей. Беги, пока неуверенность не погубила тебя.

Её тёмные глаза испытующе впились в него, затем удивлённо расширились.

– Я чувствую часть твоего устремления, хоть ты и хорошо его прячешь. Скачи. Путь на юг открыт для тебя. Более того, я дам тебе охрану...

– Мне не нужна охрана, Провидица...

– Но тем не менее ты её получишь.

Ша'ик взмахнула рукой, и из мрака выступила громадная, неуклюжая фигура.

– Священная! – предостерегающе зашипел Леоман.

– Ты усомнился во мне? – резко спросила Ша'ик.

– Тоблакай – сам по себе стоит армии, да и мои умения немалы, Священная, но всё же...

– С самого детства, – перебила его Ша'ик ломким голосом, – одно видение владело мною больше, чем остальные. Я видела этот миг, Леоман, – тысячу раз! На заре я открою Книгу, и поднимется Вихрь, и из него я восстану... обновлённой. «С клинком в руке и без руки, дающей мудрость» – таковы слова ветра. Молодая, но старая. Одна жизнь полная, другая – незавершённая. *Я видела*, Леоман! – Она судорожно вздохнула. – Я не вижу другого будущего, кроме этого. Мы в безопасности. – Ша'ик снова обернулась к Каламу. – Недавно у меня появился... питомец, которого я теперь посылаю с тобой, ибо чувствую в тебе... особые возможности, Податель.

Она вновь взмахнула рукой. Огромная неуклюжая фигура придвинулась, и Калам невольно отступил на шаг. Жеребец тихо взвизгнул и замер, дрожа крупной дрожью.

Леоман сказал:

– Аптори, Податель, из владений Тени. Её прислал в Рараку Престол Тени, чтобы... шпионить. Теперь она принадлежит Ша'ик.

Это было кошмарное чудовище: ростом около девяти футов, на двух коротких и тонких задних лапах. Единственная передняя нога – длинная и многосуставная – торчала из странно разветвлённой груди. От изогнутых, угловатых лопаток поднималась гибкая шея демона, которая заканчивалась плоской вытянутой головой. Тонкие, как иглы, зубы торчали из пасти, уголки которой приподнимались вверх, так что на морде застыла вечная ухмылка вроде дельфиньей.

Голова, шея и конечности были чёрными, а торс – тёмно-серым. Единственный плоский чёрный глаз смотрел на Калама до ужаса разумным взглядом.

Убийца увидел на демоне едва зажившие шрамы.

– Он дрался?

Ша'ик нахмурилась.

– Д'иверс. Пустынные волки. Она их отогнала...

– Скорей, это было тактическое отступление, – сухо добавил Леоман. – Это создание не ест и не пьёт, по крайней мере, мы этого никогда не видели. И хотя Священная полагает

иначе, оно кажется совершенно безмозглым – взгляд, вероятнее всего, только маска, за которой мало что скрыто.

– Леоман осыпает меня сомнениями, – сказала Ша'ик. – Таково избранное им призвание, и меня оно утомляет всё больше.

– Сомневаться – полезно, – брякнул Калам и лишь потом прикусил язык.

Священная улыбнулась.

– Я почувствовала, что вы двое похожи. Что ж, оставь нас. Семи Святым ведомо, довольно с меня и одного Леомана.

Бросив последний взгляд на молодого тоблакая, убийца взлетел обратно в седло, повернул жеребца на южную тропу и пустил рысью.

Аптори явно предпочитала сохранять между ними некоторую дистанцию; она двигалась параллельным курсом более чем в двадцати шагах от Калама тёмным пятном в ночи, шагая – неуклюже, но бесшумно – на трёх костистых ногах.

Через десять минут езды быстрой рысью убийца придержал коня и пустил его шагом. Он доставил Книгу, лично обеспечил восстание Вихря. Ответил на зов своей крови, пусть и не с самыми чистыми мотивами.

Впереди лежали задачи другой его жизни. Он убьёт Императрицу, чтобы спасти Империю. Если всё получится, восстание Ша'ик обречено. Порядок будет восстановлен. *А если я не справлюсь, они обескровят друг друга до изнеможения, Ша'ик и Ласин, две женщины одного покроя – Худов дух, они даже внешне похожи!* Теперь Каламу легко было представить в собственной тени сотню тысяч смертей. И он даже подумал, что сейчас в Семи Городах читающие Колоду Драконов подняли в дрожащих руках заново пробуждённого Вестника Смерти. *Благословенная Королева, дело сделано.*

За несколько минут до рассвета Ша'ик села, скрестив ноги, перед Книгой Апокалипсиса. По сторонам расположились её телохранители – каждый в разрушенной башне. Молодой тоблакай опёрся на свой двуручный меч из железного дерева. На голове у него поблёскивал старый бронзовый шлем без боковых щитков, его глаза тонули в узкой прорези полузабрала. Его спутник скрестил на груди руки. На затянутом в шкуру бедре висел арбалет. За широкий кожаный пояс были заткнуты два одноручных моргенштерна. Поверх островерхого железного шлема он намотал выцветший шарф от телабы. Под ним виднелось гладко выбритое лицо, изборождённое морщинами, что появились за тридцать лет, проведённых под солнцем и ветром. Светло-голубые глаза ни на чём не останавливались подолгу.

Лучи рассвета коснулись Ша'ик. Священная протянула руку и открыла Книгу.

Стрела вонзилась ей в лоб на дюйм выше левого глаза. Железный наконечник пробил кость и вошёл внутрь за миг до того, как пружина раскрыла встроенные в него шипы, – словно в мозгу Провидицы расцвёл смертоносный цветок. Затем острие ударилось в заднюю стенку черепа и вышло наружу.

Ша'ик упала.

Тин Баральта заревел и с удовлетворением увидел, как Аральт Арпат и Лостара Йил ведут дюжину Красных Клинков в атаку на двух неумелых телохранителей.

Воин пустыни бросился на землю и перекатился через мгновение после смерти Ша'ик. Арбалет в его руках щёлкнул. Грудь Аральта Арпата заметно прогнулась внутрь, когда стрела ударилась в грудину. Высокий сержант рухнул на спину и растянулся в пыли. Командир заревел от ярости, выхватил свои тальвары и присоединился к нападающим.

Взвод Лостары бросил свои сулицы одну за другой, оказавшись всего в пятнадцати шагах от тоблакая.

Глаза Тина Баральты удивлённо округлились, когда ни одно из шести метательных копий не достигло цели. Тоблакай оказался невероятно проворен для такого гиганта и словно

просочился между ними, перенёс вес и выставил вперёд плечо, прежде чем войти в ближний бой, взмахнув из-за плеча своим архаичным деревянным мечом, удар которого пришёлся по коленям первого из Красных Клинков. Солдат рухнул, подняв облако пыли, – обе ноги у него были перебиты.

А затем тоблакай оказался среди воинов взвода. Пока Тин Баральта бежал к ним, он увидел, как Лостара Йил отшатнулась, кровь хлестала из раны у неё на голове, а шлем отлетел в сторону и покатылся среди черепков. Второй солдат упал – горло было перебито деревянным мечом.

Взвод Арпата надел на воина пустыни. Звякнули цепи, и моргенштерны разлетелись в стороны, нанося удары со смертоносной точностью. Нет оружия, удары которого было бы сложнее парировать, чем моргенштерн – цепь обходила любой блок, так что железный шарик с шипами достигал цели. Главным недостатком оружия были длительные паузы между ударами, но, бросив взгляд на бой, Тин Баральта заметил, что воин пустыни одинаково хорошо владеет обеими руками и теперь изматывает противников непрерывным градом атак, пробиться через которые не мог никто из противников. За тот миг, что командир смотрел на бой, один из железных шаров проломил голову в шлеме.

В то же мгновение тактика Тина Баральты изменилась. Ша'ик мертва. Задание исполнено – никакого Вихря не будет. Нет смысла жертвовать жизнями в бою против этих ужасных палачей, которые, в конце концов, так и не сумели спасти жизнь Ша'ик и теперь могли только мстить. Командир прокричал приказ отступить и увидел, как его солдаты пытаются выйти из боя с двумя телохранителями. За это пришлось заплатить высокую цену – ещё трое упали под ударами врагов, прежде чем воины смогли отступить настолько, чтобы повернуться и побежать.

Двое из солдат Лостары Йил оказались верны настолько, что вытащили свою оглушённую предводительницу из боя.

Вид бегущих Красных Клинков вызвал у Тина Баральты ярость, но он проглотил поток горьких проклятий. С обнажёнными тальварами он прикрывал отступление солдат, его нервы горели огнём от одной мысли о том, что один из телохранителей может принять вызов.

Но те не стали преследовать нападавших, а вернулись на прежние места в разрушенных башнях. Воин пустыни присел, чтобы перезарядить арбалет.

Бросив последний взгляд на двух убийц, Тин Баральта метнулся в укрытие и бегом последовал за своими солдатами в небольшой каньон, где их ждали стреноженные лошади.

Оказавшись в пересохшем русле реки с высокими стенами, Красные Клинки поставили своего единственного выжившего арбалетчика на обращённый к югу гребень, а затем остановились, чтобы перевязать раны и перевести дух. Позади заржали лошади, почуяв запах крови. Один из солдат плеснул водой в окровавленное лицо Лостары. Та заморгала, и в её взгляде начало проступать сознание.

Тин Баральта нахмурился.

– Приходи в себя, сержант, – прорычал он. – Ты должна снова пойти по следу Калама – на безопасном расстоянии.

Лостара кивнула и потрогала рассечённый лоб.

– Меч же был *деревянный*.

– Но твёрдый, как сталь. Худ бы побрал этого тоблакая – и второго вместе с ним. Оставим их здесь.

Лостара Йил чуть скривилась и просто снова кивнула.

Тин протянул затянутую в перчатку руку и поднял сержанта на ноги.

– Отличный выстрел, Лостара Йил. Ты убила проклятую ведьму и всё, что она собой представляла. Императрица будет довольна. Более чем довольна.

Немного покачиваясь, Лостара подошла к лошади и взобралась в седло.

– Мы поскачем в Пан’потсун, – сказал Тин Баральта. – Чтобы разнести весть, – добавил он с мрачной ухмылкой. – Не потеряй Калама, сержант.

– Я ещё не потерпела в этом неудачу, – ответила Лостара.

Знаешь, что я свалю все потери на тебя, да? Слишком ты умна, девочка.

Проводив её взглядом, командир обратился к оставшимся солдатам.

– Труссы! Повезло вам, что я прикрыл ваше отступление. По коням!

Леоман расстелил одеяло на плоском участке земли между развалинами двух башен и выкатил на него завёрнутое в полотно тело Ша’ик. На миг он замер над трупом, на коленях, неподвижный, затем вытер чёрный пот со лба.

Рядом стоял тоблакай.

– Она мертва.

– Это я вижу, – сухо сказал Леоман, протянул руку, поднял залитую кровью Книгу и медленно завернул её в ткань.

– Что теперь будем делать?

– Она открыла Книгу. На рассвете.

– Ничего не случилось. Только стрела ей в голову попала.

– Да *знаю я*, будь ты проклят!

Тоблакай скрестил на груди мощные руки и замолчал.

– Пророчество недвусмысленно, – сказал через несколько минут Леоман. Он поднялся, поморщившись от боли в окаменевших в бою мышцах.

– Что теперь будем делать? – снова спросил молодой великан.

– Она сказала, что... обновится... – Леоман вздохнул, Книга налилась тяжестью в его руках. – Будем ждать.

Тоблакай поднял голову, принялся.

– Буря начинается.

Книга вторая Вихрь

*Я бродил по старым дорогам
Днём,
Что стали призрачными
С приходом ночи
И скрылись с глаз моих
На рассвете.
Таков был мой путь
Лиги через столетья
В одно мгновение солнца.
Пардийская эпитафия*

Глава шестая

В ранний период правления Келланведа в армии Империи, особенно среди морпехов, процветали различные культы. Следует помнить, что это было также время Дассема Ультора, Первого Меча и Верховного главнокомандующего Малазана (...) человека, посвятившего себя Худу...

Дукер. «Малазанские кампании», том II

Бенет сидел за своим столиком у Булы и чистил ногти кинжалом. Ногти были безукоризненно чисты, что превращало эту привычку в манию. Фелисин уже научилась распознавать его позы и то, что за ними крылось. Сейчас Бенета обуревала ярость с явной примесью страха. Жизнь его поразили сомнения; словно личинки кровных слепней, они кишели под кожей, росли и вгрызались в самую плоть.

Лицо, лоб, крупные, покрытые шрамами запястья Бенета блестели от пота. Оловянная кружка с охлаждённым сольтанским вином стояла рядом на столе – нетронутая, по ободку круг за кругом маршировали мухи.

Фелисин не могла отвести глаз от крошечных чёрных насекомых, её вдруг сковало ужасное воспоминание. Послушник Худа, которого на самом деле не было. Рой духов смерти, принявший вид человека, жужжание крыльев, которое складывалось в слова...

– У тебя в глазах снова появился свет, девочка, – сказал Бенет. – Говорит, ты понимаешь, чем стала. Уродливый свет. – Он подтолкнул к ней через стол маленький кожаный мешочек. – Убей его.

Руки Фелисин задрожали, когда она взяла мешочек и вытащила оттуда шарик дурханга.

Бенет смотрел, как она крошит спрессованную пыльцу в чашу своей трубки.

Шесть дней прошло, а Бодэна так и не нашли. Капитан Саварк уже несколько раз вызывал Бенета к себе. Черепок перетрусили сверху донизу, патрули на Жучьей дороге и верхнем гребне удвоили – *круг за кругом, как мухи* — а по Утопному озеру прошли с баграми. Но беглец, казалось, просто растаял в воздухе.

Бенет принял это на свой счёт. Его власти в Черепке был брошен вызов. Он снова позвал девушку к себе, но не из сочувствия, а потому, что больше не доверял Фелисин. Она что-то знала – что-то о Бодэне – и хуже: Бенет теперь знал, что она не та, за кого себя выдаёт.

«Бенет с Саварком говорили, – сказал Геборик в тот день, когда Фелисин ушла – когда его заботы позволили ей притвориться достаточно окрепшей, чтобы уйти. – Будь осторожна,

девочка. Бенет принимает тебя обратно, но только для того, чтобы лично проследить за твоим уничтожением. То, что прежде было случайным, теперь стало нарочным, осознанным. Он получил указания».

«Откуда ты знаешь?»

«Ну да, правда, я могу только догадываться. Но побег Бодэна дал Бенету рычаг давления на Саварка, и скорее всего Бенет использовал его, чтобы выдавить из капитана твою истинную историю. Саварк дал ему больше власти, второго Бодэна не будет – этого они оба не могут допустить. У Саварка нет выбора, он должен дать Бенету больше власти... больше информации...»

Чай с дурхангом ослаблял боль в сломанных рёбрах и опухшей челюсти, но его силы не хватало, чтобы притупить мысли. Минута за минутой – она чувствовала, как подходит всё ближе к отчаянию. Уходя от Геборика, Фелисин на самом деле бежала, возвращение к Бенету стало панической необходимостью.

Он улыбнулся, когда она поднесла к дурхангу огонь.

– Бодэн ведь не был просто портовым громилой, верно?

Фелисин хмуро посмотрела на него сквозь завесу дыма.

Бенет положил кинжал на стол и крутанул. Оба смотрели, как вертится блестящий клинок. Остановившись, остриё указало на Бенета. Он поморщился и раскрутил кинжал снова. Когда клинок второй раз обратился к нему, Бенет подхватил кинжал и сунул в ножны на поясе, а затем потянулся к оловянной кружке.

Мухи разлетелись, когда он поднёс кружку к губам.

– Я ничего не знаю о Бодэне, – сказала Фелисин.

Его глубоко посаженные глаза надолго остановились на ней.

– И ты ничего не выяснила, выходит? Значит, либо ты тупая... либо очень старалась, чтобы ничего не узнать.

Фелисин промолчала. По телу уже разливалось онемение.

– Это из-за меня, девочка? Неужто это такое падение – стать моей? Я тебя хотел, Фелисин. Ты была красивой. Умной – по глазам было видно. Это я виноват, что ты стала... такой?

Бенет увидел, как она покосилась на мешочек на столе, и криво улыбнулся.

– Приказы есть приказы. К тому же ты могла отказаться.

– В любой момент, – проговорила Фелисин, отводя глаза.

– Ну, значит, моей вины тут нет.

– Нет, – повторила она. – Вся вина только моя, Бенет.

Он резко поднялся.

– Погода сегодня мерзкая. Начался ши'гай – горячий ветер – все твои страдания до сих пор были только прелюдией, девочка. С первым порывом ши'гая начинается лето. Но сегодня... – Бенет посмотрел на неё сверху вниз, однако не договорил, а просто взял за руку и вздёрнул на ноги. – Идём со мной.

Бенету разрешили собрать отряд ополчения из им лично отобранных рабов, каждого из которых вооружили дубиной. По ночам они патрулировали улочки Черепка. Тех, кого ловили снаружи после заката, теперь ждали побои и казнь наутро. Казнями занимались стражники – ополчение Бенета всюду отрывалось на побоях.

Бенет и Фелисин присоединились к одному из патрулей – полдюжины человек, всех она хорошо знала, поскольку их преданность Бенет покупал за её тело.

– Если ночь будет тихой, – пообещал он своим людям, – перед рассветом найдём время и немножко расслабимся.

Громилы в ответ заухмылялись.

Они прошли по занесённым песком и мусором улочкам, но никого не увидели. Когда патруль оказался рядом с казино Сурука, они заметили толпу стражников-досиев. С ними был сам капитан досиев, Ганнип. Стражники проводили патруль тяжёлыми взглядами.

Бенет было задержался, словно хотел переговорить с Ганнипом, но затем тяжело выдохнул через ноздри и зашагал дальше. И положил ладонь на рукоять кинжала.

Фелисин показалось, будто она вот-вот поймёт что-то важное, словно горячий ветер добавил к ночному воздуху новый запах угрозы. Бодрый разговор ополченцев стих, и Фелисин заметила в них явные признаки тревоги. Она вытащила ещё один шарик дурханга и положила прохладный сладковатый комочек за щёку.

– Смотрю на тебя, – пробормотал Бенет, – и вспоминаю Саварка.

Она удивлённо моргнула.

– Саварка?

– Ага. Чем хуже дело, тем плотнее он зажмуривается.

С трудом выговаривая слова, она промямлила:

– А какое дело стало хуже?

Словно в ответ, сзади, от заведения Сурука раздался выкрик, а затем грубый смех. Бенет жестом приказал своим людям остановиться, а затем пошёл обратно к перекрёстку. Оттуда он мог увидеть казино Сурука – и солдат Ганнипа.

Словно призрак вдруг поднялся из земли и коснулся Бенета: в его позе читалось напряжение. В черепе Фелисин зазвенела глухая тревога. Она помедлила, затем обернулась к ополченцам.

– Что-то случилось. Идите к нему!

Они тоже смотрели на Бенета. Один из рабов нахмурился, и его рука скользнула к поясу, за который была заткнута дубина.

– Вот ничего такого он нам не приказывал, – проворчал громила. Другие закивали, беспокойно ёрзая в тени.

– Он там стоит один! – возмутилась Фелисин. – На открытом месте. На него, наверное, нацелены стрелы...

– Заткни хлебало, детка, – рявкнул ополченец. – Никуда мы не пойдём.

Бенет чуть было не отступил на шаг, затем явно взял себя в руки.

– Они идут к нему, – прошипела Фелисин.

Показались Ганнип и его досии, обступили полукругом Бенета. С запястий солдат на него смотрели взведённые арбалеты.

Фелисин резко обернулась к ополченцам.

– Да помогите же ему, чтоб вас!

– Да провались ты к Худу! – огрызнулся один из громил. Патруль разбежался, мужчины тихо уходили в тени ближайших переулков.

– Ты там одна осталась, девочка? – громко спросил капитан Ганнип. Его солдаты расхохотались. – Иди сюда, к Бенету. Мы ему просто кое-что рассказываем, вот и всё. Ничего страшного, девочка.

Бенет обернулся, хотел ей что-то сказать. Стражник-досий шагнул вперёд и с размаху ударил по лицу рукой в перчатке. Бенет пошатнулся, выругался, прижимая руку к разбитому носу.

Фелисин неловко отступила на шаг, затем развернулась и побежала, а за спиной уже щёлкнули арбалеты. Стрелы прожужжали по обе стороны от неё, но Фелисин сумела ускользнуть в узкий переулок. Позади раздался смех.

Она бежала по улочке, которая шла параллельно Ржавому уклону. В сотне шагов впереди находились Темень и казармы. Задыхаясь, она вылетела на открытое пространство между двумя малазанскими строениями. Сердце колотилось в груди так, словно ей было уже

пятьдесят лет, а не пятнадцать. Постепенно до Фелисин начало доходить потрясение от того, что она увидела – Бенета ударили.

За казармами раздались крики. Застучали копыта. Из-за угла появилось два десятка рабов, которые бежали туда, где стояла Фелисин. За ними гнались полсотни досийских всадников. Несколько человек настигли копыта, и они попадали на пыльную землю. Безоружные рабы пытались сбежать, но досии уже окружили их. Слишком поздно Фелисин поняла, что ей тоже не спастись.

Я видела, как у Бенета идёт кровь. Эта мысль вызвала следующую. Теперь мы умрём.

Кони досиев топтали и мужчин и женщин без разбору. Поднимались и опускались тальвары. В безнадежной тишине рабы погибали один за другим. Двое всадников направились к Фелисин. Она смотрела, гадая, который из них доберётся до неё первым. Один из досиев наклонил копьё, чтобы ударить её в грудь, другой высоко занёс широкий клинок, чтобы обрушить его в подходящий момент. На раскрасневшихся лицах Фелисин увидела радость и удивилась тому, насколько нечеловеческим было это выражение.

За миг до того, как всадники оказались рядом с ней, в грудь обоим с глухим звуком вошли стрелы. Солдаты покачнулись и упали с коней. Фелисин обернулась и увидела строй малазанских арбалетчиков: солдаты в первом ряду опустили на колено для перезарядки, а второй ряд сделал несколько шагов вперёд, прицелился, а затем разом разрядил оружие в толпу досийских конников. Люди и животные закричали от боли.

Третий залп сломил сопротивление досиев: оставшиеся ускакали во тьму за казармами.

Горстка рабов осталась в живых. Сержант рявкнул приказ, и дюжина солдат двинулась вперёд, проверяя тела, которыми была усыпана площадка, толкая выживших в сторону строя.

– Идём со мной, – прошипел голос рядом с Фелисин.

Она удивлённо заморгала, не сразу узнала лицо Пеллы.

– Что?

– Мы собираем рабов в конюшне – но тебе туда не надо. – Он мягко взял её за руку. – Они сильно превосходят нас числом. Защищать рабов – не самая важная задача, к сожалению. Саварк хочет, чтобы бунт подавили. Сегодня же.

Она всматривалась в его лицо.

– Что ты такое говоришь?

Сержант отвёл свой отряд на более защищённую позицию – у самого выхода из переулка. Двенадцать солдат продолжали подталкивать рабов по боковой улице в сторону конюшни. Пелла повёл Фелисин в том же направлении. Как только сержант уже не мог их видеть, он обратился к остальным солдатам.

– Трое – со мной.

Один ответил:

– Тебе Опонны мозги свернули, Пелла? И так небезопасно, а ты хочешь разделить взвод?

Другой заворчал:

– Давай просто избавимся от этих треклятых рабов и вернёмся, пока сержант не отдал приказ возвращаться к капитану.

– Это женщина Бенета, – сказал Пелла.

– Не думаю, что Бенет ещё жив, – глухо проговорила Фелисин.

– Был жив пять минут назад, девочка, – хмуро заметил Пелла. – В крови, конечно, но ничего опасного. Он сейчас собирает своё ополчение. – Сержант обернулся к остальным. – Нам нужен Бенет, Реборид, что бы там ни визжал Саварк. А теперь трое – за мной, нам недалеко идти.

С недовольной миной солдат, которого Пелла назвал Реборидом, жестом приказал ещё двоим следовать за собой.

На западном крыле Черепка разгорался пожар – где-то у Заплюйного ряда. Никто его не тушил, так что огонь распространялся быстро, отбрасывая багровые блики на нижнюю часть густых клубов дыма.

Пелла тащил за собой Фелисин, а Реборид продолжал ворчать.

– Да где же, Худовы пятки, гарнизон Бе’тры? Может, они огня не видят? Малазанские взводы патрулировали Жучью дорогу, они бы послали вестового – отряд уже должен быть здесь, чтоб его.

На улицах лежали тела, скорчившиеся, неподвижные фигуры. Маленький отряд шёл мимо, не останавливаясь.

– Худ знает, что себе думает Ганнип, – продолжал солдат. – Саварк всех растреклятых досиев на пятьдесят лиг вокруг выпотрошит и бросит гнить на солнце.

– Мы на месте, – сказал Пелла, заставив Фелисин остановиться. – Защитный строй, – приказал он остальным. – Я скоро.

Они стояли у дома Геборика. Света за ставнями было не видно. Дверь была заперта. Презрительно фыркнув, Пелла ударом ноги снёс хлипкое препятствие. Он подтолкнул Фелисин в спину, а затем шагнул следом, в темноту.

– Здесь никого нет, – сказала Фелисин.

Пелла не ответил, продолжая подталкивать её, пока они не оказались у тканой занавески, за которой скрывалась спальня бывшего жреца.

– Отодвинь её, Фелисин.

Она отбросила ткань в сторону и шагнула в крошечную каморку. Следом вошёл Пелла. Геборик сидел на своей койке, молча глядя на них.

– Я не был уверен, – тихо произнёс Пелла, – хочешь ли ты всё ещё взять её с собой или уже нет.

Бывший жрец крикнул.

– А что ты, Пелла? Мы бы справились...

– Нет. Бери лучше её. Я должен вернуться к капитану – мы подавим этот мятеж, но для тебя время превосходное...

Геборик вздохнул.

– Да, это точно. Фэнеров пятак, Бодэн! Выходи уже из теней. Этот парень нам не страшен.

Пелла вздрогнул, когда массивная фигура вдруг отделилась от драпировки. В полумраке блеснули близко посаженные глаза Бодэна. Он ничего не сказал.

Встряхнувшись, Пелла отступил на шаг, взялся одной рукой за грязную ткань.

– Храни тебя Фэнер, Геборик.

– Спасибо, парень. За всё.

Пелла коротко кивнул и ушёл.

Фелисин хмуро посмотрела на Бодэна.

– Ты мокрый.

Геборик поднялся.

– Всё готово? – спросил он Бодэна.

Великан кивнул.

– Мы что, убегаем? – спросила Фелисин.

– Да.

– Как?

Геборик поморщился.

– Скоро увидишь.

Бодэн подхватил с пола за собой два больших кожаных бурдюка и без всякого усилия бросил один Геборику, который ловко поймал его запястьями. Звук, который издал бурдюк, дал Фелисин понять, что на самом деле это просто запечатанный пузырь с воздухом.

– Мы собираемся плыть через Утопное озеро, – сказала она. – Зачем? Там ведь на другой стороне ничего нет, только отвесная скала.

– Там пещеры, – сказал Геборик. – В них можно пробраться, если уровень воды низко... спроси Бодэна, он там прятался неделю.

– Мы должны взять с собой Бенета, – заявила Фелисин.

– Но, девочка...

– Нет! Вы мне обязаны – вы оба! Вы бы оба уже давно отправились на тот свет, Геборик, если бы не я. Про Бенета. Я его найду, встретимся на берегу озера...

– Нет, – отрезал Бодэн. – Я его найду. – Он подал Фелисин кожаный пузырь.

Она увидела, как великан выскользнул наружу через боковую дверцу, о существовании которой Фелисин даже не догадывалась, затем медленно обернулась к Геборику. Он присел, внимательно рассматривая притороченную к бурдюкам сетку.

– Вы меня и не собирались включать в свой план побега, да, Геборик?

Он поднял глаза и вскинул брови.

– До сегодняшнего дня было похоже на то, будто ты нашла в Черепке свой рай. Я не думал, что ты захочешь бежать.

– Рай? – Это слово почему-то потрясло её. Фелисин села на койку.

Глядя на неё, Геборик пожал плечами.

– При наличии Бенета.

Она смотрела ему в глаза, пока жрец в конце концов не отвёл взгляд; он поднялся с криканием и взвесил на руках бурдюк.

– Пора идти, – проворчал он.

– Я теперь немного стою в твоих глазах, верно, Геборик? Да и стояла ли когда-нибудь?

Фелисин из Дома Паранов, чья сестра – адъюнкт Тавор, чей брат служил адъюнкту Лорн. Знатная, избалованная девчонка. Шлюха.

Жрец не ответил и направился к отверстию в задней стене.

Всю западную часть Черепка объял огонь, окрасив долину зернистым, дрожащим алым цветом. Геборик и Фелисин быстро шли по Рабочей дороге и видели по сторонам следы многочисленных стычек: убитых лошадей, мёртвых малазанцев и досиев. В таверне Булы сперва забаррикадировались, затем барьеры снесли. Из тёмного дверного проёма доносились тихие стоны.

Фелисин замешкалась, но Геборик потянул её за руку.

– Ты не хочешь заходить туда, девочка, – сказал он. – Там побывали люди Ганнипа.

За пределами городка Рабочая дорога тянулась – тёмная и пустая – до самого перекрёстка Трёх доль. За камышами слева поблёскивала ровная поверхность Утопного озера.

Бывший жрец повёл её в заросли, приказал присесть, затем сделал то же самое.

– Будем ждать здесь, – сказал он, вытирая пот с широкого, покрытого татуировкой лба. Ил под коленями был мягким, приятно прохладным.

– Значит, мы поплывём к пещере... а потом что?

– Это старая штольня, она ведёт за пределы долины, выходит на поверхность далеко за Жучьей дорогой. На другом конце нас будут ждать припасы. Оттуда пойдём через пустыню.

– В Досин-Пали?

Геборик покачал головой.

– Прямо на запад, к внутреннему берегу. Девять-десять дней. По пути есть скрытые родники – Бодэн запомнил их расположение. Нас подберёт барка и отвезёт на материк.

– Как? Кто?

Бывший жрец поморщился.

– Старый друг проявляет преданность, которая дорого ему может стоить. Но видит Худ, я не жалуюсь.

– А Пелла – связной?

– Да, какие-то дальние связи, вроде друзей отца и дяди, и друзей других друзей, что-то вроде того. Он сперва пытался выйти на тебя, между прочим, но ты не откликнулась. Поэтому он сам меня нашёл.

– Ничего такого не помню.

– Цитата, приписываемая Келланведу и записанная тем человеком, который организовал наш побег, – Дукером.

– Знакомое имя...

– Императорский историк. Он за меня заступался на суде. Затем устроил так, что его доставили в Хиссар через Путь. – Геборик замолчал, медленно покачал головой. – И всё, чтобы спасти жёлчного старика, который неоднократно называл его запись истории откровенной ложью. Если доживу до личной встречи с Дукером, нужно будет, наверное, извиниться.

Бешеное жужжание вдруг донеслось до них с затянутого дымом неба над городом. Звук становился всё громче. Гладкая поверхность Утопного озера скрылась, будто под плотным градом. Фелисин от страха пригнулась ещё ниже.

– Что это? Что происходит?

Геборик некоторое время молчал, затем вдруг прошипел:

– Кровные слепни! Их сперва приманил, а потом напугал огонь. Быстро, девочка, загребай ил – обмазывайся! И меня тоже намажь! Скорей!

Поблёскивающий рой насекомых был уже виден, он катился вперёд, словно стена тумана.

Фелисин в панике погрузила пальцы в прохладный ил между стеблями камыша и стала пригоршнями бросать его на руки, шею, плечи, лицо. В процессе она ползла вперёд, пока не оказалась по пояс в воде, затем обернулась к Геборику.

– Иди сюда!

Он подобрался к Фелисин.

– Они ныряют в воду, девочка! Выбирайся отсюда – укрой ноги илом!

– Как только закончу с тобой, – заявила она.

Но было уже слишком поздно. В следующий миг воздухом уже стало почти невозможно дышать, рой накрыл их. Кровные слепни вонзились в воду, словно дротики. Бёдра пронзила острая боль.

Геборик оттолкнул её руки, затем пригнулся.

– Занимайся собой, девочка!

Этот приказ был излишним, потому что все мысли о том, чтобы помочь Геборику, испарились после первого же укуса. Фелисин выпрыгнула из воды, зачерпнула две пригоршни ила и шлёпнула по окровавленным бёдрам. Она быстро добавила ещё слой на икры и ступни. Насекомые ползали по волосам. Всхлипывая, Фелисин ногтями выдрала их, затем покрыла илом и голову. От судорожных вздохов кровные слепни попали ей в рот и отчаянно жалили, пока она хрипела и отплёвывалась. Фелисин вдруг поняла, что прикусывает их, давит зубами, а горький яд насекомых жётся, как кислота. Слепни были повсюду, они слепили Фелисин, собираясь комьями у глаз. Она завопила, смахнула их, затем нагнулась, нащупала ил, набрала ещё пригоршню. Фелисин погрузилась в целительную тьму, но не

прекращала кричать, не могла остановиться. Насекомые пробрались в уши. Она заполнила илом и уши. Тишина.

Лишённые кистей руки вдруг обвили её. Голос Геборика донёлся словно издалека.

– Всё в порядке, девочка, всё хорошо. Ты можешь перестать кричать, Фелисин. Не нужно больше кричать.

Она свернулась клубком среди камыша. Боль от укусов сменялась онемением – на ногах, вокруг глаз и ушей, во рту. Прохладное, мягкое онемение. Фелисин услышала, как её вопль стих.

– Рой прошёл дальше, – сказал Геборик. – Благословение Фэнера им не по вкусу пришлось. Мы в порядке, девочка. Протри глаза – сама увидишь.

Она не пошевелилась. Слишком легко было просто лежать, чувствовать, как по телу растекается онемение.

– Очнись! – рявкнул Геборик. – В каждом укусе – яйцо, оно выделяет яд, который умертвляет плоть, размягчает её. Превращает тебя в пищу для личинок внутри яиц. Ты меня понимаешь, девочка? Мы должны убить эти личинки – у меня есть тинктура в сумке на поясе – но ты должна её наложить, понимаешь? Безрукий старик сам не сможет этого сделать...

Она застонала.

– Проклятье! Да очнись же!

Он её ударил, толкнул, затем пнул ногой. Фелисин выругалась и села.

– Хватит! Я очнулась! – Губы онемели, поэтому слова выговаривались невнятно. – Где эта твоя сумка?

– Вот. Глаза открой!

Веки и плоть вокруг глаз так отекали, что Фелисин почти ничего не видела, но всё вокруг освещало странное голубоватое мерцание, лившееся от татуировок Геборика. Его слепни не укусили ни разу. *Благословение Фэнера им не по вкусу.*

Старик указал на поясную сумку.

– Скорей! Из яиц вот-вот вылупятся личинки и начнут есть тебя – изнутри. Открой сумку... вон, чёрная бутылочка, маленькая. Откупоривай!

Фелисин выдернула пробку. И отшатнулась от горьковатого запаха.

– Одну каплю на палец, затем вдавить её в ранку, глубоко. Затем другую...

– Я... я не чувствую ранок вокруг глаз...

– Я тебе подскажу, девочка. Быстрее!

Кошмару не было конца. Тинктура – зловонная, тёмно-коричневая жидкость, окрасившая пальцы в жёлтый цвет, – не убивала новорождённых личинок, а выгоняла их наружу. Геборик направлял её руки к ранкам вокруг глаз и ушей, и из каждой, извиваясь, медленно выползала личинка. Фелисин вытаскивала их из отверстий от укусов – каждую вялую от ядовитой тинктуры личинку длиной с обрезок ногтя. По видимым укусам можно было догадаться, что происходило вокруг глаз и ушей. Во рту горечь тинктуры переборола яд слепней, так что у Фелисин закружилась голова, а сердце забилось очень быстро. Личинки посыпались на язык, словно зёрнышки риса. Она сплюнула.

– Мне очень жаль, Фелисин, – проговорил Геборик, когда она закончила. Он с сочувствием рассматривал укусы вокруг её глаз.

По телу Фелисин пробежал холодок.

– Что случилось? Я ослепну? Оглохну? В чём дело, Геборик?!

Он покачал головой и медленно разогнулся.

– Укусы кровных слепней... их яд убивает плоть. Ты исцелишься, но могут остаться оспины. Мне так жаль, девочка. Вокруг глаз дело плохо. Очень плохо...

Она чуть не рассмеялась, несмотря на то что голова кружилась всё сильнее. По телу снова пробежала дрожь, и Фелисин обхватила себя руками.

– Я видела. У местных. Рабов. Не один раз...

– Да. Обычно кровные слепни в рои не собираются. Должно быть, их привлёк пожар. Послушай, хороший целитель – кто-нибудь с Высшим Дэнумом – сможет убрать шрамы. Мы найдём тебе такого целителя, Фелисин. Клянусь клыками Фэнера – найдём!

– Меня тошнит.

– Это из-за тинктуры. Учащённое сердцебиение, морозит, тошнит. Это сок растения из Семи Городов. Если бы ты выпила то, что осталось в этой крошечной бутылочке, умерла бы через несколько минут.

На этот раз она рассмеялась ломким, дребезжащим смехом.

– Я бы, наверное, даже обрадовалась Вратам Худа, Геборик. – Фелисин покосилась на бывшего жреца. Голубоватое сияние начало меркнуть. – Похоже, Фэнер – бог всепрощающий.

Старик нахмурился.

– Честно говоря, я сам пока в этом не разобрался. Однако знаю многих высших жрецов Фэнера, которых хватил бы удар, услышь они, что их бог-вепрь... всепрощающий. – Он вздохнул. – Но, видимо, ты права.

– Тебе, наверное, сто́ит выказать благодарность. Принести жертву.

– Наверное, – проворчал бывший жрец и отвёл глаза.

– Какое же великое преступление отторгло тебя от твоего бога, Геборик?

Старик не ответил. Через некоторое время он поднялся и взглянул на объятый пламенем город.

– Всадники.

Фелисин села ровней, но голова всё ещё слишком кружилась, чтобы встать.

– Бенет?

Он покачал головой.

В следующий миг отряд малазанцев уже был рядом, остановился прямо напротив Геборика и Фелисин. Возглавлял всадников капитан Саварк. Досийский клинок рассёк ему щеку. Форма капитана была тёмной и мокрой от крови. Фелисин невольно отшатнулась от взгляда его холодных, как у ящерицы, глаз.

Наконец Саварк заговорил:

– Когда окажетесь на гребне... посмотрите на юг.

Геборик тихо выругался от удивления.

– Ты нас отпускаешь? Спасибо, капитан.

Лицо Саварка потемнело.

– Не ради тебя, старик. Именно такие смутьяны, как ты, и вызвали всё это. Я бы тебя, скорей, прямо на месте поднял на копье. – Капитан будто хотел сказать что-то ещё, снова перевёл взгляд на Фелисин, но затем лишь развернул коня.

Двое беглецов молча смотрели, как отряд скачет обратно к Черепку. Солдаты ехали на битву. Это Фелисин поняла интуитивно. И тут же возникла другая уверенность, прошептала, что они все умрут. Капитан Саварк, Пелла. Все малазанцы. Она перевела взгляд на Геборика. Старик задумчиво смотрел, как отряд приблизился к городу и исчез в дыму.

В следующий миг из камышей рядом поднялся Бодэн.

Фелисин встала на ноги и шагнула к нему.

– Где Бенет?

– Мёртв, девочка.

– Ты... ты...

Слова потонули в волне боли, горя, которое потрясло её больше, чем всё пережитое прежде. Фелисин покачнулась и отступила на шаг.

Бодэн не сводил с неё маленьких, плоских глаз.

Геборик откашлялся.

– Нужно спешить. Скоро рассвет, а я, хоть и сомневаюсь, что на озере нас кто-то заметит, думаю, что лучше не выставлять наши намерения напоказ. В конце концов, мы – малазанцы. – Он подошёл к надутым бурдюкам. – По плану мы переждём день на другом конце штольни и выйдем в путь после заката. Так меньше шансов попасться на глаза какому-нибудь разъезду досиев.

Фелисин безвольно поплелась за мужчинами к кромке воды. Бодэн привязал один из бурдюков к груди Геборика. Фелисин поняла, что второй бурдюк ей придётся делить с Бодэном. Она внимательно смотрела на здоровяка, пока тот проверял крепления на последнем кожаном пузыре.

Бенет мёртв. Так он говорит. Да он его, наверное, и вовсе не искал. Бенет жив. Наверняка. Нос разбит, только и всего. Бодэн лжёт.

Вода Утопного озера смыла с кожи Фелисин остатки ила и тинктуры. Ну, хоть так.

...Тяжёлое дыхание эхом отражалось от отвесного утёса. Фелисин продрогла и чувствовала, как вода пытается утащить её вниз. Она крепче ухватилась за ремешки на бурдюке.

– Не вижу никакой пещеры, – прохрипела Фелисин.

Бодэн заворчал.

– Странно, что ты вообще хоть что-то видишь, – заметил он.

Фелисин не ответила. Плоть вокруг глаз так опухла, что остались только узкие щёлки. Уши казались кусками мяса, тяжёлыми и огромными, а дёсны во рту отекали так, что скрыли зубы. Она дышала с трудом, постоянно откашливалась, но это не помогало. Физический дискомфорт заставил Фелисин чувствовать себя оторванной от всего, словно у неё не осталось тщеславия, которое можно было бы уязвить. Это чувство принесло неожиданное облегчение, почти веселье.

Выжить – только это важно. Пусть Тавор увидит все шрамы, которыми я ей обязана, в тот день, когда мы встретимся лицом к лицу. Тогда мне даже ничего не придётся говорить, чтобы оправдать свою месть.

– Вход под водой, – сказал Геборик. – Нам придётся проткнуть бурдюки и нырнуть. Первым поплывёт Бодэн с верёвкой, привязанной к поясу. Держись за эту верёвку, девочка, иначе вода утянет тебя на дно.

Бодэн дал ей кинжал, затем положил верёвку поверх покачивающегося на воде бурдюка. В следующий миг он оттолкнулся в сторону утёса и скрылся под водой.

Фелисин крепко ухватилась за верёвку, глядя, как разматываются кольца.

– Как глубоко?

– Семь-восемь футов, – ответил Геборик. – Потом примерно пятнадцать футов по пещере, прежде чем сможешь снова вдохнуть. Справишься, девочка?

Придётся.

Над озером разнеслись далёкие крики. Последние жалкие вопли догорающего города. Всё произошло так быстро, почти бесшумно – в одну ночь Черепок постиг кровавый конец. Всё это казалось... ненастоящим.

Фелисин почувствовала, что верёвка дёрнулась.

– Твоя очередь, – сказал Геборик. – Проткни бурдюк, потом отпусти – пусть тонет, а сама двигайся по верёвке.

Она перехватила кинжал лезвием вниз и проткнула бурдюк. Наружу со свистом вырвался воздух, пузырь начал сдуваться и пошёл ко дну. Вода потянула Фелисин вниз, словно цепкие руки. Она судорожно набрала полную грудь воздуха, прежде чем скрылась под водой. В следующий миг верёвка вела уже не вниз, а вверх. Фелисин наткнулась на

скользкую поверхность утёса. Кинжал скрылся внизу, когда она ухватилась за верёвку обеими руками и начала подтягиваться.

Вход в пещеру в темноте казался только ещё более тёмным пятном, вода была ледяной. От недостатка воздуха лёгкие уже горели. Фелисин почувствовала, что вот-вот потеряет сознание, но диким усилием воли отогнала это ощущение. Впереди сверкнул отблеск света. Бешено отталкиваясь ногами, Фелисин, рот которой уже наполнился водой, рванулась к свету.

Руки ухватили её за обшитый каймой воротник туники и легко вытащили к воздуху, к свету. Фелисин лежала на жёстком холодном камне и содрогалась от приступов кашля. Рядом с её головой теплилась масляная лампа. Чуть дальше к стене прислонились два походных рюкзака на деревянном каркасе и набухшие от воды бурдюки.

– Потеряла мой растреклятый нож, да?

– Провались ты к Худу, Бодэн.

Тот заворчал – так он смеялся, – затем начал быстро выбирать верёвку. Вскоре над водой показалась голова Геборика. Бодэн вытащил бывшего жреца на каменный приступок.

– Наверху, похоже, дело плохо, – заметил великан. – Наши припасы принесли сразу сюда.

– Понятно. – Геборик сел, судорожно глотая воздух.

– Вы двое лучше оставайтесь здесь, а я схожу, разведая, что и как, – сказал Бодэн.

– Да. Иди уж.

Когда Бодэн исчез в глубине штольни, Фелисин села.

– Что там наверху плохо?

Геборик пожал плечами.

– Нет, – не сдавалась Фелисин. – У тебя есть подозрения.

Он поморщился.

– Саварк сказал: «Посмотрите на юг».

– И что?

– И то, девочка. Давай дождёмся Бодэна, хорошо?

– Мне холодно.

– Мы решили не тратить место на сменную одежду. Припасы, вода, оружие, кремёнь и огниво. Есть одеяла, но лучше их не мочить.

– Скоро высохнут, – отрезала Фелисин и подобралась к одному из рюкзаков.

Через несколько минут вернулся Бодэн и присел рядом с Гебориком. Дрожа под одеялом, Фелисин наблюдала за мужчинами.

– Нет, Бодэн, – заявила она, когда тот приготовился что-то прошептать бывшему жрецу, – говори так, чтобы все слышали.

Великан покосился на Геборика, но тот лишь пожал плечами.

– До Досин-Пали отсюда тридцать лиг, – сказал Бодэн. – Но вспышки и зарево видно хорошо.

Геборик нахмурился.

– Даже грозу с молниями не было бы видно с такого расстояния, Бодэн.

– Точно, и это не гроза. Чародейство, старик. Битва магов.

– Худов дух, – пробормотал Геборик. – Вот это сражение!

– Поднялся, значит, – буркнул Бодэн.

– Кто? – спросила Фелисин.

– Семь Городов восстали, девочка. Дриджна. Вихрь поднялся.

Плоскодонка оказалась длиной всего в тринадцать футов. Дукер долго колебался, прежде чем забраться в неё. Шесть дюймов воды плескались меж двух досок, которые

играли роль палубы. Многочисленные мелкие течи в дне были заткнуты тряпками – с разной степенью успешности. Запах гниющей рыбы просто валил с ног.

Закутавшийся в свой армейский дождевик Кальп и не двинулся с того места, где стоял на причале.

– И сколько же ты, – поинтересовался он ровным тоном, – заплатил за эту... лодку?

Историк вздохнул и поднял глаза на мага.

– Ты её не сможешь починить? Какой, ты говоришь, у тебя Путь, Кальп?

– Путь Починки Лодок, – ответил тот.

– Ладно, – сказал Дукер, выбираясь обратно на причал. – Ответ понял. Чтобы пересечь Пролив, тебе понадобится что-то более остойчивое. Человек, который мне продал эту лодку, несколько преувеличил её достоинства.

– Это святое право харалов. Лучше бы ты просто нанял судно.

Дукер хмыкнул.

– А кому я могу доверять?

– Что теперь?

Историк пожал плечами.

– Обратно в таверну. Тут нужен новый план.

Они двинулись назад по скрипучему причалу и вскоре выбрались на узкую грунтовую дорогу, которой приходилось служить ещё и главной улицей деревни. Рыбачьи хибары по обе стороны демонстрировали полное отсутствие гордости, свойственное маленьким поселениям в тени большого города. Уже стемнело, и кроме стаи собак, которые по очереди катали в пыли рыбий скелет, никого не было видно. Тяжёлые занавеси скрывали почти весь свет внутри домов. Воздух был горячим, ветер с материка продолжал теснить морской бриз.

Деревенская таверна стояла на сваях – выдавшая виды одноэтажная развалюха, где стенами служила натянутая на выцветший деревянный каркас джутовая ткань, под соломенной крышей. В песке под домом ползали крабы. Напротив таверны расположился каменный блокгауз малазанского отряда Береговой охраны, который состоял из четырёх матросов из Кона и двух морпехов, чья внешность не выдавала происхождения. Для них прежние национальные различия уже не имели значения. «Новая имперская порода», – подумал Дукер, когда они с Кальпом вошли в таверну и вернулись к столу, за которым сидели прежде. Малазанские солдаты сгруппировались вокруг другого, ближе к стене, где мешковину отогнули так, чтобы открылся безмятежный пейзаж – жухлая трава, белый песок и поблёскивающее море. Дукер позавидовал морпехам, потому что до них наверняка ветер доносил свежий воздух.

Солдаты ещё не подходили к ним, но историк понимал, что это только вопрос времени. В такой деревеньке путники – редкость, а люди в плащах военного образца – ещё большая редкость. Тем не менее до сих пор морпехи так и не заставили себя претворить любопытство в действие.

Кальп указал хозяину у стойки на кувшин с элем, а затем наклонился поближе к Дукеру.

– Вопросы будут. Скоро. Это первая проблема. У нас нет лодки. Это вторая. Я в моряки вообще не гожусь, это третья...

– Хорошо, хорошо, – прошипел историк. – Худов дух, дай мне подумать спокойно!

Кальп с кислым лицом отодвинулся.

Мотыльки неуклюже крутились вокруг мигающих фонарей, которыми освещался зал. Местных жителей не было, а внимание одинокого человека за барной стойкой было неотрывно приковано к малазанским солдатам. Он не отвёл от морпехов взгляда узких, тёмных глаз, даже когда поставил кувшин с элем перед Кальпом.

Глядя ему вслед, маг хмыкнул:

– Странный какой-то вечер выдался, Дукер.

– Да уж.

Где же все?

Скрип стула привлёк их внимание к старшему по чину малазанцу – капралу, судя по значку на сюрко⁵, – который поднялся и теперь подошёл. Под блёклым жестяным значком виднелось пятно побольше – там ткань сюрко не выцвела: этот человек был когда-то сержантом.

Лицо у капрала было под стать телу – плоское и широкое, признак канской крови в роду. На бритой голове виднелись порезы от бритвы, некоторые из них до сих пор прикрывала корочка подсохшей крови. Солдат не сводил глаз с Кальпа.

Маг заговорил первым:

– Следи за языком, если не хочешь и дальше пятиться.

Солдат недоумённо моргнул.

– Пятиться?

– Сержант, потом капрал – ты в рядовые нацелился? Это я тебя предупреждаю.

Угроза не произвела на морпеха впечатления.

– Не вижу знаков отличия, – процедил он.

– Потому что не знаешь, куда смотреть. Возвращайся за свой стол, капрал, и оставь наши дела нам.

– Ты из Седьмой армии. – Солдат явно не собирался возвращаться за стол. – Дезертир. Жёсткие брови Кальпа приподнялись.

– Капрал, ты стоишь лицом к лицу со всем магическим подразделением Седьмой. Теперь ноги отсюда уноси, пока я их тебе узлом не завязал.

Взгляд капрала метнулся к Дукеру, затем снова к Кальпу.

– Да нет же, – вздохнул маг. – Я – всё подразделение. Это мой гость.

– На задницу, значит? – Капрал упёр широкие ладони в столешницу и наклонился поближе к Кальпу. – Если я учую хоть намёк на то, что ты открываешь Путь, получишь ножом в глотку. Это мой караульный пост, чародей, и любое дело здесь – *моё* дело. А теперь, господин старший по званию, давай-ка объясняйся, пока я твои большие уши не отрезал, чтоб на пояс повесить.

Дукер откашлялся.

– Прежде чем это зашло слишком далеко...

– Заткнись! – рявкнул капрал, продолжая буравить взглядом Кальпа.

Его тираду прервали донесшиеся издалека крики.

– Истин! – взревел капрал. – Иди посмотри, что там снаружи.

Молодой кониец вскочил на ноги, проверил новенький короткий меч в ножнах на поясе и подошёл к двери.

– Мы здесь, – сказал капралу Дукер, – чтобы купить лодку...

Потрясённое проклятье донеслось снаружи, за ним последовал торопливый топот сапог по скрипучей лестнице таверны. Новобранец по имени Истин ввалился внутрь, лицо его побелело. Из уст юноши полился впечатляющий поток конийских портовых ругательств, закончившийся словами:

– ...и вооружённая толпа снаружи, капрал! Они там не для разговоров собрались. Видел, как разделились: десяток пошёл к «Рипате».

Остальные моряки были уже на ногах. Один обратился к капралу:

– Они её сожгут, Геслер, а мы потом застрянем на этом вонючем побережье...

⁵ Длинный и просторный плащ-нарамник, чуть ниже колен, с разрезами спереди и сзади, без рукавов. Часто носился поверх кольчуги, чтобы та не нагревалась и не страдала от влаги и грязи.

– Оружие к бою – и в строй, – прорычал Геслер. Он распрямился и повернулся к другому морпеху. – К передней двери, Ураган. Найди, кто там верховодит этой толпой, и влепи стрелу между глаз.

– Мы должны спасти корабль! – снова вмешался матрос.

Геслер кивнул.

– И спасём, Веред.

Морпех по имени Ураган занял место у двери, в руках у него будто из ниоткуда появился взведённый штурмовой арбалет. Снаружи крики стали громче, ближе. Толпа распалялась, чтобы набраться храбрости и ворваться в таверну. Мальчик Истин стоял в центре зала, короткий меч дрожал у него в руке, а лицо покраснело от гнева.

– Успокойся, парень, – сказал Геслер. Его взгляд упал на Кальпа. – Если ты теперь откроешь свой Путь, маг, я уже, может, и не отрежу тебе уши.

Дукер спросил:

– Ты завёл врагов в этой деревне, капрал?

Тот усмехнулся.

– Это давненько назревало. «Рипата» набита продовольствием. Мы вас можем довести до Хиссара... наверное... нужно только сперва тут разобраться. С арбалетом справишься?

Историк вздохнул, затем кивнул.

– Будьте готовы – стрелы полетят сквозь стены, – сказал от дверей Ураган.

– Нашёл их главаря?

– Так точно, и держится он на расстоянии.

– Нельзя ждать – все к задней двери!

Хозяин, который всё это время сидел за маленькой стойкой на дальнем конце зала, теперь вышел вперёд, сгорбившись, точно краб, в ожидании первых стрел, которые пробьют стены из мешковины.

– Счёт, мезлан! За много недель! Семьдесят две джакаты...

– Сколько стоит твоя жизнь? – поинтересовался Геслер, жестом приказав Истину идти к другим матросам, которые уже выскальзывали наружу через пролом в дальней стене.

Глаза хозяина испуганно округлились, затем он повесил голову.

– Семьдесят две джакаты, мезлан?

– Где-то так, – кивнул капрал.

Прохладный, влажный воздух, пахнувший мхом и мокрым камнем, наполнил зал. Дукер посмотрел на Кальпа, который лишь молча покачал головой. Историк поднялся.

– У них там есть маг, капрал...

Рёв хлынул с улицы и волной врезался в таверну. Деревянный каркас прогнулся, джутовые стены раздулись, как паруса. Кальп издал предупредительный крик, сорвался со стула и покатился по полу. Дерево затрещало, ткань разорвалась.

Ураган рванулся прочь от передней стены, а затем все в комнате одновременно ринулись к задней двери. Пол под ногами накренился, когда передние сваи вырвались из земли. Столы и стулья попадали, покатились вместе со всем остальным. Веревающий хозяин скрылся под упавшими полками с винными кувшинами.

Вывалившись в дыру, Дукер рухнул в темноту и приземлился на кучу сухих водорослей. На него сверху упал Кальп – одни локти и колени, – так что у историка воздух вышибло из лёгких.

Передний край таверны продолжал подниматься под напором колдовской силы, которая вцепилась в него и давила.

– Делай же что-то, Кальп! – прохрипел Дукер.

В ответ маг поднял историка на ноги и хорошенько толкнул.

– Бежать! Вот что нам нужно делать!

Чародейство, охватившее таверну, вдруг утихло. Покачивавшись на задних сваях, здание упало вперёд. Перекрёстные балки треснули. Таверна словно взорвалась, деревянный каркас развалился. Потолок упал строго вниз, ударился об пол, подняв тучу песка и пыли.

Дукер побежал к берегу. Его сразу же нагнал Ураган и пропыхтел:

– Худ уж оплатит хозяину все счета, да? – Морпех приподнял свой арбалет. – Я здесь, чтобы вас прикрыть. Капрал ушёл вперёд – будет драчка по пути к причалу «Рипаты».

– Где Кальп? – спросил Дукер. Всё произошло так быстро, что он совсем потерял голову. – Он был рядом со мной...

– Пошёл вынюхивать этого чародея небось. Кто ж их, магов, разберёт, да? Ежели только не сбежал. Видит Худ, он пока не особо отличился, да?

Они добежали до пляжа. В тридцати шагах слева Геслер и матросы мчались на дюжину местных, которые перегородили узкий причал. Там был пришвартован низкий, вылизанный патрульный корабль с одной мачтой. Справа береговая линия плавно изгибалась и шла к далёкому Хиссару... городу в огне. Дукер споткнулся и остановился, глядя на багровое небо над Хиссаром.

– Тогговы соски! – прошипел Ураган, увидев, что так поразило историка. – Дриджна пришла. Видать, не повезём мы тебя обратно в город, да?

– Нет, – отрезал Дукер. – Я должен вернуться к Колтейну. Моя лошадь в конюшне – к демонам проклятую лодку.

– Они ей сейчас бока щупают, бьются об заклад. В этих краях люди ездят на верблюдах, а лошадей – едят. Забудь о ней. – Солдат протянул руку, но историк уже побежал обратно по берегу, прочь от «Рипаты» и боя, который разгорелся на причале.

Ураган замешкался, затем выругался и бросился за Дукером.

Магическое пламя вспыхнуло в воздухе над главной улицей, за ней последовал истошный крик.

«Кальп, – подумал Дукер. – Сражается или умирает».

Историк продолжал бежать по пляжу вдоль деревни, пока, как ему показалось, не очутился напротив конюшни, затем повернул прочь от моря, пробираясь через заросли на приливной полосе. Рядом возник Ураган.

– Присмотрю, чтобы по дороге с тобой ничего не случилось, да?

– Благодарю, – прошептал Дукер.

– А кто ты такой-то?

– Императорский историк. А кто ты такой, Ураган?

Тот хмыкнул.

– Никто. Совсем никто.

Проскользнув за первый ряд хибар, они замедлили шаг, стараясь держаться в тени. В нескольких шагах от улицы воздух покрылся рябью и появился Кальп. Плащ его обгорел, лицо покраснело от ожога.

– Какого Худа вы оба тут делаете? – прошипел он. – Тут гуляет высший маг – Худ его разберёт, откуда и зачем взялся. Беда только – он знает, что я здесь, так что болтаться рядом со мной – небезопасно. Я едва вывернулся в прошлый раз...

– Это ты так кричал? – спросил Дукер.

– Тебя когда-нибудь заклятьем прикладывало? У меня все кости чуть не вырывало из суставов. И в штаны нагадил. Зато живой.

– Пока что, – ухмыльнулся Ураган.

– Вот спасибо за поддержку, – пробормотал Кальп.

Дукер сказал:

– Нам нужно...

Ночь вокруг внезапно расцвела сверкающим пламенным взрывом, который бросил всех троих на землю. Историк завопил от боли, ему вторили остальные. Чары впились в тело, словно ледяные когти, коснулись костей и разлились потоками агонии по членам. Его крик стал громче, когда боль достигла мозга, заволокла мир красноватым кровавым туманом, который будто кипел перед глазами. Дукер забился в конвульсиях, начал кататься по земле, но спасения не было. Заклятье убивало историка – чудовищно личное насилие, врывавшееся в каждый уголок его естества.

Затем всё кончилось. Он неподвижно лежал, прижавшись одной щекой к прохладной грязной земле. Тело ещё некоторое время продолжало подёргиваться. Он обгадился. Он обмочился. Его пот пах горечью.

Чья-то рука ухватила Дукера за ворот телабы. Горячее дыхание Кальпа коснулось уха. Маг прошептал:

– Я ему ответил. Достаточно сильно, чтобы почувствовал. Нужно добраться до корабля... Геслера...

– Иди с Ураганом, – выдохнул Дукер. – Я беру лошадей...

– Ты свихнулся?

Прикусив губу, чтобы не закричать, историк кое-как поднялся на ноги. Он зашатался, когда воспоминания о боли прокатились по рукам и ногам.

– Иди с Ураганом, чтоб тебя! Быстро!

Кальп внимательно посмотрел на Дукера и прищурился.

– Ага, притворишься досием. Может сработать...

Бледный как смерть Ураган подёргал мага за рукав.

– Геслер вечно ждать не будет.

– Да.

В последний раз кивнув Дукеру, маг двинулся за морпехом. Оба быстро побежали к берегу.

Геслеру и матросам пришлось несладко. На почерневшем песке у причала лежали тела – первая дюжина местных и двое из конийских моряков. Геслер, которого с боков прикрывали Истин и другой матрос, пытался сдержать новый отряд жителей деревни – мужчин и женщин. Они бросались вперёд в неконтролируемой ярости с гарпунами, деревянными молотками, мясницкими ножами, а некоторые – и с голыми руками. Два оставшихся матроса – оба раненые – были уже на «Рипате», пытались быстро отдать швартовы.

Ураган подвёл Кальпа примерно на дюжину шагов к месту боя, затем присел, прицелился и выстрелил в толпу. Кто-то завопил. Ураган перебросил арбалет за плечо, выхватил короткий меч и охотничий кинжал.

– Есть у тебя что-нибудь на такой случай, маг? – спросил морпех и, не дожидаясь ответа, бросился на толпу с фланга. Местные отшатнулись; никто не погиб, но многие были ужасно изувечены, когда морпех врубился в их ряды – мёртвые никому не мешали, в отличие от раненых.

Геслер остался один у края причала: Истин волок бесчувственного товарища к кораблю. Один из матросов на палубе «Рипаты» больше не шевелился.

Кальп колебался, зная, что любые чары могут привлечь сюда высшего мага. Кадровый чародей сомневался, что выдержит ещё одну такую атаку. Все его суставы кровоточили изнутри, плоть набухала от крови. К утру он уже не сможет шевелиться. *Если доживу до утра.* Но даже так – оставались ещё некоторые уловки.

Кальп воздел руки и пронзительно закричал. Перед ним возникла стена огня, с рёвом покатила к толпе. Местные отступили, затем побежали. Пламя Кальпа продолжало преследовать их по берегу, но когда достигло спрессованного дёрна, угасло.

Ураган резко обернулся.

- Если ты такое мог сделать...
- Да это ерунда, – буркнул Кальп, подходя к солдатам.
- Стена ог...
- Говорю же, *ерунда!* Худова иллюзия это, дурень! Давайте выбираться отсюда!

Верёда они потеряли в двадцати пядях от берега: плотно засевший в груди наконечник гарпуна наконец выпустил на липкую палубу последние капли его крови. Геслер бесцеремонно перебросил мертвеца за борт. На ногах, кроме капрала, держались только молодой Истин, Ураган и Кальп. Второй матрос медленно проигрывал битву с рассечённой артерией на левом бедре – до Врат Худа ему оставалось несколько минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.